

ЧИТАЙТЕ В МАРТЕ:

В самом центре старинного уральского села Коптелово из земной толщи вырывается на поверхность чистейшей воды родник. В устье этого родника в середине семнадцатого века крестьянин Иван Коптелов срубил первую избу, а затем по его берегам поставил избы своим сыновьям. Именно с этого родника начинается славная история села. Более тридцати лет назад в десятке метров от родника был открыт сельский музей, который не только собирает и бережно хранит историю села, но и постоянно ищет формы ее популяризации.

РЕКА ВРЕМЕНИ

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

«Поведение людей напоминало хорошо организованную съемочную площадку, только на фоне реально существующей сказки. Сначала открыли одну избушку. Шаман достал из нее деревянные, украшенные таинственными резными знаками мечи и бронзовые украшения. Братья, увидев наследие предков, почтительно пали ниц. Открыли второй лабаз. Какое ритуальное одеяние извлекалось на свет! Мантии из оленьих шкур, полысевшие от времени, головные уборы, напоминавшие средневековые конусообразные колпаки с лошадиными хвостами на макушке, пояса с колокольчиками. Появились бубен, колотушка и еще что-то незнакомое, непонятное. Наконец оделись, обвесились амуницией, взяли в руки мечи, шаман ударил в бубен. И началось...»
О том, как «хорошо иметь своего шамана», о медвежьих плясках и празднике семи богатырей читайте в окончании «таёжной песни» уральских кинематографистов.

Хочешь двинуться – ищи попутчика!

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2006, №2 (584)

«Уральский следопыт», 2006, № 2 (584)

УРАЛЬСКИЙ № 2 (584), 2006
следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

февраль:

ПЕРСТНИ-ТАЛИСМАНЫ НА РУКЕ ПОЭТА

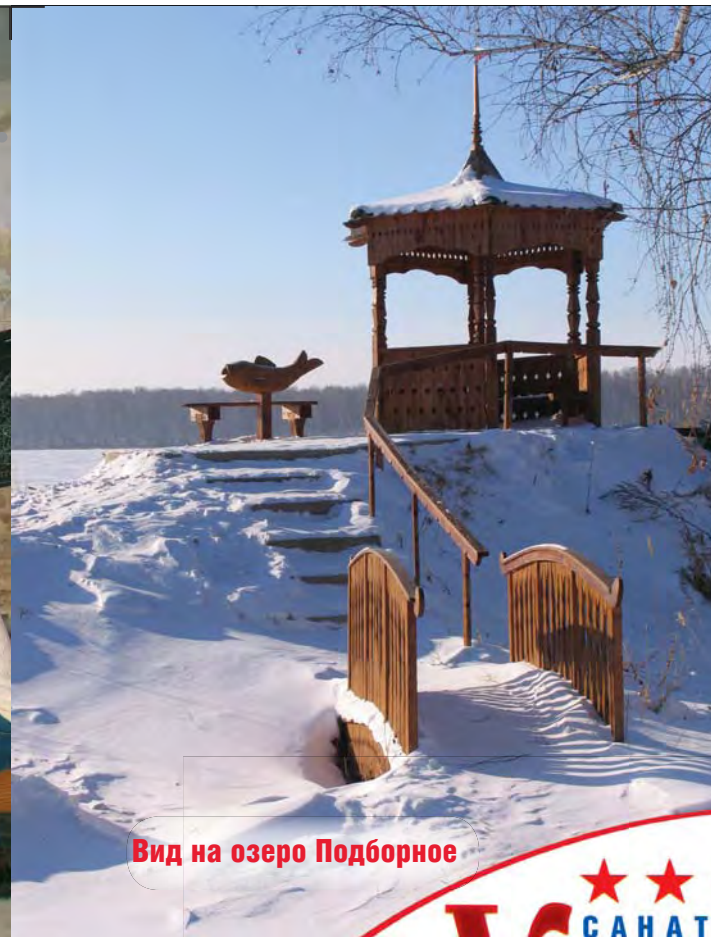
ДРУГИЕ ЛЮДИ ИЗ БОГЕМЫ

НАШИ РАРИТЕТЫ
библиотека «Следопыта»
вышла из подполья

КАК ПРАВИЛЬНО РАСКАПЫВАТЬ МАМОНТОВ

ЧУДЕСА НА «ЧЕРДАКЕ»
13 молодых художников открывают свои тайны

Вид на озеро Подборное

Детская площадка

Елена МИНАКОВА,
фото Максима ФИРСОВА,
Алексея КУЗНЕЦОВА

Маленькая планета
**БОЛЬШИХ
ЧУДАКОВ**

Александровский сад

Тел: (36166) 200-22; 200-23;
200-20.

диспетчер – круглосуточно;
(351) 278-80-94, 278-80-95.

E-mail: ok@uralsan.ru

Также подробная информация
размещена на нашем сайте:

WWW.URALSAN.RU

Молодцы ребята!!!

Вечер просто супер,
Давно искала такую атмосферу, не
думала, что это возможно. Понравилось
практически всё, особенно выбранное
место. Картины ваши не стандартны и
помещение не должно быть об...

Елена МИНАКОВА,
фото Максима ФИРСОВА,
Алексея КУЗНЕЦОВА

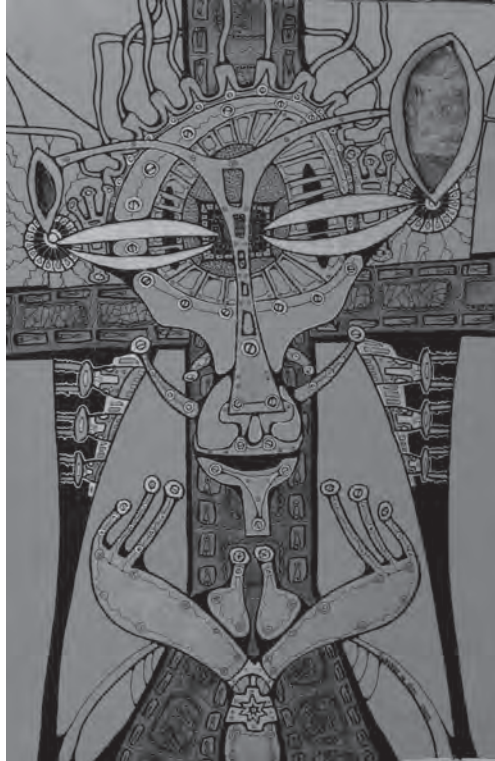

Маленькая планета БОЛЬШИХ ЧУДАКОВ

Иногда мы проходим мимо вещей с закрытыми глазами. Вот, например, лежит на дороге проволока. Или валяется гвоздь. Для кого-то это — пустяк, часть мирового хаоса. А художник — он не такой, как все. То ли мозги, то ли сетчатка глаза у него устроены как-то необычно. Даже в пустяке он видит предмет для осмысления. В ржавом гвозде, например, — человечка в шляпе. Увидел и затащил на свой чердак.

Именно это слово — «Чердак» — легло в основу проекта, который реализовали с помощью «Уральского следопыта» молодые талантливые художники. Мы заранее говорим о них — талантливые, и не просто так, для красного словца. Эти люди живут в Екатеринбурге, но все-таки обособленно, каждый в своем мире, на своем чердаке. Интересно иногда потрясти и бабушкин карман, а в голове иного художника, бывает, умещается вся память человечества.

Кажется, из сказок Гофмана, где живут ирония и причудливая фантазия, пришел к нам забавный человек Вячеслав Никулин. Говорят, новорожденный видит мир перевернутым и ему требуется какое-то время, чтобы привести зрение в соответствие с реальным положением вещей. Такое же впечатление младенца, очутившегося среди взрослых, производит художник Никулин. Рассказывает он о себе застенчиво, но с достоинством: «Вообще-то, я не художник и не музыкант. А кто? Не знаю... Слава». Отказался от своего «я». А на холсте на-

писал: «Slava Nikulin». Мимо хотела пройти. Но увидела... человека. Остановилась. А раз остановилась, то начала думать. Слава сидел на автомобильной камере, в окружении таких же, как он, выдумщиков, а в руках держал африканскую трубу. «Диджериду, — пояснил и задумался. А когда закончил размышлять, неожиданно добавил: — Я только полчаса назад узнал это название. На стенке прочитал». На стенке и я прочитала небольшое объявление для нас, зрителей, — ключик к необычному вернисажу. Выставку подготовили 13 авторов. Помогла им в этом Марина Прозорова, директор фонда поддержки молодых художников. А «Уральский следопыт» гостеприимно распахнул для этого микромира двери.

Слава принадлежит к плеяде художников-беззаконников. Благодушно сознался в том, что не только в себе самом, но и в окружающей его действительности ничего не смыслит.

— Меня отовсюду выгнали, — говорит, как о чем-то обыденном. — Из «архитектурного» выгнали (имеется в виду Уральская государственная архитектурно-художественная академия. — Авт.). Из училища художественного выгнали. В школе только экзамены сдавал. Среднее-то я закончил. С горем пополам. Ногу сломал. Не ходил целый год. Мне потом сказали все равно: «Сдавай экзамены!»

В вузе Слава тянул ляжку всего два года. Потом познакомился с людьми — «самыми лучшими». И все. Понял, что нашел родственные души и этого достаточно. Почувствовал «насыщение». Ушел.

**Кажется,
из сказок Гофмана,
где живут ирония и
причудливая фантазия,
пришел
к нам
забавный человек
Вячеслав Никулин**

Каждый пытается занять в искусстве свою нишу. И Слава не исключение. Он и в жизни оригинал. В городских автобусах ездит без билета. Не потому, что тяжело ему лишний раз открывать кошелек. Мир денег Никулин «отменил»... А я думаю, что просто Слава забыл, что живет в России, где надо платить за проезд в автобусе. И это обратная сторона Славы.

В чем-то он похож еще и на философа Диогена, который жил в бочке. Рассказывает о себе просто, без рисовки:

— Видимо, я оказался слишком безумным, потому что мне дали мастерскую! На ВИЗе. Это завод какой-то. А дело было так. Я позвонил по объявлению в газете. Там было написано: «Требуется планировщик». Планировщик — это вот, мебель расставить. Я позвонил директору. А он мне говорит: «Мне помимо мебели и ее расстановки надо все здание спроектировать». Я говорю: «Это не планировка, это рабочий проект. И что, — говорю, — вы мне денег за планировку, а я вам все здание? Вы, конечно, умный человек, — говорю, — я вас хвалю за это»... Но потом он все-таки позвонил. Сам. Через полгода. Говорит: «У меня тут помещение отремонтировали строители. Полуподвал». Там мы теперь с ребятами и сидим. Кайфуем.

Слава мечтает пустить три понятия по России. «Повштыривать» (что означает — почувствовать себя полностью свободным), «комья» (видимо, артефакт) и «все отменяется» (в переводе нет надобности). Была такая традиция в Серебряном веке — изобретать иероглифический язык понятий, «азбуку ума». «Будетлянами» с легкой руки Хлебникова стали

называть себя футуристы, проповедники искусства будущего. Вот и Славе Никулину тоже хочется выглядеть оригинально. Он хотя и носит фамилию клоуна, но, видимо, не против того, чтобы пополнить ряды поклонников Дали, Малевича или Шемякина.

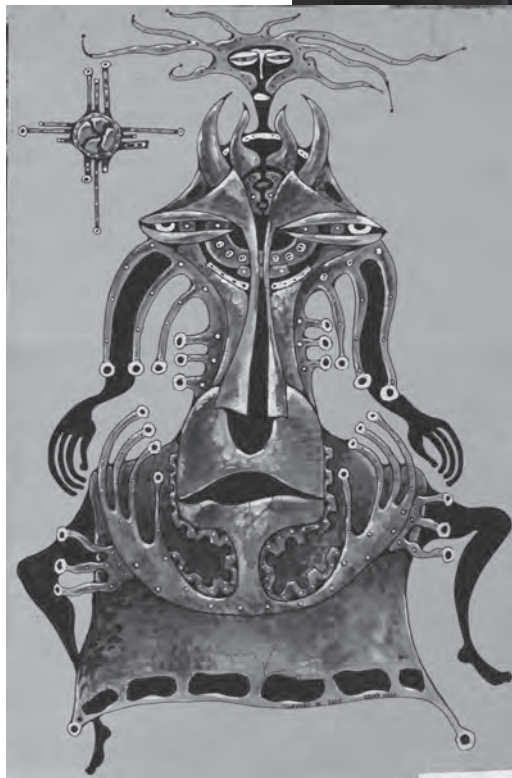
В то же время Слава — скромный человек.

— Это все не мое, — говорит он о своих работах. — Это письма в будущее...

Что такое «будущее», не знает никто. А непонятное всегда немного беспокоит. Кто-то даже сказал Славе опрометчиво: «Все это фигня!», — разглядывая очередную шедевр, разрисованный маркером. Где в подподсознании у человека, настроенного критично, рождается мысль, что «он уже это видел».

Повштыривает, значит, почувствует, что такое настоящая эйфория

Слава, в какой-то мере, идет от эстетики постмодернизма. Но его «письма в будущее» (как и мне тоже показалось) содержат отголоски великих, которые жили и творили в относительно недавнем прошлом.

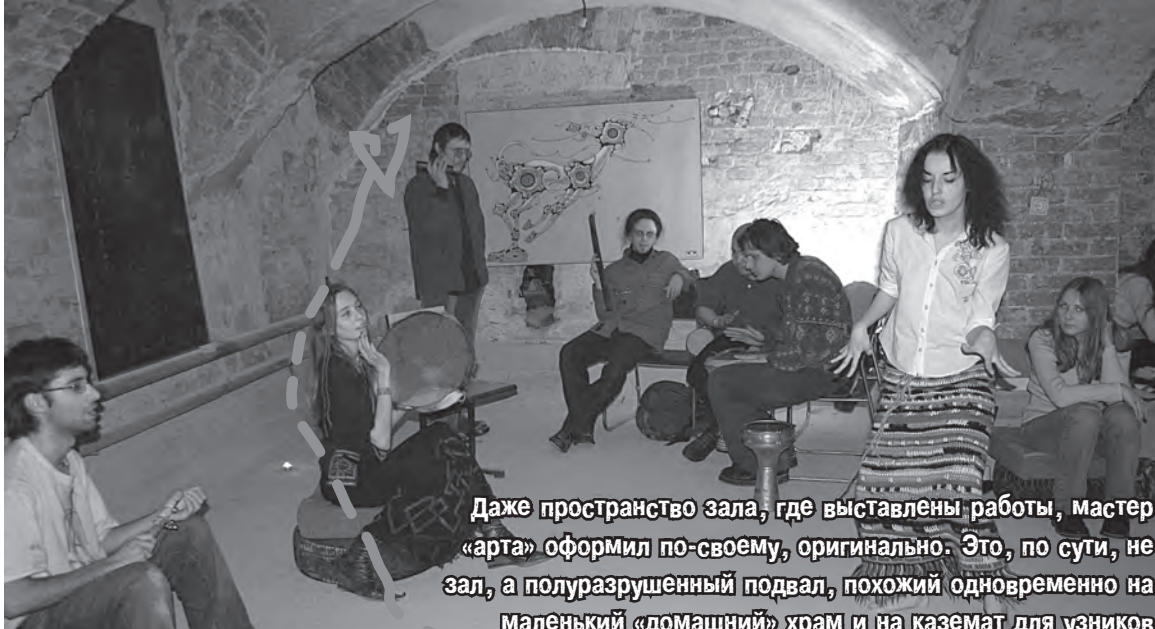
Слава не любит спорить. Но и говорит на каком-то своем птичьем языке.

— Ну а как насчет писем в прошлое? — спросила я его.

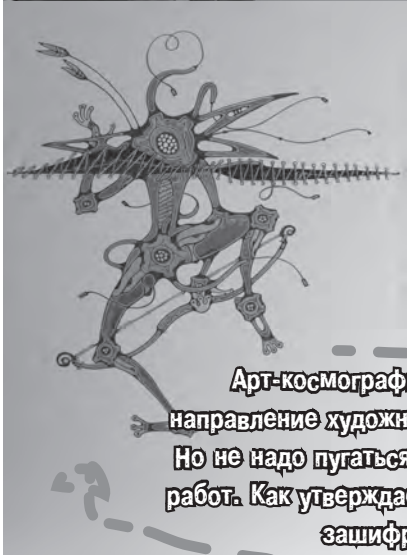
— А что такое прошлое? — ответил он вопросом на вопрос. — Полсекунды назад — это что, прошлое или настоящее? Или полсекунды вперед — это настоящее или будущее? Недавно взялся пере

речитывать биографию Филонова. И обалдел. Оказалось, что и Филонов через живопись, и Флоренский через философию, и Хлебников через поэзию занимались тем же самым, чем и я занимаюсь.

Арт-космографика — главное направление художника Никулина. Названия его работ: «Маска Солнца», «Крест», «АТНО-1», «ЭМ-3», «ЭМ-4», но не надо их пугаться. В аббревиатурах — музыка, поясняет автор. А тем, кто проявляет особую любознательность, он даже дает дельные советы. Оказывается, на линии надо смотреть с позиции музыкальных ритмов. Для наглядности Слава использует даже «живые» струны. Их можно подтянуть, и тогда получится гитара. Применяет переменные

Даже пространство зала, где выставлены работы, мастер «арта» оформил по-своему, оригинально. Это, по сути, не зал, а полуразрушенный подвал, похожий одновременно на маленький «домашний» храм и на каземат для узников

Арт-космография — главное направление художника Никулина. Но не надо пугаться названий его работ. Как утверждает автор, в них зашифрована музыка

а на веревке висит амортизатор от автомобиля. Все это, вместе взятое, — «комья», которые содержат «космическую информацию».

В мире художников, по мнению Славы, нет конкуренции. Принцип таков: либо тебя покупают и ты «крутой», либо ты никому не интересен. Но почему-то себя Никулин от этого принципа отделяет. К судьбам своих работ он равнодушен. Не важно ему — купят их или выбросят на свалку.

— Пусть хламятся, — заявляет снисходительно. — Даст Бог, народ еще когда-нибудь на них посмотрит, повштыривает...

Повштыривает, значит, почувствует, что такое настоящая эйфория.

Вот уже полгода Слава «просто сидит» под землей. Без работы. Но похоже, что для него этого не повод расстраиваться. Признается:

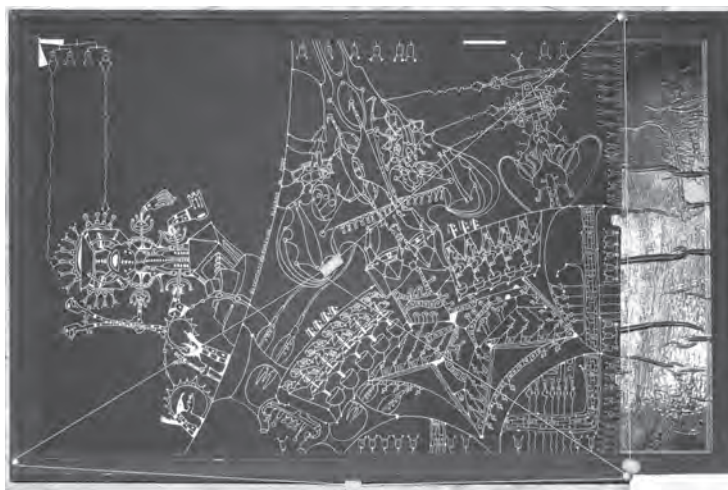
— Видимо, я долго уже нахожусь в состоянии эйфории. Что такое работа — забыл, не знаю. Ну, халтуру под Новый год — чё бы и не сделать, стенки бы не раскрасить?! Мы раз — и раскрасим! Я вообще считаю так: кому надо, тот всегда найдет то, что ищет.

Достаточно просто чего-нибудь захотеть. Достаточно мысли. И все сразу подгружается.

У слова «мысль» есть родственное понятие — «смысл жизни». Но и его Слава тоже трактует по-своему. На вопрос: «Чего ты хочешь от

резисторы. Вживляет в холст «молоточки» от пианино, чтобы желающие могли воспользоваться ими еще и как ударным инструментом.

И хотя автор утверждает, что все это «баловство» и нельзя к такому искусству «серьезно относиться», чувствуется во всех его поступках и словах некая идеология (Слава употребил бы слово «эзотерика»). Даже пространство зала, где выставлены работы, мастер «арта» оформил по-своему, оригинально. Это, по сути, не зал, а полуразрушенный подвал, похожий одновременно на маленький «домашний» храм и на каземат для узников. Здесь сохранилась неплохая акустика — благоприятная среда для катакомбной живописи. В наши дни, правда, на этом пространстве гуляет только эхо. Но сейчас стоит еще и разбитая керосиновая лампа,

«И я нисколько не пожалел, что пришел, — искренне признался наш уважаемый гость. — Все авторы действительно еще очень молоды, видят мир детскими глазами. И за каждой работой — труд, а иногда даже мозоли на пальцах».

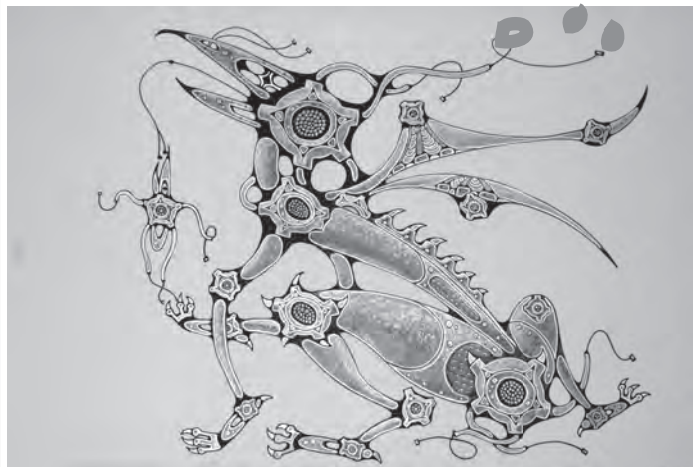
жизни?» — он отвечает кратко: «Покататься». Подразумевается: поездить по миру.

Много художников бродит по белу свету, но не все из них — художники. Также остается открытым вопрос и о гениях. Кто из гениев настоящий? Кто просто честно выполняет свою работу, ремесленничает? А кто всего-навсего дурачит человечество? Бывает, рассматриваешь «Черный квадрат» Малевича и понимаешь, что ничего не понимаешь ни в искусстве, ни в жизни.

А где-то в далекой Америке живет художник, которого тоже можно причислить к «крутым», к гениям. Он создал такое полотно: огромный белый квадрат, и только где-то внизу на холсте маячит маленькая черная точка. Работа называется: «Одиночество». Одиночество в Нью-Йорке. Но и в Екатеринбурге можно почувствовать себя такой же маленькой точкой. И в этом заключается сила настоящего искусства. В простоте.

Слава Никулин — один из тех, кто тоже рассказывает об одиночестве. Но только он живет не в мире небоскребов, а в мире чердаков и подвалов. Балуетя, рассказывает чужие стенки, играет на африканской трубе...

Особенность таких художников в том, что они — дети. А детям надо помогать. Не высаживайте из автобуса. Пусть едут куда хотят. Может, на следующей остановке их ждет триумф.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы продолжаем наш проект «Чердак — новые открытия». На вернисаж, который открылся в январе, неожиданно пожаловал и член наблюдательного совета «Уральского следопыта», заслуженный врач России, почетный гражданин Екатеринбурга Семен Спектор. На дворе стоял трескучий крещенский мороз, столбик термометра, казалось, надолго застыл на отметке 30 градусов, ну а в нашей гостиной тепло было от улыбок. Многие не побоялись зимы и пришли к нам в гости.

13 молодых, но очень ярких художников представили свои работы в четырех залах здания. «И я нисколько не пожалел, что пришел, — искренне признался наш уважаемый гость. — Все авторы действительно еще очень молоды, видят мир детскими глазами. Но у каждого из них уже сформировался свой неповторимый почерк. И за каждой работой — труд, а иногда даже мозоли на пальцах».

Пушистые облачка-ассоциации Ольги Сокаревой превратились в картины и удивили многих. Художница знает, как согреть пространство, навести уют в доме. А ведь, по сути, она возрождает забытое экзотическое искусство. Техники войлочного ковроткачества владели еще древние скотоводы, жители Средней Азии. Они использовали сырье и как строительный материал, и как основу для изготовления одежды. На Руси так же прочно укоренилась обувь из войлока — знаменитые сибирские валенки. И вдруг — образные панно в Екатеринбурге, да в наши дни! Как такое возможно? В руках молодой мастерицы древнее искусство обретает новое звучание, в клочке шерсти художница видит что-то свое...

PS. Когда верстался номер.

3 февраля на открытии третьего этапа проекта «Чердак» в выставочных залах журнала представили свои работы уже 20 молодых художников. Последний, заключительный этап запланирован на 17 февраля.

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
 Андрей Наседкин,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин
Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова
Художник — Ирина Овсянникова
Набор — Валентина Кадочникова
Корректор — Татьяна Сергеевко
Интернет-версия — Андрей Ключников
На 1-й полосе обложки — В. Никулин,
 «КРЕСТ»

Учредитель — общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»

Издатель — ООО «Уральский следопыт»
Редакционный совет —

Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Пращкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет —

Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
 «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www: uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 2, 2006
 Издаётся с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

**Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР.**

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом на логотипы
 и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт,
 по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Каждая
 страница рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе;
 указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакторскую правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, дополнен-
 ные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия
 ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
 По вопросам приобретения журнала
 обращаться по тел. (343) 257-10-74.

Подписано к печати 04.02.2006 года.
 Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная. Печать
 офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии
 ООО «ИА «Рег-пресс», г. Первоуральск,
 ул. Чкалова, 18-в, тел. (34392) 675-09.
 Заказ №

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

февраль 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

В мире прекрасного

И. ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА

Загадки пейзажей

демидовского парка 2 0

Проекты «Уральского следопыта»

Ю. СЕНТЯБРЕВ Экспонат, который можно трогать ... 2 4

Ю. СЕНТЯБРЕВ Химмаш и сельская читальня 2 5

Краеведческая копилка

Е. МИНАКОВА Через 300лет после бури..... 3 0

Документальный рассказ

Б. ГАЛЯЗИМОВ В поисках покоя 3 7

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России..... 4 1

Записки очевидца

В. ШУМКОВ Страна пещер.

Увельская подземка 5 7

Пушкиниана

А. ЯЛОВЕНКО Две версии о талисманах 7 6

Женщины Древней Руси

Ю. ГОРБУНОВ Софья Палеолог 8 1

АЭЛИТА

Современная проза

Е. СЕРЕБРЯКОВ Другие люди 4 2

Наш гость

Т. МАКАРОВА Параллель 6 3

Современная поэзия

В. ЧЕРНОВ Стихи..... 8 0

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Проекты «Уральского следопыта»

Е. МИНАКОВА Маленькая планета больших чудачков... 1

Экспедиция

Н. ЕРОХИН За мамонтом! 6

С. ПОГОРЕЛОВ В холодной северной ночи 3 3

Е. МИНАКОВА Робинзоны тундры..... 4 9

Наши увлечения

И. СТАРКОВ Страсти по голубям..... 2 6

Советы специалиста

Г. ЧЕУРИН Долговременный костер

в условиях зимнего леса 6 0

Николай ЕРОХИН,
фото Алексея ШЕСТОПАЛОВА

**Сказание о звере мамонте,
о котором обыватели сибирские скажут
якобы живет под землей,
с их о том доказательствы и других о том
различные мнения.
В.Н.Татищев**

За МАМОНТОМ!

В 2000 году на севере Западной Сибири, на самом краю земли, а если точнее, на северной оконечности Гыданского полуострова, в устье реки Енисей, ненец Степан Яптунай нашел торчавший из земли бивень мамонта. Бивень, понятное дело, вещь нужная, в хозяйстве полезная. А если не пригодится, в наш рыночный век его можно и продать. Благо, спрос есть!

Не успел Степан подумать, как поступить со столь дорогой находкой, как глядь-поглядь, явились два типчика. Представились сотрудниками Мамонтового комитета (есть такой в Зоологическом музее Санкт-Петербурга) и договорились купить бивень. Взяли его и исчезли...

Обидно стало ненцу Степану. Рассказал он о сих товарищах в администрации поселка Гыда. Разослали на этих людишек ориентировку по всем ближайшим городам, где есть аэропорты. Быстро всё как-то получилось. Неожиданно быстро для тех двух субъектов, которые через норильский аэропорт пытались улететь из этих мест. С бивнем, конечно! И бумаги у них в порядке, и печати, и подписи. Да только жадность их сгубила.

«Повязали» их на контроле аэропорта. Отобрали бивень, а самих стали проверять-раскручивать. Вот тут-то и выяснилось: и люди они не те, за кого себя выдают, и бумажки на сбор бивней у них липовые.

Долго ли, коротко ли, дошла эта история до власти предрержащих города Салехарда. А в этом городе музей. Не простой, а целый музейно-выставочный комплекс. И в этом музее не то что хорошего бивня-черепа, даже скелета мамонта нет. Есть, правда, мумия мамонтенка, но хочется чего-нибудь покрупнее. Мамонтообразного! Гигантского!

Как раз в это время здесь работал палеонтолог из Екатеринбурга Павел Андреевич Косинцев. Он и подсказал музейщикам интересную мысль: раз есть бивень, то недра там, возможно, хранят и весь остальной скелет. А целый скелет мамонта это хорошо. Это наглядно. Для музея в самый раз.

При таком раскладе надо уже работать, а не

штаны-юбки о стулья-табуретки протирать. Посему в августе 2004 года палеонтолог Косинцев и заведующая отделом природы Салехардского музейно-выставочного комплекса Евгения Хозяинова вылетели на место «бивневого преступления».

На месте опытный глаз палеонтолога увидел нерадостную картину. Вокруг неглубокой ямы валялись громадные кости ног с лоскутами кожи и лохмотьями связок, на многих из них были видны следы от порезов ножами, и почти все были погрызены песцами. Пряди мамонтовых волос торчали из замороженной земли. Копать бесполезно, мерзлота. Времени мало. Лето на севере коротко. В этот год уже сделать ничего невозможно. Осталось одно — изучить, что лежит на поверхности. Вот тут-то и выявилась интересная особенность. В наличии только кости ног. Ни позвонков, ни ребер, а фрагмент громадной тазовой кости — вон он, вмороженный, в грунте торчит. Ни откопать, ни выдернуть!

Лежит он (мамонт), бедолага, где-то ниже, в мерзлоте, скорее всего, в полном комплекте. Необходимо организовывать специальную «извлекающую» экспедицию.

Павел Андреевич и Женя отправили собранные кости сначала в поселок Гыда, затем водой-морем в музей города Салехарда. Ну и сами, конечно, улетели. Улетели, в частности, для того, чтобы договориться с администрацией округа о серьезной экспедиции на следующий год.

Из личного полевого дневника
22.08.2005

Всё когда-то начинается. Подъём, загрузка грузовика, утряска рюкзаков и людей в «Газель». Всего нас четверо: Павел Андреевич Косинцев, начальник экспедиции, Лёня Маракулин, студент Уральского государственного университета, Алексей Шестопапов — фото- и видеооператор и я.

После досмотра и отправки груза сидим, как простые смертные, в зале для рейсовых пассажиров. Вид у нас, правда, диковат. Сапоги, защитная пятни-

стая одежда. Утеплены не по погоде. Окружающие поглядывают на нашу компанию не то с интересом, не то с опаской. Уже сейчас мы похожи если не на «бичей», то, по крайней мере, на о-о-чень бывалых «полевиков». Как-то будем выглядеть при возвращении? Но до этого еще надо дожить.

Громовым голосом объявляют наш рейс. Снова разгрузка грузовика и загрузка вертолета. Приятно работать в компании опытных коллег. Загрузились, закрылись, транспортировщик вытащил нас на взлет. Завелись, прогреблись, разогнались, взлетели. Одни глаголы. Глаголы действия, а не бездействия. И это хорошо.

Наш маршрут пролегает к краю земли, в прямом и переносном смысле. Лететь еще насколько часов. Если город Салехард находится на Полярном круге, то нам надо забраться еще на 500–600 километров севернее. На самую северную оконечность Гыданского полуострова Западной Сибири, почти на берег Северного Ледовитого океана.

Видимость за бортом хорошая. С высоты триста метров прекрасно видны лебеди — то парами, то целыми стаями. Их очень много. А вот буровые вышки и чумы здесь встречаются редко. Равнина, озера, болота, извилистые реки.

Чем ближе мы к месту нашей работы, тем сильнее меняется вид тундры за бортом. Заболоченную равнину сменяет сухая возвышенность. Болот нет, озер почти нет, небольшие речки текут в глубоких узких долинах. Тундра из зеленой превращается в серую. Это арктические тундры. Кустарников нет, открытой воды очень мало. Тут холодно и всё, или почти всё, вымерзает.

Наконец заходим на посадку. Снова быстрая разгрузка. Стройматериалы в одну сторону, продукты в другую, рюкзаки дальше. Падаем сверху на вещи, прижимая их плотнее от бешеных потоков воздуха. Вертолет набирает обороты и, подпрыгнув, уходит ввысь.

Три часа дня. Солнце, легкий ветерок, облаков почти нет. Гул вертолета и он сам исчезают за холмами. С тишиной приходит звон в ушах. Всё-таки лете-ли несколько часов. Теперь надо разобраться, где мы находимся, где ставить лагерь и где мамонт.

Рядом с местом посадки, у ручья, высокий песчано-галечный обрыв. На верхней площадке лежат несколько небольших, округлых камней, один из которых удивительно напоминает то ли голову человека, то ли мамонтиху с мамонтенком. Тут же установили его на самое высокое место и объявили идолом-талисманом нашей экспедиции. Так и простоял он все время нашей работы, возвышаясь над палаточным лагерем, хорошо видный из любой точки. Посмотришь на него, когда становится тоскливо среди однообразия тундры, и уже не чувствуешь себя одиноким.

Осмотрев окрестности, поняли, что до места, где находится мамонт, километра полтора. Или грузы переносить, или тут жить. Посмотрели на наш камень-идол, на ручей с заводью, на солнышко и решили базироваться здесь.

Хороший экспромт — это подготовленный экспромт. А хорошая жизнь в экспедиции — это хорошо оборудованный лагерь. Под каждую жилую палатку сбиваем специальные деревянные щиты — защита от сырости снизу. Отдельно ставим хозяйственно-продуктовую палатку. Выбираем место под кухню и устанавливаем ветрозащитные экраны. В стороне выкапываем и оборудуем выгребную яму. На все это удовольствие ушло всего пара-тройка часов, так что к вечеру решили первый раз сходить на место раскопок.

Обычно ископаемых животных (мамонтов, носорогов, бизонов) находят в долинах рек, а тут приходится забираться на самый гребень возвышенности, в понижение между двумя холмами. Именно здесь, на продуваемом гребне, перед нашими глазами предстала отнюдь не радужная картина. Грязная,

• **Начальный вид раскопа**

оплывшая яма и десятка три крупных костей, разбросанных по ее периферии. Среди них выделялись несколько особенно крупных. Половина черепа с остатками зубов верхней челюсти, разрушенная вдоль, сломанная на две половинки нижняя челюсть и одна громадная лопатовидная тазовая кость.

Не дает покою Степану Яптунаю ненайденный тут бивень. Видать, и в этом году он рылся тут с применением хорошего топора.

Хотя нет худа без добра. Выкопав локальную глубокую яму в районе черепа, вырубив его из мерзлоты и выкинув на поверхность, он тем самым на добрых полметра понизил уровень оттаивания мерзлоты в этом месте. Следовательно, при естественной летней скорости оттаивания 2–4 см в день он сэкономил нам 12–25 раскопочных дней.

Оценив степень разрушения, крепко призадумались. Что и как делать теперь? Как и где копать? Что найдём? Скорее всего, строительство полиэтиленового павильона для оттаивания грунта над раскопом придётся пока отменить. Несколько дней уйдёт на выравнивание и расчистку раскопа.

Сидим в лагере. Длинные сутки первого дня заканчиваются. Хотя время позднее, светло. Полярный день. Солнце над горизонтом почти на севере. Тихий, ясный вечер. Тепло, вернее, не холодно. Народ наконец уgomонился и отправился спать.

В палатке пока еще сухо. Пол ровный. Отличная вещь — деревянные трапы. Под спальный мешок укладываю снятый пуховый костюм. На голову шапочку, на ноги шерстяные носки. Никакого пижонства. В экспедиции надо быть здоровым и работоспособным. Если кто-то, не дай бог, приболел, его работу будут выполнять другие, в ущерб своей. Так что личного тут почти ничего не остается. Но... спать, спать.

23.08.2005

Итак, работа начинается! Для начала с помощью компаса определяем север и юг. Первое дело при раскопках — правильно расположить и разметить рабочую площадь. В нашем случае решили, что 5х5 метров хватит. Затем надо заложить (то есть разметить) отдельные раскопочные квадраты. Они могут быть разными в зависимости от поставленных задач. В нашем случае чем меньше, тем лучше. С помощью металлических штырей, шнура и рулетки начинаем разметку раскопа. Поскольку яма уже есть, то размеченные квадраты из шнура оказываются в воздухе над грунтом. Такая разметка называется висячей или съёмной (то

есть убираемой). Такую мы и выбрали для удобства дальнейшей работы.

Чудо! Два мужика держат мерную ленту, третий делает отметки на параллельно натянутом шнуре. Одна линия размечена, затем другая и так далее. Со стороны смотреть на это действие, наверное, смешно. Три здоровенных лба играют в шнурочки. Вагоны бы разгружали, а не в песочнице игрались! Что ж, каждому своё. Зато мы знаем, как правильно раскапывать мамонтов.

Павел Андреевич ходит где-то рядом по тундре. Лёня начинает зачищать лопатой грунт в уже поврежденных (перекопанных) местах. Я старательно зарисовываю и замеряю контуры всех ямок-впадин, стараясь понять, что и когда тут происходило.

Вот внешний контур ямы глубиной 20–30 см — скорее всего, самые первые поиски бивня Степаном. Вот оплывшие ямки глубиной 30–50 см, это прошлогодние, а вот две свежие, затопленные водой — этого года. Одна гигантская, в ней лежал череп. Другая поменьше. Для чего и зачем? Пока не ясно. А вот специальный канал для отведения талых вод. Да, серьезно он тут похулиганил. Ведь говорили ему, что если приедем сюда и найдём бивень, то заплатим ему как автору находки. Нет, сам решил всё найти!

Жалко! Ведь кости, что сейчас валяются по краям раскопа, еще весной — летом лежали, как у нас говорят, «in situ», то есть в естественном, непо тревоженном залегании. Конечно, где примерно и какая из них лежала, установить для нас несложно, но красивого раскопа уже не получится.

Начинаем общую зачистку поверхности. Сразу находим позвоночный столб. Позвонки аккуратно лежат один к другому. Вот грудной отдел, вот поясничный. Шейный отдел приходится на Степанову яму и отсутствует. В районе таза тоже пробел. Вон вывернутая до нас тазовая кость лежит на поверхности, а вот хвостовой отдел уходит в стенку раскопа. Значит, раскоп надо расширять. Сделаем!

Копать лопатой почти не приходится. Почти сразу переходим на мастерок и шпатель. Только начали расчищать позвонки, рядышком пошли рёбра. Так и должно быть. Ничего нового. Разве что общая картина залегания стала яснее. Рёбра правой стороны лежат на грунте, позвоночник чётко на спине, рёбра левого бока переломаны и лежат вдоль

• **Расчищенная и вымытая часть скелета мамонта с сохранившимся фрагментом желудка**

позвоночника. При зачистке всего этого безобразия, в первый же день, выявилась интересная особенность. Наряду с серым суглинистым заполнением грунтом пошла какая-то странная торфянистая масса. Только через десять минут до меня дошло. Батюшки, да мы же копаемся в сохранившихся внутренностях. Вот в районе ребер желудочная масса, а вот ближе к крупе — кишечная. Стенки кишечника почти не сохранились, а вот их содержимое...

Павел Андреевич начал собирать всё это добро по мешочкам. Боже, как он доволен. Прыгает, как ребенок. А всего-то дел, откопали кучу навоза. Начальник так расстарался в раскопках мамонтова дерьма, что вскоре пришлось отправить его в лагерь для работы абсолютно другого рода. В приготовлении обеда от него будет больше толку, к тому же мешаться в нашем отнюдь не гигантском раскопе он не будет. Сами же решили еще часок поработать. А тут новая неожиданность.

В районе холки нашего мамонта неожиданно попался очень хороший фрагмент шерсти. Рядом безобразная Степанова яма, а с краю пласт меха. Пригляделся. Да это же отлично сохранившийся бок мамонта, только без кожи. Один мех, как руно. Под ним сразу идёт мерзлота, почти чистый лед. Слой шерсти сработал как изолятор. Над ним оттаявший суглинок.

Теперь надо думать. Как раскапывать мамонтов в такой ситуации, нас никто не учил! А что, если?.. Если аккуратно руками, а не шпателем или совком (о лопате и говорить не приходится) снять жидкую грязь, тогда шерсть — мех от замороженного основания отделяется ровно и аккуратно. Слой шерсти толстый, состоит из

грубых волос от коричневого до бордового оттенка, и ворсинки диаметром до полумиллиметра. Шерсть скользит по мерзлоте, как «ледянка» при катании с зимней горки. Расчищаем участок 50x50 см. Накладываем пару слоев газет. Нет, мало, надо ещё слоя три-четыре. Теперь прижмем тут, отделим здесь, приподнимем в этом месте. И аккуратно наматываем слой шерсти на газеты, как рулет.

Лёня понимает меня с полуслова, быстро подаёт то, что прошу, подхватывает в нужных местах. Прямо профессиональная хирургическая операция! С фиксацией-документированием тоже всё отлично. Леша Шестопалов, профессиональный видеооператор, с невероятной интуицией угадывал и снимал весь этот уникальный процесс.

Теми же газетами аккуратно, насколько это возможно в жидкой грязи и воде, обматываем готовый рулон шерсти мамонта. Он тяжелый, мокрый и скользкий. Извивается в руках, как живой. Выносим из раскопа, согнувшись в три погребели, и разворачиваем на картон от разобранной гербарной папки.

• **Фрагмент шерсти**

Ботаническая наука требует жертв! Грязь во всю эту «рулетную» конструкцию зацепили совсем немного. Ну да ничего, высохнет — осыплется!

К обеду в гости пожаловали двое мальчишек-ненцев, сыновья Степана. Ещё бы! Вон какие интересные дядьки приехали к ним! Не каждый день и даже месяц встретишь в тундре новых людей, а эти, чудачки, за костями мамонта приехали. За бивнями — это понятно, а кости-то кому нужны? Из них ничего хорошего не сделаешь. Ни рукоятки для ножа, ни поделки. Да и продать на сторону можно только бивни, а не кости мамонта.

Таким образом, вторая половина дня на раскопе прошла под их присмотром. Видимо, наш ненецкий друг Степан Яптунай подослал ребят проверить,

• Так катают рулоны шерсти!

что же копают ученые. Не крадут ли втихушку его ненайденный бивень!

Надо сказать, наша возня с навозом здорово их разочаровала и больше эти ребята к нам не приходили. А мы продолжаем наше грязное дело. И вот очередной подарок! Желудок. Со стенками. С содержимым. Половину сняли целиком, а вот другая, увы, ещё заморожена. Оттаивать надо медленно, не торопясь. Горячка тут не нужна! Ни в работе, ни в кипятке. Вот на Алтае, когда нашли замороженную так называемую «Алтайскую принцессу», применили кипяток для оттаивания. И что? А то! Мы так делать не будем!

Поэтому переходим к раскопкам на другой участок. Теперь, пardon, к заднице. Вертикальная полоса уже знакомой шерсти четко отделяет серо-буро-зеленую полость тела с его заполнением от чисто-серого промороженного вмещающего грунта. Даже фрагмент прямой кишки попался.

Зачистили краевой участок чистого грунта до мерзлоты, поставили контрольные маркеры оттаивания. Интересно, на сколько она протает до завтра. От этого зависит скорость дальнейших работ. Похоже, именно мерзлота будет тормозить всё дело!

От изобилия находок и открытий кружится голова. Значительную часть времени потратили на топо-, фото- и видеосъемку и зарисовку всей ситуации в деталях.

В работе время идёт незаметно. Расчищаем, фиксируем и убираем смещенные и переломанные временем ребра левого бока мамонта. Делаем контрольную зачистку мерзлоты под ними. Чисто. Тут мамонта больше нет. Значит, все правильно. Упал на спину, завалился на правый бок. Так и лежал бедняга много тысяч лет до нашего прихода. А переломанные и сдвинутые ребра левого бока — это воздействие верхнего погребавшего грунта.

Медленная, занудная работёнка. Никакой романтики. Чистим и этикетуем извлеченные в течение дня кости. Где какая лежала, её номер, под каким углом она находилась в толще грунта и так далее.

Тем временем Леша Шестопалов при расчистке противоположного участка раскопа обнаружил мощные связки и сухожилия с костями. Скорее всего, это передняя нога. Ничего, разберемся позже! Не убежит!

По окончании работ, как всегда, выносим находки. Павел Андреевич и Лёша на импровизированных носилках несут кусок шкуры с шерстью. Я — ребра левого бока в рюкзаке, Лёня — мешки с содержимым желудка и кишечника.

Вечер. Ужин при великолепной тихой погоде. Температура — градусов десять. Гробовая тишина. Ни ветерка. Сумерки. Редкая низкая облачность. Луна. С негромким курлыканьем тянутся на юг косяки гусей.

24.08.2005

С утра пасмурно. Мерзлота оттаяла всего на 1–2 см, не более. Желудок тоже не оттаял. Придётся делать что-то другое. Что ж, займемся позвоночником.

Насколько помню анатомию, у позвонков, особенно грудных, должен быть длинный спинной отросток. Его не видно. Мамонт лежит на спине, и этот отросток уходит как раз в глубь грунта. Покачиваем с Лёней позвонок. Шевелится. Вправо, влево. Теперь на себя. И позвонок в руках. Целенький. Дальше — проще. Фотоснимок — позвонок — фотоснимок — позвонок и так далее.

Закончили с позвонками, принялись за рёбра правого бока. До желудка снимали по уже отработанной схеме, а далее — стоп! Объекты приморожены. Выламывать никак нельзя. Надо ждать. Теперь зачищаем поверхность мерзлого грунта по всей площади раскопа от оттаявшей за ночь грязевой каши. Сделали и это! Что дальше?

А дальше самое интересное. Снова начали катать рулоны шерсти. Парочку у крупа, парочку у грудного отдела. Скатать скатали, а вынуть не можем. Слой шерсти уходит в стенку раскопа. Пришлось их укутать газетами и оставить пока на месте. Когда разберем стенку, тогда и будем мотать дальше.

Павел Андреевич с Лёшей в это время откапывали стопу передней ноги с кожей, сухожилиями и мягкими тканями. Жутко хотелось посмотреть, что там у них и как. Но, увы! Своих забот хватает.

Полдень. Двигаемся в сторону лагеря и совершенно неожиданно видим поблизости стаю «краснокнижных» птиц. Девять краснозобых казарок мерно шествуют по берегу ручья.

Ветер усиливается. Начинает моросить дождь. Холодает. Обед выстывает моментом. Ребята крепят палатки поштормовому. Укрываем вещи. Окончательно оборудуем быт.

Сию около ручья. Перемыл все принесённые кости. Особенно намучился с раздробленным черепом. «Синюха», серо-синий суглинок, во всех складках

и западинках. Пришлось даже проволочкой поковырять. Пока вычищал, об острые края костей поцарапал руки. Народ дремлет под хлопанье тентов. Вот допишу и тоже попытаюсь вздремнуть. Умаялись с непривычки. Видать, ещё не втянулись в работу.

Ничего нового, но приятно. Мерзлота оттаяла на 5 см — это хорошо. В раскопе теперь засасывает — это плохо. Желудок-кишечник так и не оттаял — это плохо. Смотрели более квадратного метра шерсти — это хорошо. Нога, с которой возьется Паша с Лёшей, по-прежнему в мерзлоте — это плохо. Погода наладилась, светит солнце, ветер стих, потеплело — это хорошо. Смотанный

целиком гигантский фрагмент шерсти имеет такой вес, что его невозможно вынести — это плохо. Сейчас будет ужин и конец рабочего дня — это хорошо.

25.08.2005

«Прогнило что-то в датском королевстве». Нога мамонта так и не оттаяла. Пытаемся вырубать. Пока неудачно. Сплошной жильный лед. Желудок-кишечник наконец сняли с двумя оставшимися ребрами под ним. Смотрели наполовину ещё два «коврика» шерсти, но не можем их извлечь. Та же проблема: шерсть уходит в стенку и в мерзлоту. Надо ждать. Собрали в рюкзаки позвонки и ребра и отправились при дождике и ветре домой.

Не были в лагере всего пару часов, и вот сюрприз! У нас украли защитный тент от дождя, рулон полиэтиленовой плёнки, предназначенной для оттаивания мерзлоты на месте раскопа, половину продуктов, запасной примус и паяльную лампу, почти все инструменты, астронавигатор, почти все личные деньги, УКВ-рации и даже CD-плеер. Хорошо, что казенные деньги были с собой да рабочее фото- и видео.

Теперь, когда нет полиэтилена, придется мокнуть. Если выйдет из строя примус — придется жевать крупу, да и оставшиеся продукты придется экономить. До «вертушки» мы, конечно, доживём, но уже с приключениями.

Ночью сильный шквалистый ветер располосовал на ленты штатные тенты палаток, да и сами палатки гнуло так, что потолок лежал почти на лицах.

26.08.2005

Сию в лагере. Пытаюсь штопать тенты. Ребята ушли к ненцу Степану Яптунаю обсудить создавшуюся ситуацию. Без толку. Ответ простой: «Ничего не знаем, никого не видели».

За день был и сильнейший ветер, и холод, и снежные заряды. Оставшийся примус еле раскопегарили. Паяльная лампа не работает совсем. Спутниковый телефон молчит. Сходили с Лёней за черепом мамонта, вернее, за его сохранившейся половиной. Голову привязали к доске и понесли, как охотничий трофей, на плечах. Тяжело, но благо, вся дорога от раскопа до лагеря не больше полутора километров.

Рулоны шерсти пока оставили. Нога мамонта оттаяла. Почти. Ещё держится. Специальными растяжками приподняли

оттавшаую часть над землей и закрепили. Может быть, к завтрашнему дню закончим с ней возиться. Ох, мечты, мечты!

Поужинали супом, пока еще сваренным. В половине восьмого вечера уже разошлись по палаткам.

27.08.2005

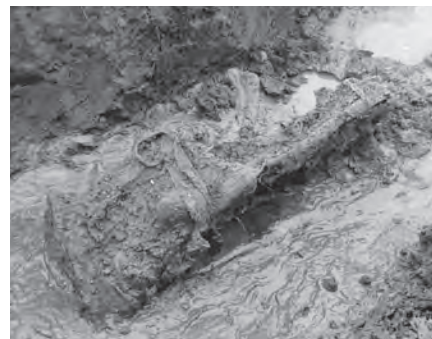
Всю ночь то дождь, то снег. Холодно. Сыро. Ветрено. Утром вставать не торопились. На раскопе сначала собирались снимать ногу, а на деле снова катаем шерсть. Да сколько же ее тут? Сняли уже около 4 квадратных метров, а она всё не кончается. Похоже, правый бок соберём целиком. Хоть чуело делай. Затем сунулись опять к ноге. Ан нет! Пытались вырубать ногу из сплошного льда лопатой. Не получается. Глубоко сидит. Придется оставить её на протайку ещё на сутки.

Лежим по палаткам. Разгадываем гигантский сканворд, не вылезая наружу. Работаем и живём дальше, как будто никаких позавчерашних злоключений не было. У ребят отличная психика и железная выдержка.

28.08.2005

В лагере остался Лёня. Ещё одной кражи мы уже не перенесем. Так и помереть недолго.

Знакомый маршрут. Лагерь — раскоп. Раскоп — лагерь. Даже по окрестностям не погуляли, красоты не посмотрели. Сколько лет наступаю на те же грабли: если первые два дня не осмотришь окрестности, работа засосёт так, что никуда уже не выберешься. Нынче то же самое. Может, будет ещё время погулять по арктической тундре. Опять же к Северному Ледовитому океану надо сходить.

• Сохранившаяся нога мамонта на дне раскопа

• Мамонтовский хальмерчик

Тем не менее, копаем дальше. Ногу вырубали-таки из мерзлоты. А она как желе. Еле-еле поместили ее на полиэтиленовый мешок и вытянули наверх. Килограммов 40–50 весом. Сырая. Грязная. Рыхлая. Пришлось так и оставить на краю. Подсыхать. Теперь думать надо, что с ней делать дальше. Если бы был курящий, море сигарет спалил бы. Так часто приходится здесь устраивать «обдумные перекуры». Однако выход есть!

Идём в лагерь с Лёшей за досками, гвоздями и неукраденной пилой. Затем на раскопе долго судили-рядили, какой сделать ящик для переноски ценного объекта. Он ведь ещё должен выполнять функции хранения здесь и быть пригодным для дальнейшей транспортировки в Салехард.

В конце концов, сбили ящик типа «хальмер» с ручками, в виде носилок. Размер выбрали так, чтобы «костюмчик сидел» впритык. Не болтался. На дне кильблоки по форме «тела». Усиленные стенки внутри и по дну выложены мхом.

Загружали ногу, как младенца в люльку, а выносили так долго и медленно, что любая похоронная процессия позавидовала бы. Несли ящик почти два часа, а расстояние-то плёвое. Правда, груз ценный. Да и брутто оказалось тяжёлым. Общий вес был, наверное, под центнер. С таким грузом на плече по тундре не побегаешь.

Когда оказались в пределах видимости лагеря, дали Лёне от-машку. Вчетвером выносить сей «хальмерчик» было уже легче. Каждому по ручке носилок на плечо — и вперёд.

Весь день стояла солнечная, безветренная, можно даже сказать, тёплая погода. Вечером очень тихо, и только летящие на юг клинья гусей лёгким клёкотом нарушают тишину. А мы смотрим в северо-западную часть горизонта и любуемся одновременно на заходящее солнце и на стареющую луну. Только ради красоты закатов можно ездить на Север! На тенты палаток выпадает обильная роса.

29.08.2005

Весь день прекрасная погода. Даже появились комары. Вот уж кого не ждали! Тем не менее «вперёд и с песней» на работу. Зачищаем стенку раскопа и описываем отложения грунта, которые засыпали нашего (уже нашего!) мамонта. Берём образцы грунта над ним, около него, под ним. Образцы для спорово-пыльцевого анализа, на гранулометрический, на карпологический и прочие ...ические исследования. Чего в науке только не придумают!

Ближе к вечеру-ночи на горизонте появилась оленья упряжка. Различили четвёрку оленей, запряженных в нарты, в них местный житель. Едет прямо к нам. Красивое это зрелище, оленья упряжка в тундре!

А пожаловал к нам ненец Пётр Яптунай. То, что в округе почти все Яптунай, объяснять не надо. А вот то, что он кроме оленеводства занимается ещё и рыбной ловлей, уже интересно. Обнаружилось это, когда он подтащил к нашей примусной кухне мешок рыбы. Тут и красная рыба — кумжа, и белая — муксуны, и ещё что-то сельдеобразное. Оказывается, Петра в этом году подвёл поставщик товаров. Вместо отечественных болотников привёз ему итальянские коротенькие сапожки. «Гуляй — не хочю!» А куда ему в таком чуде в тундру? Вот и предложил он нам бартер! Вам, господа русские ученые, то ли геологи, то ли ещё кто, рыбка, а мне, как уезжать будете, сапожки болотные. Лады?

Поболтали за жизнь, вручили Петру кипу газет на ненецком языке, которыми нас специально снабдили в Салехарде для подобных визитов, и разошлись-разъехались к обоюдному удовольствию.

Сейчас уже поздно. Сижу и готовлю чертежи и карты к завтрашнему походу к Енисейской губе. Это уже Северный Ледовитый океан.

30.08.2005

Сегодня решили сходить к Енисейской губе. Названия-то какие! Река Енисей, пролив Овцына, море Карское, океан Ледовитый. Песня, а не слова. А громкие какие! Как выстрел!

Берём с собой легкий перекус, астро-навигатор, компасы, карты. Гербарную папку, пакеты для сбора биологических и геологических материалов. Двуручную пилу для взятия образцов ископаемой древесины (если встретится). А ещё теплые куртки на случай непогоды. Набрали с собой барахла, как в серьезную экспедицию. А дороги-то дюжина километров туда, ну и столько же обратно.

Рельеф холмистый. Масса логов с ручьями и без. Кругом бугры пучения «булганьхи — байджехи» да зелёные пятна песцовых норовиц. Стараемся не скакать по этому рельефу, а идем по «плакору» — гребню возвышенностей.

Из первых интересных находок — почти метровый ствол дерева диаметром 25—30 сантиметров, вертикально торчащий из земли. По нашим предположениям, он должен иметь возраст около 5—7 тысяч лет. Сгоряча начали отпиливать образец. Крошится. Спасибо Лёше Шестопалову, он быстро успокоил меня: «Не суетись! Мы недалеко от лагеря ушли. Бери «джипиесную» точку, то бишь координаты, и пошли дальше. Нам весь день по тундре слоняться, не таскать же эти килограммы с собой!» Пожалуй, он прав. Махнул рукой, и мы двинулись дальше.

Вскоре на горизонте появилась достаточно высокая гряда гор, за ней другая. Вместо того, чтобы спускаться к морю, лезем в горы. Чудно как-то. Хотя на карте чудес нет. Так и должно быть. На вершинах этих гор «купола» бугров пучения, по склонам — полубугры. Никогда не видел их в таком количестве, что-то их тут слишком много.

На подходе к предполагаемой высшей точке района — высоте 81 (в дальнейшем просто «81») — заметили на вершине что-то похожее сначала на разрушенную буровую, затем на кустики, а подойдя ближе, увидели, что это какая-то развалившаяся конструкция. Теперь предполагаем, что это остатки чума. Леша опять пробурчал себе под нос: «Чум ненцы бросают только в одном случае. Когда в семье эпидемия. Чум — это жизнь! Чум — это всё! Так что вряд ли!»

Расстояния в тундре обманчивы.

• Слева на право: Л. Маракублин, П. Яптунай, автор, П. Косинцев

Определить размеры увиденного объекта очень тяжело, когда вокруг все плоско и пусто и не с чем сопоставить размеры увиденного.

Спускаемся в глубокий лог, теряем метров 20–30 высоты и штормуем очень крутой склон почти в лоб. Объекта не видим, а, поднявшись выше по склону, понимаем: это же упавшая по ветру триангуляционная (геодезическая) пирамида! Значит, это и есть вершина 81. Конструкция, казавшаяся со стороны гигантской, оказалась всего 4-метровой по высоте, а, завалившись на бок, высотой была не более 2,5 метра.

В сотне-другой метров севернее этого места приметили холмик, похожий на кучу рогов северного оленя. Похоже, святилище! Так оно и оказалось.

Плотно сложенные рога образовывали компактную кучу высотой чуть более метра. Немного обработанного дерева в виде досок. Несколько диагонально воткнутых шестов-хореев, для скрепления конструкции. Сверху лежит расколота временем доска с воткнутыми в пазы деревянными резными палочками-идолами (идольница). Тут же вырезанные из дерева и покрытые сверху жёсткой модели утки и медведя. Но самой неожиданной находкой оказался череп бурого медведя: до тайги отсюда далекоовато, километров четыреста. Рога оленей с черепами покрыты толстым слоем непотревоженного лишайника. Железа очень мало, цветного металла нет совсем. Из стеклянных изделий только прислоненная к основанию бутылка из-под водки с клеймом 1997 года. Да ещё сбоку привязана ярко-красная, ещё не выцветшая, ленточка ткани. Основной конструкции, наверное, лет сто, не меньше.

Вокруг ещё несколько находок. Угольное пятно от небольшого костерка. С другого края святилища остатки развалившихся от времени нарт — вероятно, жертвенных. А вот отдельно лежащая широкая доска-полоз (прямо доска для серфинга) да ещё с прибитыми к ней железками, это что-то непонятное. Одна — остатки сундучного замка. Другая железка — бронзяшка. Диск-ситечко зелёного цвета. Все предметы явно культового назначения, но мы таких ещё не встречали. Вся площадка покрыта ровным слоем неповреждённого мха. Наверное, под ним много интересного, но это не про нашу честь!

С удовольствием фиксируем это чудо на фото и видео. Угробили массу плёнки и «памяти» всех мастей, понимаем, что забраться сюда ещё раз вряд ли удастся.

С высоты святилища на горизонте, меж двух возвышенностей, видно море. Но до него ещё 8 километров. По долине идём к морю. Справа неспешно течет, сначала прямо, а потом всё более и более меандрируя (петляя), река Салпада-Яха. На отмелях — стаи гусей. По пляжам — следы северных оленей, и, доказательством человеческого пребывания здесь, пара площадок со следами установки чумов.

Долина шириной 200–400 метров зажата высокими склонами, иногда до каньонов шириной 6–10 метров. Множество небольших ручьёв-притоков. Перешагнул или перебрёл через такой — и вперёд, дальше.

Таким образом доплелись до устья реки, оказавшегося наглухо забитым плавником (плавучей древесиной). В основном товарные брёвна, забившие широкую дельту реки Салпада-Яха на всю 200-метровую ширину да ещё метров 300 вверх по течению. Вероятно, приливы и шторма загоняют плавник в низкую дельту реки. А по берегу моря, то есть Енисейской губы, плавника меньше. Он лежит полосой шириной метров 10–15 по всему берегу насколько хватает взгляда.

Оно и понятно. Енисей река большая. Течёт вдоль всей лесной

• Медведь

• Идольница

• Утка

зоны Западной Сибири, где деревья рубят и рубят. Дикого плавника, из естественно поваленных деревьев, очень мало. Изредка на берегу попадают борта, шпангоуты и прочая деревянная оснастка судов. Некоторые вырублены весьма примитивно и грубо. Какого возраста эти следы цивилизации, сказать трудно. Может, и поморские кочи тут есть? Кто знает!

Берег высокий, изрезан оврагами. То тут, то там видны линзы ископаемого льда, пятна мерзлоты и сплошные обвалы торфяных масс. Между плавником и водой находится чистенькая полоса песчаного пляжа двух-трехметровой ширины, но нет ни водорослей, ни тины, ни моллюсков. Скучно. Зато пластиковые бутылки встречаются и здесь! Да, забыл сказать: вода слабосоленая. Устье Енисея, однако! Река распресняет океан!

Бродили по берегу часа три, мочили ножки в море-окияне, дышали морским

ветром. Я подобрал обломок весла, Лёша Шестопалов нашёл череп ископаемого овцебыка.

На левом устьевом мысу обнаружили остатки изб, в которых жили русские мужики-крестьяне (спецпереселенцы 30-х годов). Бедолаг высадили тут на пустой берег. Да, тоскливо им здесь было, если и сейчас, при солнечной погоде, вокруг всё как-то серо, холодно, ветрено и неудобно. И лежат они, горемычные, скорее всего, где-то здесь же.

Возвращались другим, правым берегом Салпады. Притоков меньше, а оврагов больше. Хотели как лучше, а получилось как всегда. Напрыгались вверх-вниз до дури. Высоту «81» обошли вокруг, но наматывали больше километража на наши усталые ножки. В верховья реки, где стоит наш лагерь, вышли, как говорится, «на автопилоте».

Дошли. Выпили по три кружки чая, а всё кажется мало. Неспотря на усталость, засыпаю плохо. Писать сил уже нет.

31.08.2005

Утро началось только в 9.30. Пишу между бесконечным завтраком (чай-рыба-чай-гречка-чай-чай-чай). Всё ещё добираем вчерашнюю потерю влаги в организме. Сушим сапоги, нижнее белье, свитера. Благо, погода позволяет. Солнце, ветер и... плюс 15 градусов.

Сушим шкуры, то есть шерсть, ногу мамонта, погадки и прочие образцы. Думаем, как жить сегодня. Косинцев возится с рыбой, я с этими записями, а два «Л» поступили ещё грамотнее — спят.

Ближе к полудню пошли на раскоп. Лёня перелопачивает браконьерские отвалы ненцев в надежде найти мелкие кости мамонта, которые они могли туда выкинуть. А у меня новая работа на несколько дней. Необходимо сделать топосъёмку местности. Та ещё работёнка! Участок съёмки, правда, оказался интересным. Попался даже водопад высотой два метра на участке подпруженного пойменного болота. Мезо- и микрорельеф сложный, пока плохо понятный.

К семи вечера работы прекратили. Ужин. Трёп. Весь день солнце, тепло, тихо. Немного оттаявшей и кусающей мошки. Две-три большие стаи гусей, летящих на юг. После захода солнца похолодало. Тишина такая, что в ушах звенит, да еще нудят одиночные комары.

1.09.2005

Все становится обыденным до безобразия. Весь день пластались на топосъёмке. Сплошные лога. Всё изрезано. Интересный геоморфологический объект попался только под вечер. Это были достаточно широкие углубления в склонах округлой формы с линейными, продольными бороздами и грядами. Неожиданно понял: да это же цирковые впадины каровых ледников. И сторона северная, и полосы эрозионные.

Если объяснять их происхождение подробно: весной в северных или горных районах снег стаивает неравномерно. На южном склоне тает быстро и стекает вешней водой, на северном — медленно. На определенной стадии образуется фирновый снег, который спрессовывается в лёд. Лёду таять тяжело, да и сам он тяжелый. Подтаивая, он сползает большой массой, как настоящий ледник, и перепахивает подстилающий грунт с образованием всех тех мезо- и микроформ рельефа, которые нам сегодня попались. Красота!

В лагере ничего нового. Разве что ногу мамонта, которую вынули из «ящика-хальмера» просушиваться на ветру, хорошо обдуло, и она теперь не трясется, как желе, а стянута, хотя бы по поверхности, плотной, сухой кожей. С вечерним похолоданием и увеличением влажности быстрехонько упаковали её обратно в ящик, обложив великолепно просушенным за день мхом.

02.09.2005

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

С утра, как обычно в последнее время, солнечно, сухо и тепло. Как и вчера, пошли с Лёней Маракулиным доделывать топографию. Тут тоже интересная геоморфология (формы рельефа). Если на северных склонах одни условия и особенности формирования рельефа, то на южных совсем другие. Это так называемые солифлюкционные процессы. Если проще, текучесть грунта. Мерзлота здесь залегает совсем близко от поверхности, каких-нибудь 20–30 см. Она в чуть заметных понижениях южного склона, при прогревании под иногда тёплым северным солнышком, всё же начинает оттаивать. Затем сползает кусками и полосами вниз по склону. Как оползень. При этом образуются полосы содранного дёрна. Только вот внизу весь этот снесённый грунт образует труднопроходимый вал земли, называемый учёным словом — морена.

Работали спокойно. Ничто не предвещало беды. Вдруг резко похолодало и потемнело. Взглянули на горизонт, и волосы встали дыбом. С северо-запада, с моря, надвигался шквал. Солнце померкло, и нас резко накрыло туманом, ветром, снегом и прочей гадостью. Видимость не более пятидесяти метров. И это в тундре, где ориентиров для передвижения почти нет. Быстро уходим в сторону лагеря, сбиваемся с пути. Один распадок, другой. Не наши, незнакомые. Приходится доставать GPS и по нему выходить «на путь истинный». В лагере крутится наш кинооператор Леша Шестопалов, в одиночку распахивая по палаткам разложенные для просушки научные материалы, одежду, обувь, продукты, ногу и бесконечные рулоны мамонтовой шерсти.

С ходу подключаемся к нему, но не это самое главное. Нет начальника! Павел Андреевич, как всегда в одиночку, ушел бродить по окрестностям. Который день он собирает все подряд. Погадки, кости, этнографию. На нём один свитер, головного убора нет, и ушёл он за четыре километра от лагеря без компаса и карты. Далеко, если учесть, что видимость минимальная. Есть повод для волнений.

Сверху сыплет и льет, ветер сбивает с ног. Разорвало тент у одной палатки, и пополз у другой. Температура продолжает падать. Мы все мокрые, руки чокенеют.

Развешиваем у лагеря пустые канистры с железными прутьями, которые гремят под порывами ветра. Как похоронный набат. Метров за сто ничего не слышно. Только вой бурана. Но ведь надо что-то делать! А то сойдешь с ума!

Охватили этими железками трансекту метров 400, затем расставил ребят в пределах критической видимости и на крайнем участке встал сам. Нет ничего хуже, чем ждать да догонять.

Через два часа начальник материализовался из хмари и тумана. В каком он был виде — не описать. Но живой! Сначала он решил отсидеться под крутым подветренным склоном, но когда начал замерзать, стал вспоминать рельеф местности. Где и куда текут реки, где и какие ручьи, где какие возвышенности, какое примерно расстояние до лагеря. Жить захочешь, задумаешься. На нашу цепочку он вышел почти точно. Почти!

Через шесть часов заряд пронесло и катаклизм почти закончился. Видимость улучшилась до 200–300 метров.

Этот вечер изрядно убавил наши запасы жидкого лекарства, но ситуация того стоила.

03.09.2005

Начальник требует компенсацию за вчерашнюю передрагу: «Хочу на святилище! Вы его видели, а я нет! Вдобавок не вырезали нужную ископаемую древесину!» Пришлось с ним согласиться, и мы вышли в повторный поход на высоту 81. Теперь дорогу мы знаем, поэтому добрались до места достаточно быстро. За прошедшие три дня здесь ничего не изменилось. Снова изучали это сооружение. Сегодня обнаружил, что у одного из хореев ручка сделана в виде силуэта медведя. Опять фотографировали. Начальник, как лиса вокруг курицы, вьется у черепа бурого медведя. Не дает покою его палеонтолого-зоологической душе этот уникальный для этих мест объект. А когда он стал приматывать к шесту кожаный ремень, украшенный массой бронзовых, алюминиевых и медных пуговиц, всё стало ясно. Меняет одну жертву на другую. Чтобы обмен для духа святилища был более выгодным, мы добавляем к этой жертве боевые патроны и стеклянную бижутерию.

Возвращаемся новым, ещё нехоженым путем. При движении отклонились в сторону от маршрута и прошли мимо ископаемого бревна. Жалко.

04.09.2005

Сегодня наконец закончили топосъёмку последнего участка. Именно здесь нашли ещё один интереснейший солифлюкционный поток. Он, немой свидетель, при внимательном рассмотрении может «рассказать» о потеплениях и похолоданиях в этом месте за последнюю сотню-другую лет, а может, и больший срок.

Начальника экспедиции последний случай ничему не научил. Он по-прежнему в одиночку собирает погадки канюков-зимняков литрами и ведрами. Кости мелких грызунов, которые в них находятся, ценный научный материал. Иногда кости мышей (полевок, леммингов) могут сказать о прошлом местности больше груды костей мамонта.

Павел Андреевич повился в лагере неожиданно, как джинн из бутылки, четко к обеду. Принес массу интересных вещей. Одна особенно интересна. Это голова, вырезанная из дерева, с галстукком в виде белой ленточки на шее. Ни дать, ни взять — идол с острова Пасхи. Почти стопроцентное сходство.

Вооружившись двуручной пилой, вместе с нашим безотказным рабочим, или просто студентом Лёнькой, отправились выпиливать образцы ископаемой древесины. Таких полупогребённых бревен у лагеря мы приглядели уже с пяток. Взяли их все. Даёшь подвиг! Теперь можно жить дальше!

05.09.2005

Ветрено. Очень ветрено. Прохладно. Нет, просто холодно. Какой только работы себе не придумаем! Павел Андреевич сказал: «Мы набрали здесь столько ценного и уникального научного материала, что вопроса о том, писать или не писать большую, толстую учёную книгу, не стоит. Мы просто обязаны написать монографию о нашей экспедиции». Ну-ну! Вот и ходи опять по окрестностям и работай, работай... Кажется, я начал ворчать!

С завтраком-обедом-ужином проблемы. Примус отказывается работать, паяльная лампа совсем сдохла. Призрак голода и сырой крупы замаячил на горизонте.

06.09.2005

Когда же всё это кончится? Всё дальше уходим за горизонт. Ещё к одному мамонту. Кстати, километров сто западнее целый полуостров так и называется — полуостров Мамонта. Тут

- Автор на раскопе
- Водопад в тундре
- Шерсть и мерзлота

их, видать, как собак, вернее мамонтов, нерезанных.

Пошли мимо нашего раскопа. За эти дни он так оплыл, что опознать наши работы уже невозможно. Просто свежая грязная яма, и только. Пройдет совсем немного времени, она подернется травой, и всё, никаких следов! Ни мамонта, ни нас. Природа!

Однако мы идём всё дальше и дальше. Неподалёку от конечного пункта нашего путешествия вышли на площадку, где стоял в этом году ненецкий чум. На площадке россыпь обрезков бивня. Собрали. Прошли ещё немного, и вот он. Нет, не мамонт, а глубокий, свежий и грязный овраг пятнадцатиметровой глубины. У одной из стенок десятка два сильно раздробленных костей да пара «мамонтовских» позвонков.

Зачищаем стенку. Фрагмент лопатки, обломки плечевой кости, целая метаподия. Маловато. Все сильно покровлено

Состав экспедиции, слева на право: А.Шестопалов, Л. Маракулин, Н. Ерохин, П.Косинцев

• Святилище

тундре. Тут ближайšie пеньки полтысячи километров южнее. Есть чему удивиться. На самом деле очередное древнее бревно, отторгаемое мерзлотой. Выжимает она его из грунта почти вертикально. Пришлось и его взять.

Ужин — лёгкий. Ветерок — средний. Температура — 10 градусов. Дождя нет. Павел Андреевич с Лёшей долго колдуют над примусом и который уже вечер выясняют, что же из себя представляет легендарный народ тюменского севера — сихиртя. Но, увы, разговор этот очень длинный...

07.09.2005

Ну, когда же это закончится? КПА собрался в очередной «зимняче-туалетный» поход, да вдобавок меня с собой берет. Вообще-то наше старое правило гласит: если первые два-три дня не познакомился с окрестностями в районе работ, успокойся. С ними ты уже не познакомишься. Вся экспедиция от начала до конца пройдёт под девизом «раскоп—лагерь—раскоп—лагерь». Если честно говорить, я даже доволен, что раскопки закончились и можно погулять по тундре.

Идем, как водится, туда, где ещё не были и есть шанс встретить что-то новенькое. Слонялись по логам, ручьям и возвышенностям часов шесть, но, увы, находки стандартные. Пакет птичьих погадок, кости современных животных и немного ископаемой древесины. Всё в дело пойдет! На реконструкцию природного комплекса в данном месте за определенный исторический этап, включая современность.

В лагере опять сидит Петр Яптунай. Он привез несколько мешков рыбы и аккуратно расспрашивает Лешу, у кого и какого размера болотные сапоги, какого производства, старые или нет. Уже примеряется к ним. А куда мы денемся?

Пора бы успокоиться и отдохнуть, но опять нет! Теперь стали изучать геологическое строение местных отложений. Накануне приглядели высокий незадернованный обрывчик и теперь закладываем геологическую канаву для изучения четвертичных отложений и взятия проб. Другая часть группы наводит порядок у раскопа, убирает мусор, сломанные инструменты, собирает чуть ли не отдельные волоски мамонта. Мы всегда действуем по правилу «после нас лучше, чем до нас»!

Стемнело. Наконец мы зажгли костёр, — первый за всё время экспедиции. Теперь можно! Завтра, может быть, улетим! Сидим, разговариваем. Байки травим. Красота!

сползающим мёрзлым грунтом. Вот она, сила солифлюкции! Ничего не жалеет! Всё перемалывает, как мясорубка!

Наиболее ценные находки уложили в рюкзаки и до дому. Дождь. Вымокли. Лежим по палаткам, отогреваемся. Надо отоспаться и как следует отдохнуть. Не тут-то было! Теперь решили сходить в абсолютно противоположную сторону.

Только вышли, смотрим — стоит пенек. Всё бы ничего, но мы же в арктической

- **Рассвет на мысе Каменном**
- **Плавник на берегу Енисейской губы**

08.09.2005

Вещи для погрузки мы разместили неудачно, и вертолет подвис метрах в пятидесяти в стороне. Далековато, если учесть, какую силу имеет воздушная волна от винта. Воздушная подушка чуть не валила с ног, а ведь надо ещё вещи на погрузку тащишь. Грузились тяжело и долго. Ящики с образцами килограммов по 40—50, а когда несёшь планшеты с шерстью, они, как парус, грозят унести тебя далеко в тундру. Мне ещё повезло: я стоял на приёме груза внутри вертолета, распахивал по углам наш скарб. Через пять минут куртки ребят уже валялись в углу, а от них шёл пар, как от загнанных лошадей...

Взлетели. Таких счастливых лиц я давно уже не видел. Прямо эйфория какая-то!

Пока летели, связались с Салехардом. Сообщили, что в аэропорту нас ждут три машины, а в городе радио- и телекорреспонденты. Наконец садимся. Нас долго не цепляют к транспортировщику, не дают машину для груза и не выпускают за территорию аэропорта. Но кончается и это. Мамонта и полевое оборудование — в грузовик для салехардского музея, людей — в «Газель».

Хорошо, хоть здесь никаких накладок. В этом заслуга нашего ангела-хранителя — археологини Маши Литвиненко из Салехардского музейно-выставочного комплекса. Она весь день отслеживала наш прилёт.

Личные вещи разгружаем на квартире в одном месте, кости разгружаем в другом. Их обязательно в тень и на ветер. Под сваи музея. Ногу и мех — в третье место. В не отапливаемое, но сухое помещение. Теперь с них надо снять дорожную упаковку, развернуть, расправить...

Начальник по очереди дает интервью корреспондентам и допускает их до съемки. Нам с Лёнькой не до них. Рулоны надо очистить от лишнего скотча и бумаги. Сделать подложку из картона. Разложить образцы для досухи. А тут еще сотовый телефон надрывается. Выясняется, что через три дня надо срочно выезжать в очередную экспедицию, на реку Таз. Опять телефон — теперь другая ин-

формация. В Байдарацкой губе на берег выбросило кита, и музейные сотрудники уговаривают нас поехать туда. Сразу! Немедленно! Ужас какой-то! Сумасшедшая цивилизация!

Грязные кости и меха-шкурки вычищены, вымыты и просушены. Теперь это музейные экспонаты, которым не грозит разрушение. Они могут отлично храниться в музейных условиях. Что с ними будет дальше? Чучела, скелеты? Это покажет время и, увы, деньги. А мы сделали свое дело! Я надеюсь, хорошо.

Сам себя не похвалишь — как оплеванный ходишь!

Ирина ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА

Загадки пейзажей демидовского парка

В газете «Уральский рабочий» за 3 апреля 1926 года есть упоминание о двух пейзажах, обнаруженных председателем Кыштымского окрисполкома тов. Упоровым, которые он изъясил и взял на свое попечение. «До этого картины валялись среди разного хлама и пыли... В числе собранных тов. Упоровым картин есть... два вида старого Петербурга, художественной ценности не представляющие, но интересные как бытовые...»

Вспомним, что, помимо прочих, Кыштымский верхний и нижний железодобывательные, чугуноплавильные, золотопромывательные заводы в своё время принадлежали Петру Григорьевичу Демидову. Возможно, когда оба эти пейзажа оказались ненужными в Петербурге (мода прошла на подобную живопись? или они стали негодными?), их отправили в Кыштым. В 1926 г. из Кыштымского т.н. «Белого» дома Расторгуева (о чём свидетельствует заметка в газете «Уральский рабочий») они попали в художественный отдел музея УОЛЕ, затем в Свердловский краеведческий музей, а

1 апреля 1936 года были приказом переданы в числе других произведений в Свердловскую картинную галерею.

И вот в зале русской живописи Екатеринбургского музея изобразительных искусств много лет висят два интересных пейзажа конца XVIII века под названием «Сцены екатерининской эпохи». Существовала ли на самом деле или была вымышленной та местность, что показана на картинах, что за усадьба и парк изображены на них, кому они могли принадлежать, кто мог быть автором пейзажей, без сомнения, парных друг другу?.. Несмотря на то, что многое сейчас стало очевидным и понятным, атрибуционная работа над ними не прекращается до сих пор.

На одной картине (стр. 21) в центре внимания находится усадебный дом, построенный в стиле классицизма. Двухэтажный, прямоугольный в плане, главный корпус связан дугами оград с двумя флигелями. Над высокой крышей возвышается прямоугольный бельведер*, завершённый парапетом из каменных тумб и решеток. Венчается здание плавным завер-

шением крыши, на котором развевается красный флаг. Перед домом развернулось гуляние, — то здесь, то там видны дамы с кавалерами, крестьянки водят хоровод, кувыркаются дети с собаками, и пируют крестьяне, — изображенное в виде отдельных стаффажных** групп. Вдоль череды деревьев за правым флигелем стоят маленькие пушечки.

На втором полотне (с. 20) — парк с речкой, через которую перекинута два мостика. На холме возвышается причудливый по архитектуре деревянный дом с башней и восьмигранником, соединенные между собой крытой галереей. Вдалеке виднеется китайская беседка. В этой картине также «живут» фигурки людей, объединенные в обособленные группы: косцы, собиратели сена, дамы и кавалеры, отдыхающие на скамеечках, катающиеся на лодках и гуляющие по тропинкам в сени деревьев.

Теперь с абсолютной точностью и уверенностью можно сказать, что это усадебный дом и пентусский

парк в Сиворицах, в имени Петра Григорьевича Демидова под Петербургом, в 12 км от Гатчины. Оно было приобретено им в 1771 г. у Апраксиных, которым, в свою очередь, было пожаловано Петром I в 1712 г. адмиралу Ф.М. Апраксину. Рядом находятся и Таицы, имение брата — Александра Григорьевича Демидова. Для строительства обеих усадеб был приглашен талантливый архитектор Иван Егорович Старов, женатый на сестре Демидовых.

В Сиворицах новый дом и флигели возводятся в 1775—1777 гг. В 1775 г. строится и небольшая Никольская церковь на берегу речки Сиворки, вероятно, одновременно ведется разбивка пейзажного парка, раскинувшегося вокруг пруда. Композиция парка состояла из нескольких зрительных лучей, которые расходились от усадебного дома и замыкались парковыми «затаями». (На сегодняшний день сохранилась лишь классическая ротонда с куполом.) Парк примыкал к дому с северо-запада, а

Проект усадебного дома в Сиворицах. Фасад к озеру

противоположный фасад был обращен к парадному подъездному двору, образованному двумя симметричными флигелями и дугами глухой кирпичной ограды. По обеим сторонам его размещались хозяйственные зоны. Усадебный дом доминировал над всем пространством демидовского поместья, будучи расположенным на вершине холма, и служил центром композиции для парка и прилегающих построек. К парадному двору усадьбы веером сходились дороги, проложенные через поля к малым мызам. Своеобразная красота и живописность природного ландшафта пойм рек Суйды и Сиворки были искусственно использованы в развитии общей композиции поместья и включены в переплетения дорог-просек, прорезавших лес. Там, где сходились просеки, устанавливали павильоны, а на поворотах и изгибах ставили беседки, смотровые вышки; перспективы подъездных дорог к мызам завершались вертикалями башен. Постройки были сделаны в китайском, готическом, русском духе, что говорит о веянии вкусов и моде конца XVIII века***.

Наследники Петра Григорьевича подолгу жили в усадьбе (Мария Денисьевна, урожденная Мельникова, даже устроила театр), но ничего кардинально не меняли. В 1873 г. внук Петра Григорьевича продал имение купцу Карлу Шпигелю, а его наследники, оставив себе Елицы, продали Сиворицы Карлу Павловичу Лиенфельд-Тоаль.

В 1899 г. Санкт-Петербургская земская управа начинает поиски местности, чтобы устроить больницы для душевнобольных. Они обследуют пять

усадб под Петербургом и останавливаются на Сиворицах, их привлекли прекрасно устроенный дом, живописный парк, чудесный воздух. В 1900 году они покупают у последнего владельца усадьбу со ста десятинами земли. И до сих пор здесь располагаются больничные корпуса психиатрической клиники им. П.П. Кащенко, а в бывшем усадебном доме находится административный корпус больницы.

В фондах Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге хранятся еще два парных пейзажа, изображающие виды Сивориц, выполненные талантливым и известным живописцем XVIII века Семеном Федоровичем Щедриным (1745–1804), одним из основателей пейзажной школы в русской живописи. Одна работа представляет собой вид на усадебный дом со стороны парка и озера. Другая — один из видов парка. С 1779 г. С.Ф. Щедрин был назначен в «кабинет ее величества» писать виды дворцов и парков Павловска, Гатчины, Царского Села. Многие вельможи, подражая примеру императорского двора, также захотели иметь у себя в усадьбах «придворных живописцев», изобразителей своих парков. Стало модно вводить природу в интерьер, украшать пейзажными росписями, представлявшими декоративные панно.

Академия художеств пропагандировала естественность и простоту в пейзажной живописи, в качестве образца такой живописи считались художественные работы популярных голландских и немецких художников XVII–XVIII вв. Они культивировали особый вид идиллического пейзажа,

Усадьба «Сиворицы» зимой

Солнечные часы с инициалами П.Г. Демидова

в котором сочетались голландские жанровые сцены и римский пейзаж с руинами. Классическую строгость смягчала лиричность сельской идиллии, эмоциональность эффектов освещения. Это был так называемый переход от пейзажного декоративного панно к ландшафтной картине, в которой объектом изображения становится новый парк, разбитый в английской духе, а архитектурные мотивы являются составными частями пейзажа. Природа становилась естественной и превращалась из «окружения» и «украшения», «пейзажной обстановки» в основной объект изображения.

С живописной точки зрения полотна, находящиеся в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, мало примечательны. Они выполнены рукой художника второго или третьего круга, но в художественных традициях своего времени. Среди художников последней трети XVIII века нас может заинтересовать фигура Ивана Михайловича Тонкова (1740 (1741?) — 1799), чьи работы очень похожи на пейзажи «Сцены екатерининской эпохи». Можно даже выделить определенные моменты сходства в манере живописи: светотеневая моделировка и цветовое решение эффектов ночного, утреннего и дневного освещения, фактурность мазков листья деревьев и хвои елей, решение композиционного пространства, последовательное раскрытие сюжетной линии, создание т.н. «стаффажного» марионеточного театра (крестьянки с детьми, кувыркающиеся ребяташки, прогуливающиеся кавалеры, держащие под руку дам с зонтиками и пр.), ученическое построение архитектурных конструкций

Гербовый зал бывшей усадьбы «Сиворицы»

и несоразмерность масштабов, техника написания этих построек и куполов соборов, деревянных венцов бревенчатых построек, использование цитат из картин «голландских мастеров».

И.М. Тонков родился в семье обер-офицера и в 1756 г. в числе двадцати пяти солдатских детей был послан в Канцелярию от строений в Петербург обучаться «резному мастерству», где был учеником И.Я. Вишнякова, затем у Перезинотти, итальянского художника, который также вел класс перспективной живописи в Академии художеств, там у него обучался С.Ф. Щедрин (до 1767). В 1771 г. Тонков просит Канцелярию разрешить ему заниматься в рисовальных классах Академии. Ему разрешают, и велено «на те времена, когда в той Академии классы бывают, от работ оной конторы увольнять» (Брук Я.В. Иван Тонков // Искусство, 1975, № 10). В 1771—1773 гг. он участвовал в оформлении спектаклей театра Академии художеств. О работе Тонкова в Канцелярии известно мало, работал он в области декоративной росписи и также участвовал в оформлении больших праздников с фейерверками. (Щедрин в это время был в Италии, а у П.Г. Демидова в 1771 г. родился сын Алексей, и в этом году Петр Григорьевич приобрел поместье «Сиворицы» в 60 км от Петербурга).

Возможно, художник, будучи профессиональным декоратором, строителем празднеств, фейерверков (вспомним изображения пушек на первой нашей картине), желал, чтобы его творения жили не несколько часов, пока длится праздник и идет действие, где главное действующее лицо — толпа, людская масса (XVIII век — век карнавалов, шуточных переодеваний, театральных массовых увеселений для дворянства и знати), а остались жить в веках. Для этого он и пытается запечатлеть действие на холсте, представляя нам, зрителям, свой «стаффажный» марионеточный театр.

* **Бельведер** (итал. *Belvedere* — прекрасный вид) — надстройка над зданием для осмотра окружающей местности, беседка или павильон на возвышенном месте; дворец в живописном окружении.

** **Стаффаж** — человеческие фигуры в пейзаже.

*** По материалам статьи М.И. Орловой «К вопросу о характере объемно-пространственной композиции усадьбы „Сиверцы“».

Фото Е. Савенко

Экспонат, который можно трогать

Библиотека «Уральского следопыта» вышла из подполья на свет божий! Это едва ли не первое радостное событие нового года в редакции нашего журнала. Свидетелем второго рождения библиотеки стал узкий, но очень тесный кружок друзей и поклонников «Следопыта» (их вы видите на фото).

Что такое наша библиотека? Она и похожа, и не похожа на обычную. Похожесть в том, что здесь собрана преимущественно историко-краеведческая (художественная, справочная, журнальная и т.д.) литература, которая может быть использована авторами для подготовки статей и очерков. Фонд этой литературы охватывает весь большой Урал и выходит за его пределы. Словом, это обычная библиотека для работы.

А непохожесть ее на другие в том заключается, что почти каждая ее книга — это подарок. Значит, помимо основного текста она содержит сведения об авторе, предыдущих владельцах-дарителях, словом, расскажет вам о своей судьбе, своей биографии. Это уже не только книга, но и музейный экспонат, а книжное собрание в целом — библиотека-музей. Но и музей тоже необычный. В каком, скажите, музее вам разрешат экспонаты потрогать руками, полистать, поработать с ними, а в исклю-

чительных случаях и взять домой? У нас это можно. Наш музей, что называется, без тапочек.

Вы спросите, что же такого музейно-уникального содержит наше собрание? Иные, например, считают, что нынче и вовсе без всяких книжек о чем угодно можно узнать, например, в Интернете. Да, Интернет может многое дать, но он ничего не даст потрогать. А у нас можно, например, подержать в руках и перелистать «Уральский следопыт» 1935 года или его предшественников: «Всемирный следопыт» (его даже в Белинке не найдешь), «Всемирный турист», «Вокруг света» 30-х годов... Ведь это все журналы-братья, у них один отец-редактор — Владимир Алексеевич Попов.

А разве не интересно перелистать один за другим уральские журналы и книги периода НЭПа? Да если еще на них оставили свои «следы» известные на Урале краеведы В.П. Бирюков, Ю.М. Курочкин, А.К. Шарц и другие? Или узнать, о чем писали в самом начале XX века екатеринбургские и пермские «Епархиальные ведомости»? Полистать вдали от российских столиц столичные «толстые» журналы середины XIX века, которые откуда только не съехались сюда, сохранив на себе самые неожиданные пометы предыдущих владельцев.

Нигде в нашем полуторамиллионном Екатеринбурге вы не найдете книжного собрания с таким обилием автографов. Потому что библиотека-музей «Уральского следопыта» почти целиком состоит из книг-дарений — авторов и читателей. А они ведь жили и живут во всех уголках необъятной страны!

Словом сказать, наше уникальное книжное собрание — это «подводная» часть айсберга, имя которому «Уральский следопыт». Может быть, потому журнал и на плаву, несмотря на все бури и ветры нового времени?

Итак, библиотека наконец обрела постоянное помещение, новые удобные стеллажи. (Долгие годы она обитала в подвальном помещении и подвергалась всяческим напастям.) Но ей необходимо обновить каталог, создать его компьютерный вариант, чтобы библиотека-музей стала рабочим инструментом. И в этом «Следопыту» обещают бескорыстную помощь преподаватели и студенты областного училища искусства и культуры. Биография продолжается...

Химмаш и сельская читальня

У библиотечного марафона под девизом «Подари селу прочитанную книгу» три движущих силы: журнал «Уральский следопыт», Содружество павленковских библиотек и областное управление федеральной почтовой связи. Эта «тройка» пролетела уже многие сотни километров, пополняя книгами-дарениями так называемые «павленковские» библиотеки уральской глубинки. Напомним: имя этим 34 сельским очагам культуры дал их «крестный отец», русский издатель Ф.Ф. Павленков. Однако очередной маршрут марафона был не павленковским.

В деревне Нижняя Иленка Байкаловского района минувшим летом случилась беда: за одну ночь практически дотла сгорел Дом культуры и размещавшаяся там библиотека. Из огня удалось выхватить только малую толику книг. Сельский очаг культуры практически перестал существовать. Но к чести деревенской общественности надо сказать, что она сразу забила тревогу: библиотекарь Тамара Васильевна Аникина, что называется, не слезала с телефона. И помощь пришла. Администрация отвела для библиотеки и клуба место в помещении детского сада, Байкаловская районная дума и ее председатель директор ЗАО «Мелиострой» А.Н. Капитонов выделили на комплектование книжного фонда 50 тыс. руб. Областная библиотека им. Белинского (Л.Ф. Туголукова), ОАО «Уралмаш», областной дворец народного творчества (Н.Н. Карпов, Л.Г. Шишкина, Н.С. Сергеева) помогли библиотечной мебелью и частично книгами. Не остались в стороне зам. председателя райпотребсоюза Н.В. Клевец, предприниматели С.А. Сабанин, С.Г. Потапов, Т.Ю. Пелевина. Жительница соседней деревни Субботиной Н.Ю. Втехина, доярка Т.Б. Проскурнина, сотрудник районной газеты А.Н. Бахтин и другие подарили библиотеке личные книги. Словом, сельская библиотека, как птица Феникс, воскресла на новом месте.

Вот туда, в Байкаловский район, и отправилась наша «Газель» с книгами: для библиотеки деревни Нижняя Иленка было собрано более тысячи книг художественной, исторической, научно-популярной и детской литературы. На этот раз основным поставщиком дарений стали жители микрорайона «Химмаш» и библиотека им. Радищева. «Уральский следопыт» привез для селян комплект журнала за 2005 год, Содружество — несколько десятков детских книжек, изданных по программе «Павленковская библиотека», УФПС — экземпляры новинок популярных журналов. В результате встречи и знакомства, как всегда, наладилось долговременное сотрудничество Байкаловской районной библиотеки с почтовиками по совместному проведению культурных мероприятий, связанных с пропагандой и распространением журнально-газетной периодики.

Сбор книг для сельских павленковских библиотек продолжается. Направление очередного маршрута — библиотека села Акинфиево Верхнесалдинского района. Дарителей ждут в редакции журнала «Уральский следопыт» по адресу: ул. Декабристов, 67; тел: 257-45-01.

Фото А. Кузнецова

Юрий Сентябрев

СТРАСТИ ПО ГОЛУБЯМ

Родился я в 1930 году в поселке Билимбай Свердловской области. В этом же году мои родители переехали в Свердловск. Папа работал на Уралмаше, мама учительствовала.

В 1937 году маме дали комнату 13 квадратных метров в Доме учителя на улице Куйбышева. Здесь я прожил почти 40 лет. Жилье было безо всяких удобств: уборная в 50 метрах от крыльца; колонка, где брали воду — на углу Куйбышева и Кузнечной. За зиму сжигали 6 кубометров дров.

Летом 1937 года в наш двор опустился белый голубь. Соседка, державшая в сарае кур, прикормила его. Мишка Чернядев (ему тогда было 14 лет) взял этого голубя себе. Стали думать, что с ним делать.

В эти годы город был похож на большую деревню — до 90% домов были частными, — и голубятников было не счесть. Пацаны хвастались своими голубями, держа их считалось престижно.

Дедушка Миши, бывший голубятник, предложил нам построить голубятню. За нами дело не встало. Набралось нас человек пять. Но на покупку досок и гвоздей денег не было — жертвой пали соседские заборы и плохо лежащие доски. Гвозди из них выпрямлялись и вколачивались вновь.

Голубятню решили пристроить к забору, отделявшему наш двор от соседского: одна стенка "будки", таким образом, одновременно была забором, полом была земля. Сооружение обшили досками, сделали два окна, двери. Натаскав старого кровельного железа, укрепили им голубиное

жилье; на коньке закрепили полки. Затем переплели сетку загона, прибили загонные кольшки, установили дверку загона. Словом, голубятня соответствовала всем требованиям.

Долго спорили, как укрепить двери. В итоге сделали две накладки и навесные замки. Просверлили сбоку дырку, вставили в неё лом, который проходил через две скобы внутри голубятни. Дырку замаскировали. Много времени потребовалось для изготовления пересетника — клетки, которая устанавливалась на конек голубятни на противоположной стороне от загона. Сколотили рамку пересетника (куб 1,5 метра), сделали разметку (шаг — спичечный коробок), набили гвоздики и оплели медной проволокой. Установили. Все,

голубятня готова. Один голубь есть.

Шарташский рынок был рядом — три квартала до Восточной. В то время на нем продавали всё: продукты питания, лошадей, сено — возами, овощи, рыбу, птицу, в том числе и голубей. Голуби стоили денег.

Мишин дедушка пошел к своему приятелю Николаю Михайловичу Волкову, который держал голубей. Жил он по улице Мамина-Сибиряка, рядом с зоопарком. Его голуби славилась хорошими летными качествами. Говорят, велись они от известных борисовских.

Волков принес нам двух голубят. Миша подержал их в пересетнике несколько дней. Перед выпуском связали им крылья, по три пера с каждой стороны. Бело-

Свердловская секция голубеводов

го выпустили — улетел сразу и не вернулся.

Волковские голубята были рябой масти. На связках они ходили, чистили перья. Постепенно связки ослабли и слетели. Голуби почувствовали, что крылья свободны, вспорхнули, поднялись и улетели на старый дом.

Мы принесли их обратно и, не долго думая, решили применить жесткий прием удержания: обдергали каждого на одно крыло по пять первых маховых перьев. Несколько дней голуби ходили по будке, потом с трудом залетели на наш дом и, перелетая с дома на дом, ушли к Волкову.

Дедушка, узнав об этом, отругал Мишку и отказался пойти к Николаю Михайловичу. С нами разговаривать он не стал. Теперь нам нужны были деньги на покупку голубей.

В то время было много пунктов по приему вторсырья. Мы искали всё, что можно было сдать в утиль — насобирали на несколько рублей. В воскресенье пошли на Шарташский рынок, купили несколько голубят-пискунов. Птенцы были разного пера, они быстро прижились.

Началась настоящая голубиная охота. В воскресные дни с птичьего рынка выпускали много голубей. Они летели в город мимо нашей голубятни. Мы старались заманить и поймать каждого пролетавшего над нами чужого голубя. Сам процесс ловли “чужака” захватывающе действовал. Это

могут понять рыбаки, охотники, птицеловы.

“Юрка, тряхни!” — кричал кто-нибудь из нас, увидав чужака. Тряска заключалась в аккуратном подталкивании удочкой голубя, чтобы он перелетал с места на место, — пролетающий голубь замечает только порхающих голубей. Реагируя на тряску, чужой может сесть на голубятню. Вот когда голубь плавно опускается или, сложив крылья, камнем падает на вашу голубятню, — захватывает дух!

Сел. Необходимо загнать голубя в загон. Не дав голубю опомниться, медленно подносишь удочку к сидящим на пересетнике голубям и заставляешь их опуститься к загону. Это самый ответственный момент. Ловец, подражая писку голубей (“пс-пс-пс”), наводит тонкий конец удочки на глаз чужака и заставляет его опуститься к загону. Все следят, затаив дыхание, осторожно подсказывают, иногда с раздражением, как лучше действовать удочкой. Если чужак зашел в загон, раздаётся вопль восторга! Берем его в руки и рассматриваем.

Бывало, находился хозяин пойманного голубя. В этом случае назначался выкуп деньгами или кормом. Если хозяин не объявлялся, решали, держать ли его у себя или продать в следующее воскресенье на птичьем базаре.

Каждое утро мы гоняли голубей. Выпускали на будку всех, кто мог летать, брали в руки “махало”

Павлин-голубь

(шестик, удочка с тряпкой на конце), взмахнув и свистнув, пугали голубей. Стая, взлетев, начинала подниматься. Глядя на полет этих птиц, которые плавным кругом поднимаются все выше и выше, испытываешь необыкновенное чувство радости, понятное только охотникам голубей.

Гоняли голубей и наши соседи. Совсем рядом жил Михаил Петрович Потелин. В его стае был знаменитый белый голубь по кличке Гитлер, прозванный так за свой неуживчивый характер. Отличался Гитлер тем, что летал всегда стороной. Отлетит в сторону и выше стаи, свернется в клубок и “катит” вниз. Пролетев клубком метров 50, расправит крылья, остановится и снова уходит вверх. И так несколько раз. Зрелище было необыкновенное!

Посмотреть на игру Гитлера собирались любители со всего околотка. Купил его Михаил Петрович на базаре у неизвестного продавца. В 1941 году Потелин ушел на фронт, и всех птиц продал. Голуби его не вернулись, а вот сам он в 1946 году возвратился домой и снова стал держать голубей. Увлекался он уже николаевскими голубями.

На углу Куйбышева и Кузнечной хороших николаевских голубей держал Петр Николаевич Трусов. В его хозяйстве выделялись буробокие николаевские. Эти голуби обладали великолеп-

ным “торцовым” полетом. Голуби зависали над домом отдельно друг от друга. Особенно хорошо смотрелись они в ясный день: белые точки в синеве неба мелькали как звездочки. Полет длился три-четыре часа и больше. Садились строго вертикально. Мы смотрели на это, раскрыв рот.

У Трусова было две голубятни, в одной жили почтовые голуби. В 1942 году Петр Николаевич умер. Все голуби бесследно исчезли.

В полутора кварталах от нас, на улице Мамина-Сибиряка, жил известный голубевод Александр Гуцин. Он держал большую стаю почтовых. Корм на них ему выделяло общество Осоавиахим. Особенно славились его николаевские, черные обрезные, сизые, галки сарапульские. Все соседи мечтали поймать его голубят.

Александр Николаевич жил во флигеле в глубине двора. Однажды на крышу его жилья мы набросали рыбу кильку. Коршуны стали пикировать за ней, распугали всех голубей, сидевших на голубятне. Голубята разлетелись по соседним крышам, а мы, вооружившись колпаками (на конце длинной палки укреплялась полусфера из сетки), лазили по крышам, пытаясь “заколпачить” голубят. Но поймать их никому не удавалось.

После Великой Отечественной войны Александр Николаевич вернулся домой и снова завел голубей. Но таких голубей, какие были до войны, больше завести не удалось.

В конце 1939 года мы купили новую голубятню. Она стояла по улице Народной воли, напротив Обсерваторской горки. Водил в ней голубей дедушка Сметанин. После его смерти бабушка и продала её нам за 25 целковых.

Голубятня была размером 2,5x1,75 метра. Наняли лошадь с телегой, собрали побольше народу, погрузили будку на телегу и перевезли в наш двор.

По углам нашей голубятни вкопали новые столбы высотой чуть выше конька. Сделали настил и по лагам затащили ее на построенное основание, — получилось 2-этажное строение. Установили

старый пересетник, голубей переселили наверх, покрасили — и голубиный питомник готов.

В это время в нашей голубятне жили голуби разных мастей. Предпочтение отдавалось летным качествам. Нам, мальчишкам (старшему, Мише, было 16 лет), любой голубь был интересен. Азарт голубиной охоты заключался в ловле “чужака” и чей голубь выше и дольше летает. Любили таскать голубей в “занос”: чей быстрее прилетит. На спор вызывали Вовку Смирнова и Вовку Пуздрина, прятали голубей за пазуху, отвозили на ВИЗ и дальше на трамвае № 11 на электростанцию. Собирались в условленном месте с прилетевшим голубем — кто окажется первым.

Шло время. Началась Великая Отечественная война. Старших ребят, в том числе и Мишу Черняева, который являлся единственным хозяином голубятни, взяли в армию. В конце 1941 года дедушке пришла похоронка на Мишу. Сердце у него не выдержало, и он умер. С голубьями остался я один.

В январе 1942 года всех голубей у меня украли. Весной несколько птиц прилетели. С кормом становилось все трудней. Зимой опять украли все 10 штук. Видимо, голубей стали съедать, так как ни одна птица не вернулась. Я поймал на помойке одного голубенка, потом еще пару. В 1943 году начался “беспредел”: среди бела дня у меня отобрали всех 5 голубей. Но желание иметь голубей заставляло меня заводить их снова и снова. Теперь своих голубей я уносил на ночь домой в ящичке, голубятню не закрывал.

Самыми трудными были 1943—1944 годы. Норма хлеба: мне по карточке — 300 граммов, маме — 500 граммов. В 1943 получили похоронку. Папа погиб на Воронежском фронте. За зиму нижнюю голубятню я разломал на дрова. Вместо учебы в школе чистил сапоги и ботинки, продавал папиросы поштучно, ловил певчих птиц и продавал их на птичьем рынке. Вырученные деньги тратил на еду. Голубятню продал в начале 1945 года — жить

было очень трудно, мама часто болела.

По окончании войны бывшие голубятники возвращались домой. Стали снова заводить голубей, строить новые будки.

В нашем доме были уборные, которыми не пользовались. Окошки в туалетах были 50x50 см. На это окно я пристроил маленький пересетник с откидной дверкой, отгородил небольшую часть уборной сеткой и завел голубей. Всего две пары.

Чтобы согнать их в полет, приходилось бросать палки или камни. Однажды камень перелетел через крышу и угодил прямо в часы на руке нашей соседки, — она полола грядку, — стекло, стрелки, циферблат разлетелись вдребезги. Услышав крик, я упал в картофельную ботву. Ольга Константиновна не нашла “злодея”. Я клялся, что меня не было во дворе.

В 1950 году, после окончания Лесотехнического техникума, я служил в армии. Там произошла новая встреча с голубьями. В части, куда меня направили после окончания ШмаСа (школа младших специалистов), в караульном помещении на чердаке жили голуби. Все, кто был в карауле, кормили их.

В 1954 году я демобилизовался. Конечно, голуби мысленно всегда были со мной.

На сарае я начал строить го-

Свердловские чернозобые

лубятню. Строение получилось не очень солидным, но держать пар десять было можно. В 1957 году купил голубятню 2,5x1,5 метра, крепкую, хорошо сделанную, и поставил ее рядом. Держал разных по перу голубей, подбирал их по летным качествам.

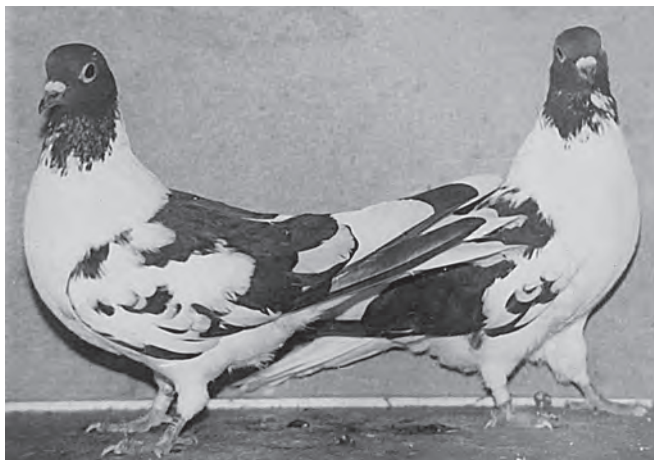
В начале 70-х дом, где мы жили, пошел под снос. С переменой места жительства голубей держать перестал. В 1975 году мы переехали на улицу Куйбышева. Там на месте уборной и помойки осталась бетонная плита, закрывавшая яму, — на это место я и установил голубятню.

Против наших окон стоял 2-этажный деревянный дом, в котором жил известный голубевод Вася Миронов. Под крышей дома он отгородил часть чердака, сделал выгул. Подбирал голубей он очень тщательно, денег не жалел. Если ему нравился голубь, выпрашивал, пока не купит. Я с ним работал на одном заводе. Когда жили на Куйбышева, Вася скупал у меня самых летных голубей — пользовался моей нуждой. Но я на него не в обиде: он щедро платил.

В 1984 году я построил новую голубятню 3,5x2,5 метра и решил держать одних гривунов. Мой дед жил в Невьянске и держал исключительно гривунов, которых привез из Сарапула. Папа рассказывал: как-то мой дед купил бурогривого голубя за 80 рублей, а в то время (1920 г.) на эти деньги можно было купить двух телок. Азартные были голубятники!

Демидовский голубь

Свердловские купцовские

Невьянские голуби

Своих гривунов я подбираю несколько лет. В 1985 году купил целый табун у председателя пермского клуба голубеводов Шейдина. Он перестал держать из-за тяжелой болезни. С этого времени у меня появились настоящие пермские гривуны с прекрасным полетом. До сих пор у меня живут их потомки.

С 1980 года обязательно кольцую всех родившихся голубят и веду журнал учета. Подсчитал, сколько вывел голубят с 1983 по 2003 год. Получилось 1835 штук!

Мои голуби разошлись почти по всем городам и селам нашей области. Их покупали голубеводы Москвы, Новосибирска, Тюмени, Уфы, Челябинска, Орска, Казани, Тобольска и Ленинграда.

Елена МИНАКОВА,
фото Сергея КИСЕЛЕВА

Через 300 лет после бури

Тобольский драматический театр
отметил очередной день рождения

Новое здание театра, который носит имя знаменитого сказочника Петра Ершова, стоит в Тобольске между двумя старыми кладбищами. Можно сказать, что театр окружают одни памятники. Только с одной стороны возвышаются еврейские надгробья, с другой стороны — мусульманские, ну а в центре пейзажа, над самым крыльцом здания, ветер играет яркими бумажными афишами.

Кажется, что стены тоже хранят какой-то завиток истории. Внешне постройка не примечательна. Сооружали ее по обычному, без изысков, проекту — с двумя залами — для кинолектория «Комсомолец». Правда, почему-то без отопления и вентиляции. Но в советские времена горожане охотно посещали это заведение, чтобы скоротать вечерок-другой в одной компании с героями индийского кинематографа. Сидели, конечно, в шубах.

И все бы ничего... да случился в конце 1980-х в городе пожар (печальная молва

Здание театра после пожара

о нем немедленно разошлась по всей нашей округе). Сгорел дотла чудный театр-терем, который построили местные умельцы на народные пожертвования еще в 1899-м году. Около сотни лет этот шедевр деревянного зодчества украшал исторические кварталы в нижнем посаде города. Радовал взгляд, согревал душу зрителей, приходивших смотреть постановки, удивлял внутренним убранством, устройством интерьера, и особенно — театральным залом с балконом.хлопоты были связаны только лишь с «делами по хозяйству». В деревянном театре-тереме протекала крыша, так что с ранней весны постоянно приходилось сбрасывать снег, конопатить щели. Бедный директор — Николай Серапионович Лаптев — в те поры не знал, как отрегулировать тепло, тратил свое драгоценное время на бесконечные переговоры с кочегарами. Сохранилась красивая легенда о том, что деревянная конструкция терема была собрана без единого гвоздя. На это директор (теперь уже бывший — с некоторых пор театр возглавляет Сергей Радченко) только грустно улыбается. И клянется, что стены постройки стягивали толстые прутья.

В каждом сезоне старый театр показывал по 50–60 спектаклей. Но бывали и отмены. В этом случае судьбу спектаклей, не востребованных зрителями, решало профсоюзное собрание. Не было профессиональной режиссуры. Постоянно не хватало

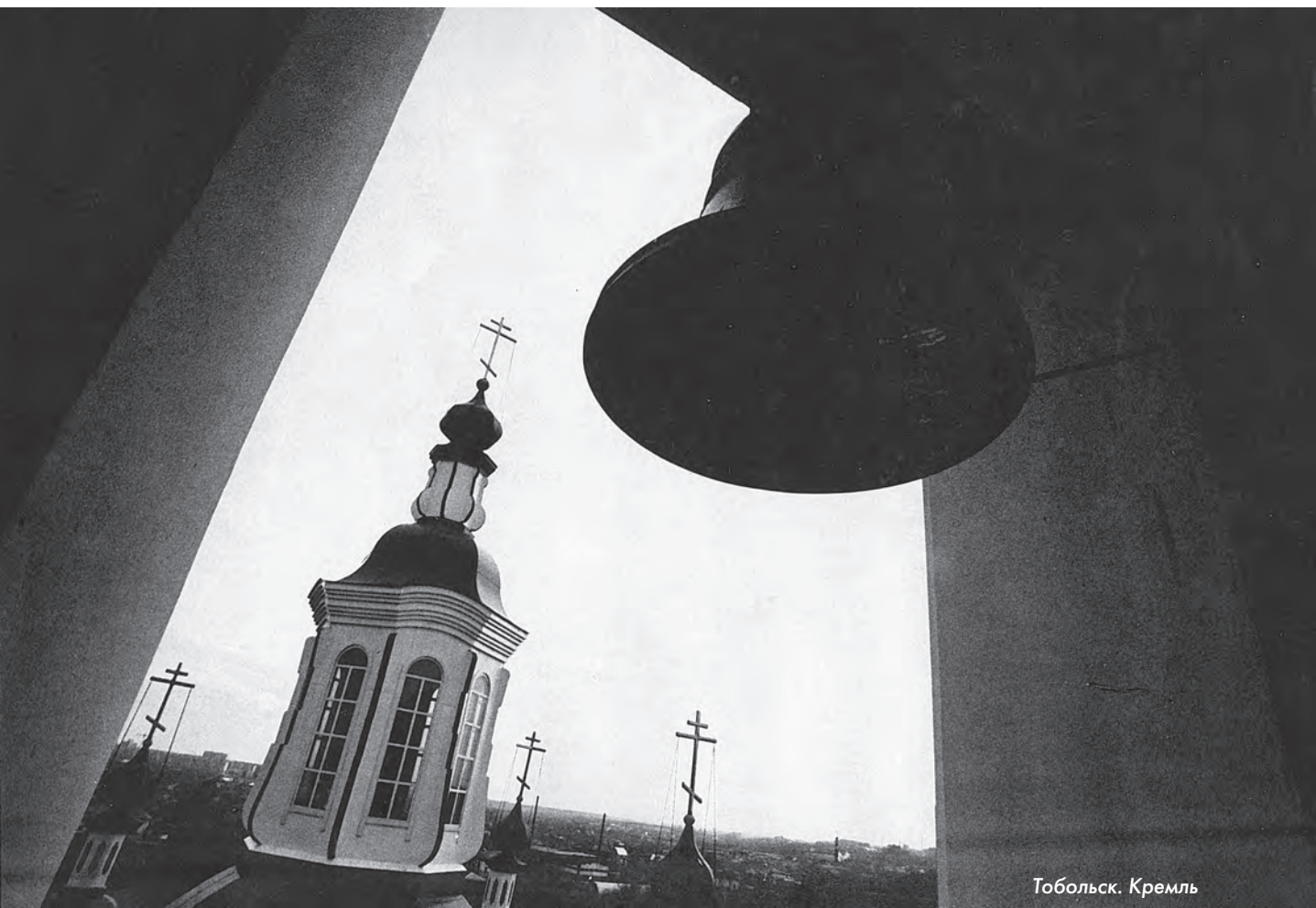
актеров в труппе. «Новобранцы» приезжали в Тобольск на год, на два — «повысить категорию», и, как правило, стремились упорхнуть за птицей счастья в иные, более теплые, края. И нетрудно догадаться, почему сложилась такая безрадостная ситуация. Артистам не давали квартир, и не было у них никаких особых творческих перспектив. Интересная деталь: в 1983-м, когда на пост директора пришел Лаптев, в штате театра со стажем работы более года числились только три человека.

На исходе 1980-х сгорел сказочный терем, а проблемы остались. Погорельцы переселились в кинолекторий, который на тот момент обогривался только нефтяным факелом, изображенным на монументальном панно в фойе здания. Тогда же в стране началась пресловутая перестройка, которая — кто бы мог подумать — затянется на 15 лет.

А в 1996-м Лаптев нарисовал на бумаге проект «кармана», который мог бы расширить тесные стены здания и, конечно, придал бы театру театральный вид. Дело весело спорилось: архитекторы разработали проект по всем требуемым канонам, администрация области выкроила шесть миллионов рублей на реконструкцию из бюджета. А когда деньги кон-

чились, объект попросту заморозили. Не один год пришлось пробегать с фонариком по темным лабиринтам главному «дежурному» стройки — директору театра... Можно было понять его чувства: подошли к концу кровельные работы, появились двери, рамы и стекла на окнах, были проведены тепло и свет в здание, оставалось только закончить отделку и официально ввести объект в эксплуатацию. А дело с мертвой точки по какой-то трагической причине не один год не сдвигалось.

И все-таки под занавес минувшего года театр отпраздновал 300-летие! Да как положено — в красивом реконструированном здании. Все беды, кажется, остались позади и никогда больше не вернуться. Пусть так и будет! По случаю торжества ершовцы даже написали особый сценарий встречи гостей и четко его придерживались. Благо, архивы сохранили немало интересного и поучительного. Сохранилась газетная публикация, свидетельствующая о том, как старейший сибирский театр отмечал юбилей (четверть тысячелетия) в декабре 1955-го. Можно представить, как выглядел театр тогда — в декабре 1955-го: сибирский мороз на дворе, страшная бедность в домах и бездоро-

Тобольск. Кремль

Тобольск. Троицкий мыс

же в городе — а на санях с бубенцами мчатся в чудо-теремок гости со всего Союза. На одну только церемонию вручения подарков потребовалось двое суток!

А этой зимой гости разместились в гостиницах с положенным комфортом. Побывали на экскурсиях по кремлю и в Абалаке, встретились с актерами в театральной гостиной, посмотрели выступления творческих коллективов города и выставку художников — наших современников, возложили цветы к могилам декабристов. Со сцены театра в праздничные дни звучали имена Чехова, Кальдерона, Брагинского, Фрейна, Горина, Виниченко, Гоголя и Ершова.

И немудрено, ведь в истории сибирского театра всегда звучали голоса выдающихся деятелей искусства и культуры. В разные годы в развитие тобольского театрального искусства внесли вклад композитор Александр Алябьев, немецкий драматург Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу, декабристы — М. Фонвизин, В. Кюхельбекер, А. Анненков, Н. Сумароков, А. Муравьев, педагог и сказочник Петр Ершов, художник, этнограф и историк Михаил Знаменский, актриса Императорских театров Ирина Кони-Сандунова. По сей день Тобольский драматический театр бережно хранит свои богатые традиции, помнит всех, кто стоял у его истоков.

300 лет — это поистине историческая дата. По меньшей мере, два коллектива в стране могли бы

оспаривать славу первого общедоступного театра. Ярославский — имени Федора Волкова (1750) и Тобольский — имени Петра Ершова (1705). В середине XVIII века императрица Елизавета Петровна издала указ о порядке проведения спектаклей. Постановки устраивались горожанами в арендуемых подходящих помещениях. И вот в 1750 году в Ярославле под руководством Федора Волкова появился такой театр — именно ему, конечно, суждено было стать первым профессиональным в России. Но еще раньше, в начале века, появились неказенные театры в Тобольске и Ростове Великом...

В нашей губернии основы театральной культуры заложил в начале XVIII века митрополит, «пастырь добраго и непорочного жития и ученый» Филофей Лещинский. Он не только создавал школы и строил церкви, но, кроме всего прочего, являлся «страстным любителем живых образных представлений религиозного содержания». Представления церковных драм были для зрителей платными — в этом местные краеведы усматривают явные признаки профессионального театра. В 1705-м, в день Иоанна Богослова, во дворе тобольского кремля, где творились «игралища комедианские», буря сломила над алтарем соборной церкви крест, отчего пострадали Сергиевская церковь и базарный взвоз. Обнаружив этот печальный факт в Черепановской летописи, хранящейся в Тобольской духовной семинарии, сибиряки решили писать историю театра именно с 1705 года.

Сергей ПОГОРЕЛОВ

В ХОЛОДНОЙ СЕВЕРНОЙ НОЧИ

НОВЕЛЛЫ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА (1966–1967)

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Двухмоторный, звенящий на все лады самолет АН-24 благополучно приземлился в аэропорту города Березово. Экипаж и пассажиры быстро разбежались, а мы остались топтаться под лопастями винтов на крепком морозе.

Север Тюменского края. Декабрь. Аэропортик небольшой. Совсем близко стояли несколько припорошенных снегом вертолетов, как бы скрючившихся от холода. Экзюпериевская тишина, только не в южных широтах. Приполярное Зауралье. Вотчина хантов и манси. В бессрочной ссылке здесь находился граф Меншиков, сподвижник Петра I.

Отсутствие достойной кинематографа встречи удручало. А у нас полсамолета экспедиционного барахла.

Откуда ни возьмись, прикатил грузовик за почтой. Директор картины Нина Николаевна, очаровав мужиков-почтовиков столичной статью, договорилась за бутылку водки довести нас и имущество сначала в камеру хранения, а потом в поселковый совет (оказывается, Березово имело статус поселка, а не города). Мужики охотно помогали вытаскивать из самолета тюки, яуфы с пленкой, штативы, камеры, осветительную аппаратуру и прочие ящики. Хозяйство наше весило весьма прилично.

Поселковое и партийное руководство не очень-то обрадовалось появлению молодых кинематографистов. Оказалось, нас вообще не ждали. Никаких телеграмм, звонков и инструкций не получали. Помочь могут лишь советами. Обеспечить нас

жильем — проблема. Транспорт — проблема. «Обращайтесь за помощью к новым хозяевам — геологам, нефтяникам». Вперед выступил известный на всю Европу мансийский поэт Юван Шесталов (автор сценария). Между прочим, депутат Верховного Совета СССР. А это не хухры-мухры. Спрятавшись за его спину, мы наблюдали, как он «снял шкурки» со смиренных и даже чем-то симпатичных чиновников, как с замороженных щук.

Пока решался вопрос с благоустройством, решили побродить по Березово. Большая деревня. Лошади, вездеходы, олени, собачьи упряжки, семь тысяч жителей. Люди на улицах тепло одеты: в шубах, летных куртках, в унтах, меховых сапожках, а коренное население — в малицах из оленьих шкур. Породистые северные собаки бегают стаями.

Присутствие нефтяников и газозаводчиков было еще мало заметно.

Развитие их деятельности только начиналось. Девственность природы пока нарушалась редкими вертолетами разведывательных групп и многочисленными буровыми вышками, пугавшими стада оленей и их вечных спутников — пастухов надвигавшейся индустриальной бедой.

Заглянув в местный ресторанчик, обнаружили там Шесталова. Оказывается, он не терял зря время. Выяснил, в какую бригаду оленеводов мы должны вылететь, и даже сроки пребывания там определил: две недели, не меньше. Иначе мы не прочувствуем, что такое каслание. Вылет был назначен на утро.

Пилоты Ми-4 сделали несколько кругов над двумя чумами, ища место для посадки. Наконец вертолет именно «присел», чтобы не завалиться в глубоком снегу, и мы стали быстро выгружать, а что-то просто выкидывать в

кромешную снежную пыль. Последним выпрыгнул я и тут же по пояс провалился в снег. Вертолет поднялся и медленно уплыл. Недалеко курились два чума. К нам проворно пробирались какие-то квадратные люди.

— Здравствуйте, — первой заговорила Нина Николаевна. Она неуклюже барахталась в сугробе, стараясь принять вертикальное положение. — Мы к вам в гости. Снимаем кино... о вас... А это наше имущество. Примете?

На лицах встречавших растерянность и недоумение. Но от чумов уже ныряли в нашу сторону две олени упряжки. Молча накидали аппаратуру на нарты и выплыли из сугробов к жилью.

Нас пригласили в чум. Мы вошли внутрь, протиснувшись сквозь тяжелый полог. Потоптавшись немного в специфическом тепле от железной печки, понюхав незнакомые запахи, вернулись наружу и стали осматриваться. У меня свои заботы: куда пристроить аппаратуру. Пока решил складировать ее вокруг чума, вплотную к покатым круглым стенам. Только все пристроил, смотрю, из чума выползает древняя старуха с разматывающимся моточком веревочки, останавливается около

кофра с камерой и писает на него. Я обомлел. Закончив, старуха вернулась в чум, сматывая веревочку. «Слепая», — понял я.

А на улице мороз. Усы у оператора в сосульках. Тихо появился одноногий олень и сладострастно вылизал мой только что подмоченный кофр. Прибежали два мощных кобеля с круто закрученными хвостами. Обнюхивая незнакомое барахло, они деловито поднимали на него задние лапы. Одноногий тупо ждал своей очереди... Группа все видела и еле сдерживалась от смеха. «Весело живем. Что будет дальше?» — ображал я.

Взбудораженные шумом вертолета, примчались четыре оленьих упряжки — бригадир с помощниками. Как по мановению волшебной палочки, в чуме возник низенький столик, зашумел на жаркой печке чайник, появились чашки, граненые стаканы, колючий, полуразмороженный хлеб, горка окаменевших пряников и большая оленья кость с остатками мяса. Оленеводы выжидательно смотрели на Нину Николаевну. Незаметно для окружающих Нина дала мне команду, и я выставил на стол две бутылки водки. Улыбки разлились на обветренных лицах

мансийских мужиков. Удовлетворенно кряхтя, все расселись на шкурах и тряпочных подстилках вокруг столика. Нине Николаевне милостливо было разрешено втиснуться в мужскую компанию. Женщины-хозяйки принесли сырую замороженную рыбу и, как чулок с дамской ножки, красиво сняли с нее шкурку. Строганина. Сколько я о ней слышал! Еще на студии меня пытались убедить, что лучшего лакомства на севере нет. Не буду спорить. Под водочку — да.

В печку подбрасывали дрова. Жарко. Мы стали стягивать с себя свитера. После некоторого количества водки переговоры приняли более оживленный характер. В котле варилось мясо. Ароматные запахи, облетая нас, уплывали в темную дырку наверху. Женщины беспрестанно суетились, угощая мороженой рыбой и сырой замороженной оленьиной, — еще один вариант строганины. Ты-каешь холодную стружку мяса в рассыпанную на столике крупную соль — и в рот. Когда хочется есть, всё вкусно.

Двух бутылок, естественно, не хватило. Ради знакомства Нина расщедрилась, и я вылез наружу к заветному рюкзаку. На улице ночь. Я отошел в сторону и загляделся на звезды. От неожиданного тупого удара в спину чуть не упал. Это одноногий олень хотел, чтобы я поторопился. Ему соль нужна. Ну и манеры! На всякий случай обошел чум и проверил наше хозяйство. Две камеры и пленка находились в ватных чехлах, но я все-таки перенёс их в тепло.

Полстаканчика водочки было отправлено слепой бабке, сидевшей за занавеской. Бабка выпила и тягуче запела. «О чем поет?» — спросил режиссер. «Обо всем. О жизни. О каслании». Боря, звукооператор, уже доставал магнитофон...

Каслание — это что-то вроде плавания, но не по воде, а по тундре и тайге. Зимой олени стада бредут вдоль Ледовитого океана на запад, а по весне обратно на

Восток. Вслед за ними двигаются люди, для которых олени всё: дом, еда, одежда... И так испокон веков. Сама Природа создала их друг для друга.

Подчиняясь жизненному укладу наших киногероев, я наконец вывалился из привычного режима и, как ни старался, постоянно оказывался последним. Пора грузиться на нарты, убраны шкуры и печка, растаскиваются жерди, а я сижу посреди несуществующего уже чума на двух оставшихся от настила досках, накрытый тулупом, и мои руки в зарядном мешке. Холодный металл камерных кассет обжигает пальцы. Меня поторапливают. Грозятся оставить. К моменту начала движения каравана тепла от утреннего горячего чая во мне остаётся чуть-чуть. А впереди день на морозе и бесконечная съёмочная суета.

Наши вещи и аппаратура размещались на двух нартах. У каждой по два оленя в упряжке, как нам казалось, самых тупых и ленивых. У них никогда не было желания вырваться вперед. Иногда это было очень нужно, особенно оператору, каюром у которого был новоявленный мансиец — режиссер. Я «рулил» самостоятельно при помощи длинной палки — хоррея на персональной упряжке. Гора съёмочной аппаратуры, и сверху я. Основная задача — не свалиться, не перевернуться и держать в поле зрения своих мастеров. У них часто возникали какие-нибудь проблемы или творческие замыслы, которые без меня им трудно было осуществить. С упряжки на упряжку пересаживался звукооператор Боря. У него не было постоянной подорожной прописки. Его задача — записывать окружавшие нас звуки. Свободный художник! Ему долго не удавалось сделать запись тяжело дышащего оленя. Вечерами, в тепле чума, заткнувшись наушниками, прослушивая сделанные записи, он страдал: историко-этнографические шумы были сплошь засорены крепкими русскими словечками.

Останавливались, как правило, уже в сумерках. В считанные минуты ставились чумы. Технология отточена до мелочей. Еще жердей нет, уложены только половые доски, а на них уже стояла печь, уже горели дрова, кипятилась вода, и к моменту натягивания двухслойного полога из толстой ткани и шкур ужин был наполовину готов. Затаскивались тюки постелей, вешались разделительные занавески, слепая бабка занимала свое место, ей сразу же вручали моток веревки. С полчаса еще все устраивали себе лежбище, выкраивая каждый квадратный сантиметр. Ни о какой трапезе не могло быть и речи, пока не вернутся все пастухи. Они обязательно проверяли остановившееся на ночлег стадо, иногда за несколько километров от жилья. Дети, кроме самых маленьких, помогали взрослым. Еще до нашего появления их доставили вертолетами к семьям на новогодние каникулы. Так что жили мы как в перенаселенном муравейнике.

Когда работа интересная, время летит незаметно. Пошла вторая неделя каслания. Борис Григорьевич, обладая способностью к языкам, выучил несколько необходимых в быту мансийских слов. Мы стали лихими каюрами. Я смело гарцевал на своей упряжке и считал, что вполне мог бы

участвовать в соревновании на празднике оленеводов. Вот только запрягать оленей не научился.

Я стал чаще напоминать мастерам о неумеренном количестве расходуемой пленки. Самое основное уже было снято. Кнопку камеры стали нажимать реже, только на случайно подловленные интересные мгновения. Вот-вот должен прилететь вертолет. Как назло, погода испортилась, закрутило так, что даже слепая бабка не выползала из чума по нужде. Вся эта экзотика уже стала надоедать. Чувствуется, в тягость мы здесь. Энтузиазм падает. Водка кончается. До Нового года три дня. По плану праздник мы должны встречать в Березово. Непогода удерживает на месте. Чаще смотрим на небо, прислушиваемся. С наступлением темноты хмуро укладываемся спать.

Только в последний день года в природе произошли изменения: ветер стих, небо просветлело. Видимость приличная. Но вертолет не прилетел. Стали думать, как быть? Народ с надеждой поглядывал на нас. Хоть и идолопоклонники, но христианские праздники чтят. Мужчины подлизываются, предлагают скромные угощения и даже вытащили откуда-то замерзшую бутылку водки! Сердца наши дрогнули, и мы сделали последний ответный жест, опустошив директорский рюкзак.

Варилось мясо, сервировался навечно просоленный и пропахший рыбой стол, пела бабуся, ребятишки возбужденно крутились возле взрослых. Приятная праздничная суета.

Съемочная группа пить умела. Держались молодцом. В этом деле аборигенам соперничать с нами бесполезно. Они немного пошумели и уснули, не дождавись боя курантов. Опять грустим. И вот настал мой час!

Еще в Свердловске, на киностудии, готовясь к экспедиции, я клянчил у её участников небольшие суммы на случай непредвиденных обстоятельств. Незаметно образовался общественный фонд. И все об этом забыли.

Придав голосу начальственную интонацию, я попросил коллег выйти. Недовольно ворча, они выползли в ночь, даже не накинув тулупов. В свете фонарика я указал им на торчавший из сугроба железный яуф для киноплёнки. Какая-то собака уже успела поднять на него лапу.

— Что это?— удивленно спросил оператор.

— Сейчас узнаете, — тихо ответил я и приложил палец к губам.

На яуфе висел замочек. Ключик от него я хранил у себя на груди. Иногда, нащупывая его, я предвкушал минуты торжества. И вот этот момент наступил. «Смотрите», — сказал я и откинул крышку. Взорам поеживающейся от холода публики открылось нечто изумительное. Бутылка шампанского! Бутылка коньяка! Бутылка сухого красного вина! Палка копченой колбасы! Лимон! Сыр! Шоколад! Хрустящие хлебцы! Рюмочки и три фужера! «Ура!» — закричал звукооператор Боря. Ему тут же закрыли рот..

Ещё днем я приготовил пару лопат, пилу, топор, присмотрел в недалёком лесочке свободное пространство и протоптал туда тропинку, чтобы не шарахаться в ночи. Жаль, не догадался выбрать и отметить сухару. Пришлось в темноте искать ее на слух, стуча по стволам.

На сучке висела «Спидола» —

первый отечественный транзисторный приемник. Звукооператор расщедрился и поставил свежие батарейки. По лесу лилась песенка из Москвы: «А за окном то дождь, то снег...» Сэнтузиазмом строителей первых пятилеток пилили, рубили, разгребали снег. Воспрянувшая духом Ниночка весело пританцовывала, трамбуя площадку вокруг костровища. Не обладая навыками бывалых туристов, не без труда разоггли костер. Организовали круглую площадку, защищенную от ветра, глубиной с метр. Оставалось не-

сколько минут до Нового года. С первым боем кремлевских курантов я открыл шампанское, а оно даже не хлопнуло, и из бутылки ничего не полилось. Замерзло! Сунули бутылку в костер, немного поддержали в огне, после чего в фужеры и стаканы с легким шорохом посыпались мокренские льдинки. Такого шампанского никто не пил! Бывают все-таки приятные и неожиданные события, которые помнишь всю жизнь.

Вертолет прилетел на следующий день.

(Продолжение следует.)

Борис ГАЛЯЗИМОВ

Так выглядел Ленин после повторного бальзамирования

В ПОИСКАХ ПОКОЯ

Поезд этот в расписании не значился. И отходил он без обычной огласки по динамикам. Отходил с запасных путей Ярославского вокзала. Впрочем, о конечном пункте предстоящего путешествия были оповещены далеко не все пассажиры. Некоторые из них узнали о спецкомандировке всего-навсего за несколько часов до отхода поезда. И лишь когда вагоны загромыхали на стыках рельсов Северной железной дороги, стало ясно одно: путь поезда лежит куда-то на восток.

Было 9 часов вечера. Позади осталась ощетинившаяся стволами зениток Москва. На календаре значилось 4 июля 1941 года...

Необычным был этот поезд. И не только потому, что ему везде давали «зеленый свет». Почти за трое суток угорелого бега он притормаживал лишь дважды, да и то чтобы успели смениться поездные бригады. Состоявший из трех вагонов поезд сопровождали три паровоза марки «Иосиф

Сталин». Дозорный, основной и замыкающий. На первом и последнем паровозах находилась вооруженная охрана. Один из трех вагонов, средний, четырехосный, хранящий таинственную тишину, катил по рельсам до непривычного мягко и ровно. Имел он специальные, глушащие удары колес амортизаторы. Но, что самое интересное, на всем пути следования состава в пределах видимости друг от друга были рассредоточены военные. Есть данные, что на 350-киллометровом отрезке от Свердловска до Тюмени было задействовано несколько десятков тысяч человек. И стояли солдаты плечом к плечу. Особенно активно в эти дни вела себя милиция. От станций, мимо которых, не сбавляя хода, следовал состав, сметали весь подозрительный люд. Станный этот поезд немало хлопот доставил и железнодорожникам. Они заранее «зашили на костыли» стрелочные переводы и для на-

дежности замкнули их на замки. Теперь же еще и еще раз старательно простукивали молоточками рельсы, пытаясь найти в них нежелательные изъяны. Возле каждого из переводов была выставлена охрана, большей частью состоящая из сотрудников КГБ. Да и диспетчерские были битком набиты гэбистами, отслеживающими каждый отрезок пути быстро летящего состава.

А между тем еще за несколько дней до выхода поезда из Москвы в кабинете Д. С. Купцова, первого секретаря Тюменского горкома ВКП(б), раздался резкий звонок. Что обескуражило, так это то, что звонил личный секретарь Сталина Поскребышев:

— К вам, в Тюмень, седьмого июля прибудет особо важный объект. Примите меры к его нормальному функционированию. Обеспечьте строжайшую секретность!..

Купцов потом говорил, что он даже не догадывался, что за

Пропуск, выданный профессору Б. Збарскому на право круглосуточного посещения мавзолея

таинственный объект направила Москва в «столицу деревень». Но шила, как говорится, в мешке не утаишь. Постепенно расширялся круг людей, знающих, что из Москвы в Тюмень спецпоездом везут тело «вождя мирового пролетариата».

Может показаться удивительным, но решение о выносе тела Ленина из Мавзолея созрело в первый же день войны. А уже 23 июня доступ в усыпальницу вождя был прекращен. Его останки перенесены в убежище, расположенное на Моховой. Все это наводит на многие размышления. В том числе и на то, что правительство уже тогда сомневалось, что Москва выстоит.

Во второй половине ночи (было 3 часа) столицу огласили вой сирен и тревожные гудки заводских труб. По небу катил гул моторов тяжелых крылатых машин. Слаба Богу, тревога оказалась ложной. Как стало известно позднее, наши бомбардировщики сбились с курса и, таким образом, прошли над Москвой. По радио же, чтоб успокоить москвичей, объявили, что тревога была учебной.

И все-таки этот случай заставил коменданта Кремля Н.К. Спиридонова пойти на крутой шаг. Он «возбудил вопрос» о вывозе тела Ленина вообще за пределы Москвы. На совете по эвакуации, председателем которого был назначен Н.М. Шверник, комендант Кремля предложил отправить

останки вождя не куда-то, а... в Тюмень. Кто-то из присутствующих (одни говорят, что это был Сталин, другие – что Молотов) спросил, почему именно туда. Спиридонов ответил: «Малонаселенный, тыловой город. Нет промышленных и военных объектов. Не привлекает внимание немецкой авиации». Кто-то рекомендовал Свердловск. Но Спиридонов сказал, что «это крупный индустриальный город и вполне вероятно, что фашистские летчики будут пытаться бомбить его». Одобрили Тюмень. И время на сборы дали всего сутки. Кажется, не зря. Вскоре возле Мавзолея упали две бомбы, а одна, полуторная фугаска, угодила в Большой Кремлевский дворец. Прошив его, ушла в подвал. Правда, не разорвалась. Еще одна фугаска чуть позднее попадает и в здание научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина, которая располагалась на Моховой и где какое-то время в бомбоубежище находилось тело Ленина.

Время шло, однако отправка спецпоезда откладывалась. Уже после войны, давая интервью корреспонденту журнала «Огонек», Борис Ильич Збарский, на плечи которого легла вся тяжесть небывалого эксперимента, говорил: «...нам предстояло везти его тысячи километров в различных условиях погоды, подвергнуть дорожной тряске, менять температурные режимы... Все же

мы постарались предусмотреть все, что могли. Гроб для тела Ленина на сей раз приготовили обыкновенный, деревянный. Мерку, по некоторым данным, снимали со Збарского, который, как оказалось, был одного роста с вождем.

Однако кто такой Б.И. Збарский? Советский биохимик, академик. Еще в 1924 году под руководством академика В.П. Воробьева участвовал в повторном бальзамировании тела Ленина. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии. В 1949 году Збарский бальзамировал еще и тело Г.М. Димитрова. Затем, как и положено, почти два года находился в заточении. Скончался вскоре после освобождения, в перерыве между лекциями.

Но вернемся в 41-й год. Тогда всю шла подготовка к отъезду. Какое-то время ушло на обустройство спецвагона. Кроме того, надо было демонтировать оборудование Мавзолея, подготовить препараты, чтобы все это тоже доставить в Тюмень. Второй поезд должен был отправиться вслед за первым.

Позднее Илья Збарский, сын руководителя лаборатории и тоже академик, вспоминал: «...нас привезли на совершенно незаметную станцию на Ярославской дороге, где мы были погружены и отправлены спецпоездом – таким же, каким ездили тогда члены Политбюро, то есть с охраной и вне расписания... Была жара и условия для перевозки совершенно не подходящие. И мы занавешивали окна смоченными простынями, чтобы от испарения не было жарко. Но, конечно, кое-какие изменения с телом произошли, и потом пришлось все это восстанавливать...»

Почти полвека спустя одна из местных газет, не скрывая удивления, сообщила: «В апреле 1988 года упала завеса над тем, что в качестве государственной тайны существовало столько лет». Это она – о своих материалах, которые якобы открыли для читателя «Объект

Збарского». Однако известно, что с 1944 по 1987 годы различные сведения об эвакуации Мавзолея появлялись в печати свыше... 50 раз! В самой же Тюмени об этой истории не знали разве лишь коровы, находившие выпаса в центре города. Но мне все-таки хочется привести отрывок из малоизвестной «Баллады» прозаика и поэта Даниила Андреева. Написана она была, кто-то может не поверить — в... 1942 году!

*Подновлен румяным гримом,
Желтый, чинный, аккуратный,
Восемнадцать лет хранимый
Под стеклянным колпаком,
Восемнадцать лет дремавший
Под гранитом зиккурат, —
В ночь глухую мимо башен
Взят — похищен — прочь влеком.
В опечатанном вагоне
Вдоль барakov, мимо станций,
Мимо фабрик, новостроек
Мчится мертвый на восток,
И на каждом перегоне
Только вьюга в пьяном танце,
Только месиво сырое
Рваных хлопьев и дорог.
Увезли... — А из гробницы,
Никому не зрим, не знаем,
Он, способный лишь присниться
Вот таким, — выходит сам
Без лица, без черт, без мозга,
Роком царства увлекаем,
И вдыхает острый воздух
В час, открытый чудесам.
И, не вникнув мыслью грузной
В свершающийся ужас,
С тупо-сладкой, мутной болью
Только чувствует второй,
Как удвоенная воля
В нем ярится, пучась, тужась,
И растет до туч над грустной,
Тихо плачущей страной.*

Но тогда на дворе все-таки стоял знойный июль. Было раннее утро. Город еще спал. Вагон открыли. Четыре дюжих молодца, одетых в форму бойцов погранвойск, взяли на плечи закрытый ящик и погрузили его в только что прибывшую крытую тентом машину. Распахнулись железные ворота товарного двора. Грузовик запылил к центру города.

...Поначалу тело Ленина мыслилось предать земле у Кремлев-

ской стены. Ярым противником его бальзамирования был прежде всего Троцкий.

По мнению «демона революции», замена мощей Сергия Радонежского и Серафима Саровского на мощи Владимира Ульянова противоречила бы духу марксизма. Каменев видел в бальзамировании тела вождя отголосок «поповства». И все-таки победу одержало якобы мнение рабочих из очереди: «Ударись в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и встанешь опять на правильный путь». Что касается Сталина, то он хорошо понимал, какое зная у него может уплыть из рук. И Президиум ЦИК торопится принять постановление: «Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения». А сам глава ЦИК «дедушка Калинин» уже в устной форме добавляет: «Похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видел.

Никто вроде бы не замечает письма жены Ленина, которая была против его мумификации. Она протестует: «...Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память... Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране...» И с письмом она обращается не к кому-то, а «к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам». К

Сталину — бесполезно. Он уже пригрозил, что подыщет Ленину «другую вдову».

Тело вождя прямо в Горках подвергают патолого-анатомическому вскрытию. Позднее мозг и сердце отправляют в институт его имени. Пока же то, что осталось от вождя, подвергают временному бальзамированию, для чего профессор А. Виноградов вливает через аорту шесть литров формалина с добавлением спирта и глицерина. После этого гроб под артсалют и ревы фабричных труб устанавливают в спешно созданном склепе на трехметровой глубине.

И все же пребывание тела вождя на тридцатиградусном морозе еще тогда, когда его везли из Горок, дало о себе знать. Нос видоизменился, так как часть его отморозена. На лице и руках появились пигментные пятна. Наметилось расхождение губ и век. Началось разложение и усыхание...

У гроба великого покойника вновь разгорается горячая дискуссия. Профессор Г. Шер, например, предлагает покрыть кожу усопшего... лаком! Другой профессор, В. Воробьев, считает, что тело вождя можно сохранить, если оно будет погружено в раствор уксуснокалиевого калия и глицерина. Он, Воробьев, имеет опыт хранения анатомических препаратов в подобной среде.

Но на всех спорах ставит точку

Здание бывшего реального училища (теперь сельхозакадемии), отведенное под «Сибирский мавзолей»

Лейтенант В. Сюткин, начальник «Сибирского мавзолея» Ленина

несгибаемый большевик Л. Красин. Он убежден, что ученые в своем деле ничего не смыслят, и предлагает свой вариант — тело вождя заморозить. Более того, тут же за границей, переправив туда огромные деньги, приобретают необходимое оборудование.

Будущий советский полпред в Англии Леонид Красин родился в Кургане. В Тюмени закончил реальное училище. Затем учился в Петербургском технологическом институте. Какими-то даже элементарными познаниями в медицине человек не обладал. Но известно: то, что не по силам простому смертному, по силам большевику.

Предполагалось, что сквозь дубовый саркофаг, снабженный стеклянной крышкой, будет «протаскиваться» ледяной воздух. Для этого и в самом склепе, и в Сенатской башне Кремля смонтировали охлаждающую тело аппаратуру.

Однако через три месяца затея медика-дилетанта лопнула. Разложение трупа продолжалось. Левая рука приобрела серо-зеленую окраску, произошло западение век, глаза полностью не закрывались, ушные раковины сморщились. И уже вновь стал вопрос о захоронении останков Ленина.

И вот тогда из Харькова был вызван уже известный нам профессор В. Воробьев. Вместе с Б. Збарским и группой помощников он приступает к небывалому в истории медицины эксперименту.

Правда, известно, что и в далеком прошлом проводили бальзамирование тел. Но те же египетские мумии сначала пропитывали смолами, а затем высушивали. Да и тела старцев Киевско-Печерской лавры сохранялись только за счет сухого воздуха и

песчаного грунта. Однако облик и тех и других не имел с прижизненным никакого сходства.

Анатомом и биохимиком была проведена большая косметологическая работа. На появившиеся пигментные пятна был наложен грим. Были подготовлены брови. Перед смертью мужа Надежда Константиновна подстригла его, и он утратил былой вид — тот самый, что был многим знаком по фотографиям и портретам. Короткие волосы пришлось «отменить». Но это было не самым главным. Тело промыли, удалив кровь, и погрузили в бальзамирующий раствор. Тем самым, как говорил директор лаборатории Сергей Дебов, вытеснили из клеток водную фазу. При этом ткани сохранили свою структуру и упругость. Впрочем, формула бальзама уже тогда была засекречена. Ее и сегодня знают лишь считанное число лиц. На этом потом заработали немалые деньги.

Все это выглядит кощунственно, но коммунисты и по сей день считают, что вождь заслужил такую участь. «Сохранить на века!»

Когда-то давным-давно исследователь Сибири Г. Потанин назвал Тюмень «театром Островского, импровизированным самой жизнью». И добавлял: «Тюмень — чистойшей воды Тит Титыч». Но и к началу войны из этого города не выветрился дух провинциализма. Однако Ленину первый русский город был хорошо знаком. Вождь зорко следил за жизнью местного пролетариата и к тому же регулярно читал газету «Тюменский рабочий», которая поступала и за границу. В Тюмени одно время жила сестра Ильича Анна с супругом М. Елизаровым. Отсюда он получал журналы «Гитарист» и «Самоучитель игры на семиструнной гитаре», которые выпускались в местном издательстве. И пароход «Святитель Николай», на котором Ленин проследовал в ссылку в Шушенское, был собран здесь же, в Тюмени. Следует еще раз напомнить, что друг Ленина Л. Красин учился в городе на Туре. Для этого есть повод. Реальное училище, где он постигал азы мудрости, располагалось как раз в том здании, которое облюбовали Б. Збарский и его помощники. Позднее краеведы назовут его «Сибирским мавзолеем Ленина».

В первые дни войны это, пожалуй, самое красивое здание города, выполненное в стиле ренессанса, было решено отвести под госпиталь. Он был уже оборудован и был готов принимать раненных. Но прибытие спецпоезда спугало все карты перепуганного тюменского начальства.

Гроб с телом Ленина три года и девять месяцев покоился в одной из небольших комнат второго этажа здания, в его правом крыле. Дабы эта комната не нагревалась от проникающих в нее солнечных лучей, окно заложили кирпичами. Стены были спешно оштукатурены и окрашены. Эту комнату называли «траурным залом». В смежных же комнатах разместили завезенное оборудование. Всю остальную часть огромного здания, в том числе и бревенчатое студенческое общежитие, заняли семьи прибывших в Тюмень работников лаборатории и часовые

Государственного поста № 1. Что и говорить, роскошь великая. А если еще учесть, что посланцы Москвы пользовались услугами своей столовой и получали кремлевские пайки, то войны для них как бы и не существовало. Вообще же, «Сибирский мавзолей» обслуживало огромное число местных жителей — поваров, техничек, сторожей. И это при всем при том, что в городе не хватало рабочих рук. На заготовку тех же дров посылали заключенных местной тюрьмы.

Все три года и девять месяцев у гроба неусыпную службу нес караул. И все это время не прекращались работы по совершенствованию бальзамирования тела вождя. Кроме того, учеными была разработана новая форма саркофага. Для его внутреннего освещения изобрели особые стеклофильтры, поглощающие тепловую энергию.

В начале 1944 года наркома здравоохранения СССР Г. Митирева неожиданно вызвал к себе секретарь ЦК ВКП(б) В. Молотов. Напомнив о том, что грядет круглая дата — двадцать лет со дня смерти Ленина, он предложил создать специальную комиссию, которая должна была дать авторитетное заключение о состоянии тела покойного и о возможностях его дальнейшего сохранения. В комиссию вошли такие медицинские светила, как академик Н. Бурденко, академик Л. Орбели и академик А. Абрикосов, когда-то проводивший первое бальзамирование тела, рассчитанное только на шесть дней. Всего же по некоторым данным в Тюмень нагрянуло более десятка высокопоставленных особ. После посещения «Сибирского мавзолея» ученые докладывали партии и правительству: «Тело В.И. Ленина за 20 лет не изменилось». А газета «Известия» в те дни преподнесла своим читателям самую настоящую сенсацию: «...получен ряд новых улучшений состояния тела Ленина». Как говорится, чем дольше, тем лучше.

Лишь в марте 1945 года прах Ильича вновь погрузили в спецвагон, и поезд помчал его в столичный град — Москву. Там эксперимент продолжат. Ведь коммунисты обещали народу, что тело вождя будет храниться в открытом виде тысячи лет.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

БАЙКОВА Надежда Александровна

(См. Лухманова Н.А.)

БАЙМАКОВА Тамара Федоровна

(См. Клепинина Т.Ф.)

БАКИНОВСКАЯ Юлия Ивановна, авт. воспоминаний.

Инженер-строитель, выпускница инж.-строит. факульт. Петербургских женских политехн. курсов. Ее воспоминания «Десять студенческих лет» напеч. в кн. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. С. 29-36.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6284.

БАКОНИНА А., авт. воспоминаний.

Жена самарского рабочего В.Д.Баконина. Ее воспом. «Революционный воспитатель рабочих» напеч. в кн. «Горький в Самаре». М., 1938. С.251-253.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1187.

БАКУНИНА Варвара Ивановна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1773 — 1840), мемуаристка.

Сестра поэта П.И.Голенищева-Кутузова и мать поэтессы П.М.Бакуниной (см). Сопровождала мужа М.М.Бакунина во время Персидского похода, оставила об этом походе воспоминания, а также дневник, охватывающий ноябрь — август 1812 года. Повествование Б. отличает живость языка и чувство юмора. «Смешаны факты и слухи, и последние любопытны не меньше первых, рисуя общественное настроение» (Пыпин). В Петербурге Б. играла на домашней сцене, в т.ч. в «Модной лавке» И.А.Крылова вместе с автором.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц.

БАКУНИНА Екатерина Александровна (урожд. Саблукова), переводчица.

Жена П.П.Бакунина. Пер. с франц. «Упражнение Аделаиды» (СПб., 1791) — за подписью К.С. [Катерина Саблукова].

Масанов; Сводный каталог.

БАКУНИНА Екатерина Васильевна (в замуж. Новоселова; 1889 — 1976), поэтесса и прозаик.

Род. в Царском Селе. Окончила Екатерининскую гимн. в СПб. Училась на юридич. фак-те Высших женских Бестуж. курсов. Сотр. в журн. «Семья и школа» (1907). Сдала экстерном экзамены в Харьковском ун-те. Раб. отв. секр. журн. «Вестн. Харьковского кредитного союза кооперативов». В 1921 вернулась в Петроград, заним. переводами и заведовала отделом «Кунсткамера» в «Синем журнале». В 1923 эмигрировала, до 1940 жила во Франции, затем в Англии. В парижский период печат. в «Числах», была секретарем редакции. Позднее сотр. в «Новоселье», «Новом журнале» (Нью-Йорк). Отд. изд. вып. кн. «Стихи» (Париж, 1931). В 1933 в берлин. изд. «Парабола» вышел ее ром. «Тело» — рец. «Возрождение», № 2900, 11 мая 1933 г., который критика встретила неоднозначно. Продолжение темы поиска гармонии в физической близости отразилось в ром. «Любовь к шестерым» (Париж, 1935 — рец. Возрождение. 1935. № 3711, 1 авг. С.3), переведенном на чешский, нем. и франц. яз. Стихи Б. вошли в антологию «Якорь» (1936), «Эстафета» (Париж, 1948) и «Содружество» (Вашингтон, 1966). После войны жила в Лондоне, печатала стихи в «Новом русском слове». О ней: Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути; В.Ф.Ходасевич. Книги и люди.

Писатели рус. зарубежья; Периодика...; Струве, Г; «Русский Париж»; Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

(Продолжение на стр.59)

ДРУГДАЕ ДЖИН

1

За окном идет дождь. Мутные струи барабнят по стёклам. Так продолжается уже третий месяц, хотя весь город плавится от жары. Но за моим окном — дождь, а в комнатах держится аромат переполненной пепельницы. Ещё пахнет вчерашним арбузом, вином, простынями, дурацкими разговорами... На сереньких обоях распускаются маргаритки. Меня тошнит.

На полу, укутавшись в плед, храпит Макс. Я лежу на диване лицом вниз, рядом спит Вероника — её крашенные рыжие лохмы щекочут мне шею. О, ч-черт — это и не Вероника вовсе! А кто? Ладно, потом разберемся.

Сейчас проснется Макс, сядет на матрасе и, почесывая затекший бок, начнет гундеть про то, как неправильно мы все тут живем, какой это было с нашей стороны пошлостью — поить его водкой и заставлять целоваться с девками, которых он видит первый раз в жизни.

Наверняка он скажет еще, что любому уважающему себя человеку просто необходимо принять с утра ванну. А здесь он лишен этой радости, поскольку ванна засорилась и в ней плавают яичная скорлупа, гильзы «Беломора», дохлые насекомые...

Ну, не будь же уродом, Макс! Сейчас мы выгребем из-под стола пустые бутылки, растолкаем эту подругу (как же её звать, в конце-то концов?), отправим на кухню готовить нам завтрак и выйдем во двор.

Помнишь, раньше посуду принимали здесь — рядом, за углом. Хмурый узбек Рашид заводил с утра пленку с завывающими аксакалами. И мы, выйдя из подъезда, уже точно знали, что тара, слава Аллаху, есть, а значит, нас не постигнет участь путешественников, умерших от жажды при переходе через пески.

Сейчас идти придется аж до перекрестка. Год назад ларек Рашида сгорел. Сам он сидит теперь на вокзале перед тубетейкой, куда спешащие пассажиры сыплют мелочь, и сосет из кружки какое-то варево.

Ладно, мы дойдем с тобой до этого перекрестка, сдадим бутылки и возьмем по баночке... Ты предпочитаешь джин с тоником?! Брось, неужели три года столичной жизни сделали из тебя непроходимого циника? Неужели ты забыл, как это приятно, идти по залитому солнцем асфальту к заветному ларьку, когда воздух еще чист и напоминает взбитый коктейль с какими-то фруктами, а пакет в руке деликатно позвякивает, даря предвкушение первого утреннего глотка?

Что джин? Ерунда твой джин, Макс! День должен начинаться с баночки «Балтики», тогда испортить его будет невозможно. Я знаю, ты скажешь: «Какого хрена, Андрюха! Я что, сюда приехал посуду сдавать? Ты в курсе, сколько «зеленых» мне платят за один ролик?» Ну да, ты же гений пиара, калиф рекламы! Ты бы смог раскрутить, наверное, даже ту вчерашнюю дурочку Лолу (б-р-р... у меня до сих пор по спине пробегают стайкой мурашки, стоит лишь вспомнить, как она верещала под спятившее караоке: «Я сошла с ума-а-а...»). Но, Макс, при чем тут твои баксы, расслабься. Чертяка ты этакий, как же я рад, оказывается, что ты приехал! Пусть лишь на два дня, пусть — за это время мы поставим на уши весь город!

Перво-наперво мы, конечно, пойдем к Ефиму — посмотреть его новые холсты. Хотя, с другой стороны, если ты все же одобришь мой пивной план, то мы непременно встретим у ларька Башляева, а это будет уже совсем иной расклад. Это значит, что мы попремся в его конуру пить портвейны и слушать анекдоты про Василия Ивановича Чапаева.

И еще он будет читать нам свою книгу. Это обязательно. Башляев пишет её уже семь лет — две засаленные такие тетрадки. Почерк у него невероятный: тоже весь включенный и небритый, с расколотыми очками, шепелявящий, как сам Башля. Я хорошо запомнил только начало его романа. Что-то из жизни бомжей... Кажется, так: «Стёпа открыл глаза и снова зажмурился. Солнце нестерпимо резало воспаленную роговицу. Над ним склонилась девочка лет шести с плюшевым медвежонком в руках.

Печатается с сокращениями.

В меру стервозная (независимая — сейчас говорят, или — с сильным характером). Самой собой — стройная, с красивой грудью... Они встречаются на вечеринке или в клубе. Не в трамвае, Башля, ты понял? У них развивается там бурный роман, оглушительный секс и всё такое. Потом она узнаёт, что любовник изменяет ей с лучшей подругой. Допустим, героине об этом расскажет преданная секретарша-лесбиянка. Она принимает за раз целую упаковку снотворного... Потом оказывается, конечно, что героя оклеветали. Он уезжает в Швейцарию.

— Лучше в Бразилию, — скажет сосед.

— Почему?

— Там теплее.

— Бред какой-то, — скажет Башляев.

— А вот и не бред. Так все сейчас пишут.

— Ну и пусть. А я не хочу!

— Идиот, — махнет рукой Макс. — Сопьёшься ты в своей дыре. Помрёшь, и не узнает никто, какие космические страсти бушевали в твоей душе.

Николай Павлович достанет откуда-то из складок живота пол-литра «Столичной» и с грохотом поставит на стол. Башляев потащится строгать колбасу, не найдёт её и достанет с полки банку рыбных консервов.

— Вот ты говоришь, мол, душа... — скажет сосед, занюхивая хлебным мякишем первую стопку. — А я так рассуждаю: разве может душа без тела прожить? То-то... Значит, заботиться надлежит и о нём тоже. А для этого нужно что?..

— Что? — спросит Башля.

— Зарабатывать нужно, — скажет Макс.

— Во-во... И доказать свою незаменимость в том месте, где зарабатываешь. Чтобы уважали тебя. Я вот двадцать пять лет на товарном складе отпахал — думаешь, легко было из грузчиков-то до «зама» переть?

— Так это прогибаться надо? — снова спросит Башля. — Какое ж тогда уважение?

Макс нальёт по второй и, лениво откинувшись к стенке, ответит:

— Да брось, — сначала ты прогибаешься, потом перед тобой прогибаются...

— А я не хочу, — станет упрямым Башля.

— Вот все вы так. Желаете, чтобы вас уважали за то только, что вы есть на белом свете. Пупы земли!

— Кто это все? — спросит сосед.

— Пойми, Башля, — не услышав его, продолжит Макс. — Человек человеку волк (Homini... us... est lupus... тьфу, черт, забыл!) — это аксиома! А чтобы волк не кусался, его надо подкармливать. Андрюха, прав я, скажи?

Но я не отвечу ему. Мне, вообще-то, плевать, что думает Макс. Когда поезд «Провинция—Столица» еще гудел себе на перроне и не помышлял ни о каком

— Дядя, скажите, вы не видели моего ангела? — спросила она, смешно наморщив свой крохотный носик.

— У тебя что же, есть ангел?

Девочка на секунду задумалась.

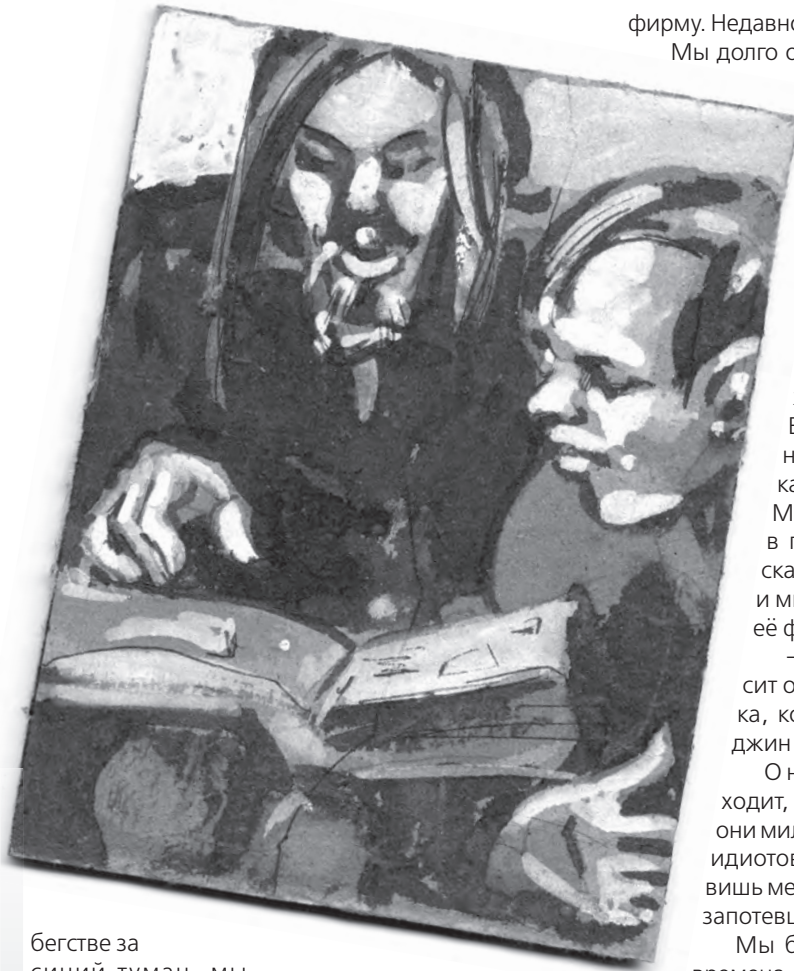
— У каждого есть свой ангел. Мой вот куда-то пропал»...

Тут Башляев начнет размазывать по щекам ручьи слёз и сморкаться в грязнувший платок. А продолжения мы не услышим — как обычно, в эту минуту в дверь ввалится Николай Павлович, сосед сверху.

— Ты что ж, пустобрёх, ни свет ни заря снова за свою эпопею засел? Хе-хе! Нет, вы скажите, ребята, скажите ему — чего он пишет-то про всякую дрянь? Кто его напечатает? Знаешь, если бы я был редактором в каком-нибудь «Новом мире», к примеру, я твою ахицию ни за что бы не опубликовал. Вот ей-богу! Ты уж не обижайся — в корзину, в корзину её!

— Да про что же мне писать? — запетушится, затрясет бородашкой Башляев. — Про бандитскую жизнь?

— Ну-ну, чего ты в бутылку-то лезешь? — встрянет в спор Макс. — Человек дело говорит. Ты вот слушай меня и запоминай, а ещё лучше — записывай. Я тут недавно занимался серией новых романов... В общем, так. Главный герой — молодой удачливый бизнесмен. Либо не очень молодой, но преуспевающий. Героиня — деловая современная женщина.

бегстве за синий туман, мы лучше понимали друг друга. А сейчас, кто знает, может, Макс и прав.

Только его правда — она где-то там, где горят огни крутых ночных клубов, где звезды рок-н-ролла сидят за соседним столиком и день начинается с банки джина. Наверное, Макс так привык...

Я всё равно люблю его, что бы он ни думал про ангелов Башляева. Поэтому я молча встану, и мы оставим писателя спорить с первым своим критиком — надеюсь, им хватит водки и шпрот.

2

Мы пойдем по тем местам, что были отмечены на картах наших попок еще пять лет назад. Как славно проводили мы время в «Малаховском»! Там подавали приличный вермут и девочки балдели от одного лишь вида затянутого в черную кожу Харлея.

Где ты теперь, угрюмый Харлей? Молчит твой «стратокастер», струны покрылись ржавчиной и провисли. Серега Хайарламов, Харлик... Помню, когда праздновали их с Ленкой свадьбу, все приехали в ЗАГС на мотоциклах, украшенных куклами и разноцветными ленточками. Харлей подарил мне тогда свою рогатую каску, все радовались...

Теперь наш герой воспитывает дочь. Он бросил курить и устроился на работу в какую-то охранную

фирму. Недавно я встретил его у дверей в гастроном.

Мы долго обсуждали цены на масло и мясные продукты.

А вот здесь, Макс, тебе выбили зуб. На этом перекрестке ты обложил матом малолетних бандитов, едва не отдавливших нам ноги своей «Тойотой». «Давай побазарим, как пацаны», — сказали тебе и треснули дверцей по башке, когда ты подошел.

Слушай, айда к Наталке! Это же рядом. Она сейчас пишет в модный журнал, разводит сиамских кошек... В конце концов, её можно раскрутить на кофе с яичницей. Представляешь, как обрадуется она твоему приезду, Макс?! Засуетится, начнет целоваться в прихожей. А потом накроет стол, скажет, что как раз собиралась обедать и мы обязательно должны попробовать её фирменный салат «Натали».

— Что будем пить, мальчики? — спросит она, распахивая дверцу бара. — Водка, коньяк? Лично я предпочитаю м-м... джин с тоником.

О нет, боги! Да что же это делается? Выходит, я один буду давиться «Гжелкой», а они мило ворковать, потягивая этот коктейль идиотов? Но, Макс, дружище, ты не оставишь меня, лишь вздохнешь и распечатаешь запотевшую склянку.

Мы будем вспоминать старые добрые времена, нашу общагу и пирожки с солёными огурцами. Вспомним Вовку Зацепина, как находили после очередного застолья его фарфоровые зубы в тарелке с лапшой. Как Димка Яшников, праздная диплом, залил полкорпуса пеной из огнетушителя. А не забыли вы мента, которого Макс едва не прибил, выбросив из окна телевизор? А Башля, он учился тогда на последнем курсе журфака, ходил в майке с надписью «I love Anna Karenina» в пику малолеткам, поклонницам Бритни Спирс!

Наверное, Наталке будут звонить на мобильник, звать в гости, на какую-нибудь презентацию, но она откажется — не каждый же вечер собираются вместе старые друзья. Макс тоже встрепенётся, вспомнит, что должен куда-то идти, у него назначена встреча... Потом махнёт рукой: ну её к чёрту! Мы выпьем за нас, за Наталкин развод, за мои стихи, за то, что все так хорошо устроились по жизни...

— Обожаю столицу, — скажет Макс. — Когда я там, я чувствую себя... дома. Понимаешь, нет? Это мой город, единственное место на всей земле, где я смог бы жить.

— Я туда в прошлом году моталась, — скажет Наталка. — У нас были курсы повышения квалификации. Между прочим, с ребятами из «Ногу свело» познакомилась — они в Молодёжном театре... репетировали, в общем.

— А чего ко мне не заехала? — возмутится Макс. — Я бы такие места показал! Вас-то, наверное, по театрам да по музеям таскали, и-эх!

— Да мне б Сергуня потом башку открутил.

— Вы, кстати, почему разбежались-то с ним?

— Потому и разбежались, — Наталка печально тряхнёт каштановой чёлкой. — Скажи, можно с человеком жить, когда у него цели в жизни — никакой? Ну, сколько он получал на стройке своей, знаешь? У меня — ни помады не было, ни чулков. Жрали макароны с тушёной.

— А теперь что?

— Теперь нормально... как у людей.

— Молодец.

— А Сергуня просто неудачник, вот и всё. Я когда Пашку отдавала ему, так и сказала: надеюсь, вы с вашей мамой не воспитаете из него такое же ничтожество, как ты сам.

— Пашку?

— Пашка — это сын.

— А-а...

Тут Наталка начнёт рассказывать про пляжи в Испании, про свои шашни с местными авторитетами, будто и не было в её жизни шести лет несчастливого замужества. А Макс — про то, как важно с самого начала выбрать в жизни верное направление, что главное — не плыть по течению и не быть лохом, ожидающим от судьбы каких-то подарков. Что суперприз на этой сумасшедшей викторине выигрывает не тот, кто угадает больше всех букв, а тот, кому по барабану, что не его очередь крутить этот барабан. А Наталка станет называть его Максимом и просить увезти от грязи и глупости в какой-нибудь сказочный город. А Макс будет целовать её пальцы и врать, что да — он заберёт Наталку с собой, найдёт работу в офисе небольшой частной компании (но это же только на время!) и снимет ей комнату где-нибудь в Новогиреево.

А я вдруг пойму, что уже не нужен этим двоим, и увижу свет, зажжённый в окнах соседних домов. Я пойду на кухню, найду за плитой раздавленный коробок спичек и закурю. В кармане зажигалка, но это ерунда: есть что-то страшное, какая-то тайна есть в пламени, танцующем на кончике тонкой щепки. Я буду вдыхать дым и смотреть на далёкие фонари, как кружится вокруг матовых колпаков мошара...

Потом я лягу спать в комнате, где когда-то играл Пашка, и мне приснится кошмарный сон.

3

Меня разбудит Наталка. Скажет, что нам нужно срочно отправляться к Ефиму, там собираются все наши. Оказывается, пока мы тут вспоминали старое, Башля повесился на крюке для пальто в своей пыльной прихожей. Ошалевший от сна Макс станет спрашивать о чём-то Наталку, а она начнёт реветь и отмахиваться от него.

— Так я и знала, так и знала! Сколько раз говорила... Вот дурак!

Пойдёт на кухню, заорёт оттуда что-то про пропавшую губную помаду...

Мы вскочим в жёлтый троллейбус и будем долго молча ехать в Блаженново. Пойдём по изношенной мостовой, цепляясь каблучками за булыжник, и постучим в дверь дома, на стене которого метровыми буквами выведена надпись: «Ефим Деловой — наследник Пикассо».

Бог мой, сколько раз стучали мы в эту дверь! Встретить Новый год — только сюда, послушать последний альбом Шевичука — тоже сюда, поплакаться в жилетку Ефиму — всегда пожалуйста. Здесь царил невообразимый беспорядок: свинцовые тюбики с киноварью прилипали к подошвам, холсты и гипсовые бюстики сваливались в одну кучу. Чтобы обойти это нагромождение культурных ценностей, требовалась немалая сноровка. Натурщицы спокойно разглядывали вас, пока мастер — перемазанный красками, вечно бурчащий что-то Ефим — расписывал обнажённые спины во все цвета радуги.

Здесь постоянно тусовались какие-то небритые знаменитости. Однажды Деловой решил устроить у себя «самый что ни на есть настоящий хэппининг»: пригласил с дюжину накрахмаленных папиков и показал им нечто выползающее из полиэтиленовых пакетов. Действо он обозвал «Рождением атома в глубинах подсознания Будды» и запросил полторы тысячи баксов на раскрутку проекта. Присутствующие вежливо отказались.

Но сегодня Ефим не будет хохотать, подшучивать над «дилетантами от трансреализма» — сегодня нас собрала здесь великая скорбь. Он молча отопрёт двери и поднимется по лестнице в мастерскую. Что ж, Макс, ты увидишь наконец тех, кого не встречал много лет, а кого-то и не думал больше встретить — такой паноптикум памяти.

Шура Фэйн — когда-то непримиримый анархист, а ныне врач-акушер, протянет нам стаканчики с разбавленным спиртом: «Пояняем, братцы, не в твоё усопшего». Людка Головина (та самая, за которой я безнадежно ухлёстывал на втором курсе!) всхлипнет и обнимет потерянного от всех этих событий Макса. А тот засуетится вдруг, начнёт бормотать что-то про отпевание, что надо купить цветов и побольше свечей. Ему никто не ответит.

Ефим сердито тряхнёт рыжей гривой и скажет: «Что же вы, Андрюха, Башлю не уберегли?» Приветик — убережешь его! Кто ж знал?... А впрочем, знал, конечно.

Но такое могло произойти с ним и на прошлой неделе, и ещё год назад. Когда никакой Николай Павлович водкой его не поил и в душу не лез. Потому что Башляев давно истёк чернилами в свои тетрадки и умер. Просто никто этого не заметил.

— Так, пацаны, я чисто не понимаю — мы будем скидываться на гроб или что? — это вывалится из уборной, на ходу застёгивая ремень, Вовка Бояршин. Да, заматерел Вован, и не подумаешь, что этот боров когда-то легко мог вскарабкаться по водосточной трубе женской общаги.

— Уйди ты, не балаболъ, ради бога, — отмахнётся от него Наталка, присаживаясь на корточки перед печкой.

— Ну-ка, обоснуй мне за балабола!

— Отстань!

— Башля хотел, чтобы его кремировали, а пепел разбросали по Смольникову переулку, где Чехов жил, — загундосит из угла Димка Яшников, наш бывший «профсоюзный актив».

— Чехов там не жил, а только останавливался в гостинице. Когда на Сахалин уезжал.

— Хватит муру толочь, давайте бабки, у кого сколько, — Бояршин швырнет в кепку несколько смятых купюр.

Макс неловко достанет из кожаного портмоне пачку баксов и протянет две сотни.

— Это что? У тебя бабосов нет, что ли?

— А это что?

— Вот я и спрашиваю, что? Где, по-твоему, я это «эксченчить» должен, в банк поедем?

Деловой примирительно похлопает Вована по плечу и бросит в кепку какую-то мелочь: «Не нервничай, дорогой — это за него и за меня, езжай за гробом». Фыркнув на побледневшего Макса, Бояршин укатит в своём жигулёнке, а мы останемся пить спирт и вспоминать покойника.

— Слушай, Ефим, у тебя можно ванну принять?

— Извини, засорилась, стерва.

— М-м...

Людка с Наталкой пойдут на кухню жарить яичницу. Фэйн подсядет поближе ко мне и заведёт разговор о смерти, какая она бывает. Ефим будет что-то объяснять Яшникову про обратную перспективу, полезет на стеллаж за пыльным альбомом с иконами. Макс спросит — сколько может стоить «Натюрморт с ухом Ван Гога», что висит у окна? Ефим промолчит. Мы снова выпьем, закусим... А затем хозяин предложит прогуляться до набережной, взять водки и проветрить мозги, потому что смотреть на наши увядшие лики нет никакой возможности.

Ну, что ж, аккуратно поддерживая друг друга, мы вывалимся из мастерской. Пойдём по аллее с мечущимися в листве солнечными зайчиками туда, где трезвонят трамваи, где люди покупают мороженое и ничего не знают о нашей беде.

— Скажи, Андрюха, я что — совсем дурак? — Макс грохнется на скамейку. — У меня такое чувство, будто меня все здесь прикалывают.

— Успокойся, Максим, — Людка обнимет его, станет гладить по голове. — Просто ты отвык, вот и всё.

— От чего я отвык?!

Людка пожмёт плечами и не ответит. А что тут скажешь — вот перекрёсток, отсюда можно попасть в старую часть города с покосившимися особняками и голубятнями (помнишь, Макс, мы пробовали искать там клад — ободрались все!). Из крон тополей торчит телевизионная вышка, а вдалеке виднеется полусфера чёртова колеса. У причала трепещут разноцветные фантики парусов и бегают дети... Здесь

нет ничего такого, на чём мог бы остановиться взгляд столичного гостя.

Да и мы совсем не похожи на продвинутой «золотую молодёжь», среди которой Макс, наверное, чувствует себя как рыба в воде. Вон Ефим — оседлал унылого пони, что много лет уже катает на вытертой спине ребяню, и пытается напоить его пивом. Казалось бы, взрослый уже дядька — не солидно, а он знает себе хохочет, как ненормальный!

И тут случится ужасное: откуда-то из тени деревьев выйдут двое ментов и вежливо скажут Деловому, чтобы он отпустил несчастную лошадь. Потом они попросят его предъявить документы, а Ефим станет куражиться, орать про то, что он «не обязан удостоверять свою личность перед каждым пэтэушником в форме». Тогда менты выкрутят художнику руки и начнут обыскивать...

Мы полезем спасать идиота: Яшников затрясёт просроченными корочками Союза журналистов, Макс будет грозиться куда-то позвонить... Закончится же это происшествие тем, что разбушевавшийся Ефим опрокинет бутылку над головой лопухого защитника правопорядка с блестящим на груди значком «Отличник боевой подготовки». Нас всех повяжут и увезут в отделение.

4

Бывали в моей жизни случаи и похуже, но об этом сейчас не хочется вспоминать. Когда вокруг тебя лишь обшарпанные стены, а единственный кусок синего неба расчерчен в клетку, как тетрадь первоклассника, воспоминания вообще кажутся чем-то лишним. Единственное утешение в такой ситуации — то, что ты влип в дерьмо не один.

— Как же это, — раздастся из темноты голос Макса. — Только что гуляли, хотели водки с пивом выпить, похоронить Башляева, а оказались у параша?

В ответ из-за стены раздастся лихая песня про атамана — Ефим не будет скучать даже в застенке, так уж устроен человек. Потом всё стихнет, и мир снова обретет очертания «Чёрного квадрата» Малевича с нелепым лазурным мазком в середине. Макс станет говорить о чём-то, что не интересно ни ему и ни мне. Я пойму, как он боится, и возьму за руку. Пройдёт ещё час.

Дверь откроется неожиданно, с противным скрипом. Через порог перекаатится сломанная в пояснице тень дежурного. Что это — водка, помидоры? Ничего себе!

— Чё уставились? Радуйтесь, х-х... Капитану Саранскому майора дали! Звёздочки-ки обмываем, а ваш приятель его портрет р-рисует. Пейте давайте.

Тут откуда-то с потолка грянет музыка, сквозь женский хохот и визг незнакомый голос заорёт: «Сержант Яценко! Доставить задержанных наверх, мать-итить!»

В кабинете накурено. На сдвинутых столах — блюдо с закуской, полки бутылок и пластиковые стаканчики. Посреди пиршества развалилась Наталка, какой-то в форме хватает её за голые ноги. Она ржёт

и поливает рассолом его загорелую лысину. Яшников, трое ментов и Людка в сдвинутой набекрень милицейской фуражке отплясывают буги-вуги. Фэйн спит, уткнувшись носом в паштет. На полу раскорячился в зюзю пьяный Ефим, ломая карандаши, чертит что-то на куске ватмана. Перед ним сидит в кресле, боится шелохнуться новоиспечённый майор.

— Мужики, наливай!

— Чистая посуда — там, под столом. Людка, покажи!

Мы проголодались и поэтому будем жадно хрустеть салатами, пить водку, запивать минералкой. Девчонки притащат откуда-то гитару и запоют на два голоса: «Прорвёмся, опера!» Деловой вдруг завоет не в тему про атамана, и все подхватят. Саранский так и уснёт в кресле с суровым выражением лица, не дождав-шись портрета. Макс вновь запечалится, окинет мутным взглядом нашу компанию.

— Хрен вас разберёт, люди, — промямлит он наконец и выплюнет свесившуюся до пола слюну. — Вы какие-то... не знаю. Другие вы...

— Ага...

— Я спать пойду. Яценко, идём, запрёшь меня.

— На вот, ключи...

Наутро, зелёные и помятые, мы выйдем под дождь. Тугое небо навалится, опрокинет нас на асфальт. Слякучка по кругу — дышать станет легче. Скрипнув тормозами, подкатит Бояршин — Ефим уже предупредил его по телефону обо всём, что с нами произошло. Вован скептически хмыкнет, разглядев наши рожи. Покажет на гроб, торчащий из прицепа, и скажет:

— Приколитесь, ящик-то мы с вами купили зря!

И тут выяснится, что хоронить Башляева будут не здесь. Что есть у него, оказывается, дядюшка — бандюга из бандюг. Он повезёт покойника на историческую родину — в посёлок Занорыш, что под Тюменью — там живёт его мать. Самолёт унесёт Башлю за тысячи вёрст от нас навсегда, поэтому если мы хотим проститься, то нужно спешить. Макс, конечно, вспомнит, что ему тоже пора улетать, зашарит по карманам в поисках билета.

— А ведь ещё нужно к Андрюхе за сумкой сгонять!

— Не бойсь, — скажет Вован. — Я подброшу, всё равно в аэропорт ехать. Ефим, что с гробом-то делать будем? Оставим про запас или как?

— В мастерскую. Я его вместо корыта для грунто-вки пристрою.

— Как хотите, а я эту хрень не понесу, — скажет Фэйн. — Мне совсем плохо. Даже водка не лезет.

— Ну, чёрт с тобой — ложись внутрь. Сейчас каких-нибудь мужиков найдём — помогут, поди.

И действительно, Ефим притащит откуда-то троих страждущих с утра бомжей. Они вскинут на плечи обитый красным ситчиком ящик и, пошатываясь, двинутся прочь.

— Пока, Макс, — заорёт, высовываясь из гроба, Фэйн. — Простись за меня с Башляем, если я опоздаю. Вздумаешь рожать, приезжай!

Девчонки и Ефим пойдут следом, а мы с Максом и Яшниковым залезем в машину. Ну, сколько нужно времени, чтобы добраться до моего дома? Должно быть, минут двадцать, не больше. Мы взлетим в лифте на девятый этаж, откроем двери... Ба! Про неё-то, безымянную нашу подругу, забыли мы, Макс! Она начнёт, конечно, орать, какие мужики свиньи. Что она раз десять разогревала нам завтрак, обед, потом всё пришлось съесть самой, а она на диете. Ей давно пора быть на лекциях в институте, нас нет, и ключей нет...

Когда она успокоится и уйдёт, Макс станет собирать вещи, потом хлопнет себя по лбу — приехав, он позвонил девушке, назначил свидание и хоть бы вспомнил об этом!

— Светка! Ну же, Каравеева Светлана — рыженькая такая, училась на курс младше!

Макс бросит сумку, побежит к телефону, будет долго бубнить что-то, прикрывая трубку рукой. Договорится встретиться Светку в аэропорту и, счастливый, обернётся ко мне:

— Всё, Андрюха, я готов.

Но мы почти опоздаем — пробки. Приедем,

когда гроб с Башляевым уже начнут поднимать в самолёт. Я увижу лишь его лицо цвета оплавленной свечки, и оно тут же исчезнет под покрывалом. Рядом с Ефимом и девочками появится вдруг Николай Павлович.

— Вот ведь, судьба, — скажет он. — И жил, не поймёшь как, да и помер не по-людски.

— Шёл бы ты отсюда, гнида, — скажет Бояршин, и бывший сосед заспешит к выходу, недоумённо оглядываясь на нас через плечо.

Странное это чувство, когда прощаешься сразу с двумя близкими тебе людьми. Правда, летят они в разные стороны и один из них уже не вернётся. А Макс, может, ещё и приедет. Когда ему вновь надоест суета на Тверской и захочется поговорить по душам. До его самолёта ещё полчаса, мы пойдём в буфет, возьмём по сто грамм коньяка.

— Ты, Максимушка, не поминай нас лихом — дураков провинциальных, — скажет Ефим. — Думали встретить тебя, водчонки попить...

— Ну, водчонки-то мне хватило... Слушайте, братцы, я так не могу! Ведь вы же родные мне все! Я себе никогда не прощу, что Башля вот так... А надо-то было всего лишь наврать ему, какой он гениальный, забрать его рукописи. Ну, пообещать в конце концов, что пристрою книгу куда-нибудь... в издательство. Глядишь, он бы и не помер, а?

Димка Яшников обнимет его, начнёт объяснять, что Башляев повесился вовсе не из-за книги. Людка лишь покачает головой — ничего-то ты не понял, Макс!

— Ребята, — снова запричитает он. — Давайте я вас устрою... Ефим, хочешь, я все твои картины в Германию, коллекционерам продам. Даже «Розового слона»! Нет, правда — это даже оч-чень неплохая работа, в духе раннего Пикассо. Боже, да что ж я бред какой-то несу?!

— Не надо, Макс, — скажет после долгого молчания Деловой. — Спасибо, конечно, но не стоит...

— Почему?

— Да на черта мне продаваться? Чтоб бабок куча была да хата в столице? Видал я её!.. Чтоб всякие уроды в мои картины зенки пялили да ржали — во, мол, у чувака крыша-то едет?! Ты ж сам знаешь, людикам другое показывать надо, что попроще.

— Ток-шоу «Пятна», — хохотнёт Бояршин.

Макс окончательно скиснет и опрокинет в рот ещё стопку. Его окликнет худенькая девушка в солнечном платье, и они будут долго-долго смотреть друг другу в глаза и молчать.

— Извини, — скажет Макс.

— Да ничего.

— Я вот улетаю...

Она притянет его к себе и поцелует в губы. Как раз объявят нужный нам рейс, и все засуетятся, подхватят сумку Макса, затормозат его. Мы побежим к длинной очереди, и Макс начнёт прощаться, пожимать руки... И потом уже, когда ему останется сделать лишь последний шаг к таможенникам и взлётной полосе, Макс вдруг откинется назад, с глазами полными слёз побежит к нам, заорёт:

— Я не хочу! Я не могу лететь — этот самолёт взорвётся, его террористы взорвут! Я останусь лучше, пережду день-другой. Ну её к чёрту, эту столицу, а?

Но мы навалимся, развернём его и вытолкаем прочь: к сверкающим огням рекламы, барам, автострадам, дорогим клубам — в эксклюзивный рай. Туда, где каждый чувствует себя единственным на земле созданием, заслуживающим внимания новостных каналов, и пьёт чудный коктейль из страстей, опасностей и любви под названием — жизнь.

За окном идёт дождь. Откуда он взялся на мою голову? Может, это я сам плачу и мутные струи барабанят по стёклам? Сейчас проснётся Макс... Да собственно, он уже и не спит.

Вот он садится на матрасе, потягивается, весело мне подмигивает:

— Ну, что, Андрюха, — по пиву и в Блаженово? Или нет, давай заглянем к Башляю, тыщу лет не видел его. Как же я, оказывается, соскучился по всем! Да ты чего молчишь, чертяка этакий? И, кстати, не знаешь — что это за подруга, её вчера, кажись, не было?

Елена МИНАКОВА,
фотографии предоставлены
клубом «OFF-ROAD»

Робинзоны тундры

Обычно Новый год встречают в домашнем кругу. А семеро чудачков из Екатеринбурга и Москвы решили отметить это событие на льду Обской губы. 27 декабря 2005 года от уральского автосалона «Land Rover – Краснолесье» стартовала экспедиция «POLAR EXPRESS 2006», организованная столичным журналом «Off-road drive». И в это необычное путешествие отправились три автомобиля-внедорожника. Миновав девять городов – Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, Тобольск, Новый Уренгой, Ямбург, Надым, Салехард, Ивдель (общая протяженность маршрута составила около 6 000 километров), 11 января 2006 года команда вернулась на место старта – на Средний Урал.

Главная цель путешественников – узнать, можно ли добраться до Края Земли своим ходом, вместе с тем, – испытать возможности нового автомобиля в условиях зимнего бездорожья. А мне кажется, что сам по себе этот факт – зимник – является неким воплощением природы русского человека и достоин того, чтобы о нем поразмышлять отдельно. Техника не выдерживает такого «драйва» и ломается, бульдозеры тонут в болотах. Вероятнее всего, нигде в мире нет зимников (это наше фирменное изобретение), а есть асфальтированные дороги. В других странах я не была, но полагаю, что люди, принявшие решение построить дом, сначала непременно постараются подвести к обозначенному месту дорогу. А мы привыкли месить грязь: сначала строим, а потом благоустраиваем территорию.

И еще, зимник приятен русской душе, потому что дает возможность срезать дорогу...

В команду вошли разные люди. Не только профессионалы, мастера новомодного вида спорта, но и любители экстрима. У Владимира Павелко – своя компания, которая занимается производством шампанского. Несколько экземпляров «игристого» он вез с собой. Георгий Ризванов – тоже генеральный директор. Но только очень уставший. Он хотя и говорит о себе: «Мое увлечение – жизнь», – сложилось впечатление, что он больше спал, чем бодрствовал в дороге. Павел Разин преподает в Москве социологию. А наши земляки – представители OFF ROAD клуба из Екатеринбурга Олег, Ирина Майоровы и Михаил Вязовцев – профессиональные организаторы трофи-соревнований на Урале. Олег – быв-

ший кадровый офицер, капитан запаса и, как о нем говорят, дизайнер трасс. Ирина — учительница плавания. Ну а Михаил, хотя и подшучивает над собой, что «увлекается трофи и только — трофи», он самый настоящий герой. Благодаря его съемке на морозе, при поддержке клубной студии, появился фильм — видеорассказ о трассе, которая признана в России одной из экстремальных.

Зов Севера

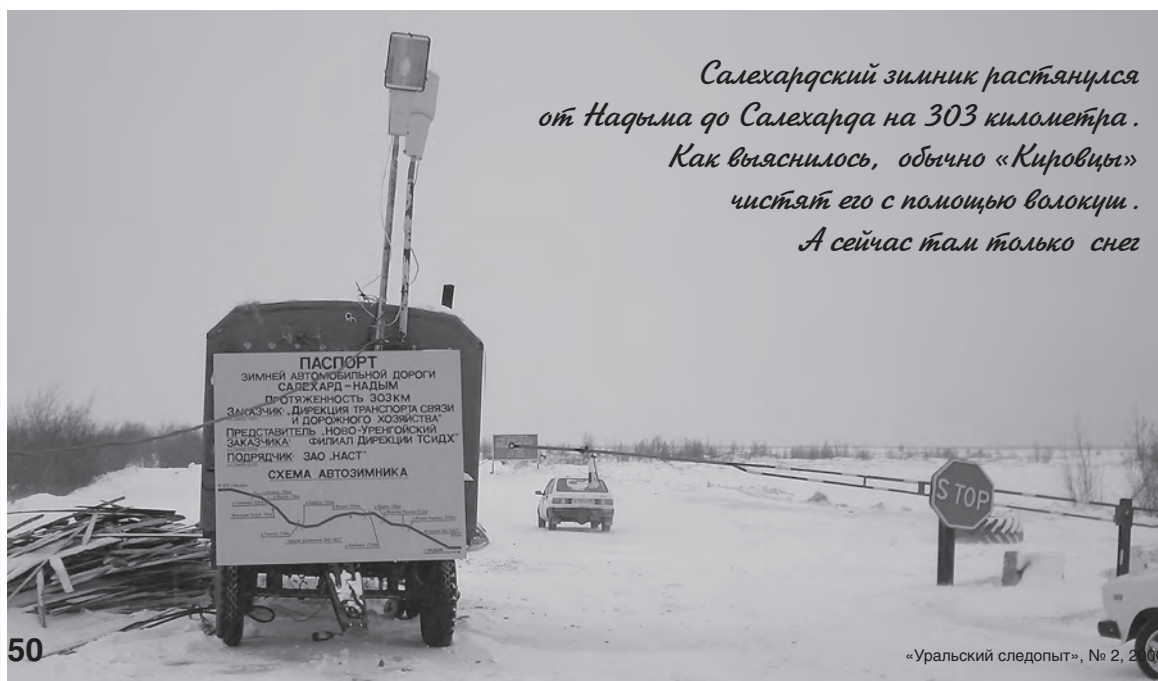
Первое время в дороге казалось, что самое интересное начнется сразу за поворотом. Любое путешествие — это одно большое ожидание. Может быть, поэтому в промышленном Челябинске ребята решили не задерживаться. Без остановки миновали и скучный Курган. Останавливались только на заправках. И, конечно, использовали любую возможность, чтобы подольше остаться на колесах. На специальной «подушечке» ехал обозреватель московского журнала Леонид Миндель. Как-то он даже похвастался друзьям: «У меня есть такая удобная штуковина. Надевается на голову, чтобы голова не болталась». Поясняю: чтобы не билась о стенку кузова. Приехал умный!

Я его называю — Робинзон. Но это не тот несчастный чудак, который пытался построить хижину на необитаемом острове. Новый русский Робинзон тундры неплохо экипирован, и у него даже есть автомобиль. Автосалон «Land rover — Краснолесье» выбрал для экспедиции LAND ROVER-90. Москвичи путешествовали на двух автомобилях — LAND ROVER DEFENDER-110 и NISSAN PATROL и часто попадали в передряги. А джипу, «окрещенному» на Урале, повезло. Он полностью был переоборудован для экстремального пробега по зимнику в условиях низких температур. В салоне была установлена воздушная отопительная система, в капот был встроена жидкостный отопитель от известного мирового производителя Webasto. А колеса «переобулись» в специальную шипованную внедорожную резину.

Север звал. Звала далекая страна, в которой живут загадочные хозяева тундры. Среди снегов, неба и льдов эти затерявшиеся люди казались путешественникам настоящими героями. «Иногда и у самых культурных людей бродят дикие капельки крови», — писал Пришвин. И с этим наблюдением писателя трудно не согласиться. Природа зовет. Но покоряется она только сильным и отважным. Кто из нас еще в раннем детстве не зачитывался книгами о полярниках и мореплавателях, об их зимовках и путешествиях в край вечной мерзлоты, когда при морозе в 50–60 градусов с ветром лопаются камни, а иногда застывает и ртуть в градуснике? Благодаря таким людям рождалась история Заполярья и воспитывались характеры.

Север притягивал, поэтому ребята торопились. Умывались снегом. Спали в самом настоящем «куропачьем чуме» — на открытом воздухе, зарывшись в сугроб. Завтракали мороженым муксуном... И, видимо, не зря Георгий захватил с собой настоящий норвежский нож (конечно, не для охоты на белых медведей — они здесь не ходят).

*Салехардский зимник растянулся
от Надыма до Салехарда на 303 километра.
Как выяснилось, обычно «Кировцы»
чищают его с помощью волокуш.
А сейчас там только снег*

Кое-что из области фантастики

Тюмень. В этом первом северном городе экстремалы почувствовали себя как на утреннике. Обрадовались, как дети: «Столько елок свечающихся мы еще нигде не видели!» Но у каждого праздника есть своя обратная — «рабочая» — сторона. И участники экспедиции вскоре ее увидели. В старом ангаре, где стоят грейдеры — снегоуборочные тракторы (главные наши российские внедорожники), обитают еще и представители местного регионального джип-клуба «4x4». Они тепло встретили гостей, рассказали им немало интересного из своей жизни. «Особенно хвастаться нечем. Работаем, — сказал по-сибирски основательно лидер движения Леонид Карась. — Готовим для охотников, рыбаков и любителей приключений машины. Но, в основном, у нас охотники и рыбаки, потому что просторы — обширные и пока еще есть, кого поймать в лесу и съесть». В этом месте Карась улыбнулся и добавил: «На юге области обитают косяля, кабан, лось и медведь, а остальное все... не считается».

В старинное сибирское село Покровское путешественники прибыли уже вечером. Серым показались пейзаж за бортом автомобиля, потянулись безликие заборы. От такой унылой картины любой человек — не только драйвер — испытывает головокружение. Вот и столичный обозреватель Миндель растерянно обронил: «Приехали в деревню Покровское. Как считают местные жители, а может, это и правда, здесь родился товарищ Распутин. Известный кудесник и целитель».

Стоило Робинзону выехать за пределы Москвы, как сразу же он почувствовал себя на необитаемом острове. Складывается впечатление, что тем, кто живет в столице, вся наша страна кажется чем-то «из области фантастики». «Может, жил товарищ Распутин, а может, и не жил здесь». Но надо знать историю Сибири, чтобы почувствовать всю ее суровую красоту. Здесь когда-то проливали кровь дружинники Ермака. По Сибирскому тракту шли ссыльные

декабристы. Проезжал Радищев. Бывал здесь, по легенде, и товарищ Сталин... Ну а сейчас бежит вдоль серого забора спортсмен-экстремал в ушанке из лисицы: «Хлебушка местного решил купить. Очень вкусно!»

Впереди путешественников ждал еще и величественный Тобольск. В этот город спортсмены въехали — как на машине времени — в сказку, в прошлое. Ремезов, Менделеев, Алябьев, Перов, Ершов — что ни имя, связанное с Тобольском, то легенда, что ни уголок, то какой-то отголосок великой российской истории... Совершили своеобразный круг почета. Издали полюбовались на кремль, единственный за Уралом, на тюремный замок, куда водворяли опасных преступников, а потом спустились в низину — к Иртышу, осмотрели все то, что осталось от памятников старины. Капитан запаса Майоров обронил: «Тобольску — 418 лет... Молодой город... Все у него еще впереди!»

А дорога, как стрелка компаса, уже показывала направление на Губкинский.

Где-то на этом отрезке трассы путешественникам показалось, что заканчивается дизельное топливо. И хотя его еще можно было растянуть, как минимум, на тридцать километров, ребята, посоветовавшись, решили, что рисковать не стоит. Воспользовались буксиром. А уже через 200 метров — за небольшой возвышенностью — обнаружили автозаправку. И пешком до нее тоже можно было дойти при желании, однако вся процессия торжественно подъехала к ней на тросе. Как говорится, перестраховались!

Губкинский. Как все города-подростки, он еще не имеет ни своей большой истории, ни биографии. Но этот город тоже можно сравнить с маленькой моделью планеты. На одной из улиц стоит здание, которое острый на язык народ окрестил «Титаником». А рядом, пожалуйста, — «Курск», очередная высотка. Про эти дома-тяжеловесы говорят: «Есть опасение, что свалятся в болото». А возле искусственной елки какие-то заезжие мастера соорудили из кубиков льда настоящую Северную Венецию — Санкт-Петербург.

Край, где нет зимой солнца

Незаметно пересекли границу Югры. Всю ночь ехали без остановки, потому что боялись выбиться из графика. До Нового года оставались сутки, а еще предстояло пополнить продовольственные запасы, заготовить дровами и арктической соляжкой в Новом Уренгое. Там, кстати, ребята потеряли немало времени, пока оформляли пропуска для въезда в

Ямбург. Блокпост превратился в неожиданное препятствие, потому что документы путешественники смогли получить только на водителей автомобилей. Навигаторов и штурманов бдительные пограничники почему-то упорно называли пассажирами.

Но зато пока ждали, узнали, что зимник, вероятнее всего, закрыт на каникулы. Лидер местного джип-клуба «Тундра» Александр Усков дал несколько советов, как вести себя на трассе, ибо трудно будет возвратиться назад даже по собственному следу. Можно, конечно, докричаться до спасателей — сообщить им о своей беде по спутниковой связи — в помощи не откажут. «Урал» отправится на поиски по первому же зову. Но его еще надо суметь дождаться!..

Зимний день в Заполярье — понятие условное. Солнце показывает максимум, на два часа, и в них надо как-то уложиться. На елочном базаре, несмотря на мороз, топчутся оживленные покупатели. Цены их, что ли, подогревают? Сто рублей за елочку просит предприимчивый купец из Уфы. Торговаться некогда — праздник на носу.

Наконец тронулись. И сразу очутились в пространстве, которое называют здесь «закрытой зоной». Стоят только важные стратегические объекты — газопромысловые комплексы, и никого живого вокруг в радиусе нескольких километров. Немного

комично смотрится джип с башкирской елочкой на багажнике...

Территория Газпрома — сердце газовой державы. За бортом становится все морознее, а холод, как говорят участники рейда, дисциплинирует. И все-таки в сердце драйвера царствует весна, потому что он не может проехать мимо чего-то романтического. Примерно в шестидесяти километрах от Нового Уренгоя стоит знак, символизирующий Северный Полярный круг. Издали на нем видны лоскутки материи, оставленные теми, кто проехал мимо. Своеобразный сентиментальный знак привязанности к Северу.

Ну а на льду под Полярной звездой, как и положено, ребята «взорвали» шампанское. То самое,

которое вез с собой Владимир Павелко. Жаль, что не было телевизора. Но хорошо уже то, что в теплой арктической палатке можно было находиться даже в футболке. Жарко было от печки. Светло — от лампы фирмы «Калеман»: ее участникам экспедиции подарил в качестве новогоднего презента уральский предприниматель Алексей Дудоров. Этот прибор уникален тем, что работает на бензине, который не теряет свои свойства на морозе.

Вышли на лед, установили новогоднюю елку. И устроили самое настоящее полярное сияние! 19-ствольный фейерверк захватил с собой Олег Майоров, в надежде на то, что рванувший заряд увидят в Екатеринбурге. Все боялись волков, но они почему-то не появлялись. Ровно в 12 часов (дважды — по московскому и местному времени) все исполнили гимн России.

Утром, пока сворачивали лагерь, обнаружили одно досадное обстоятельство. Заглох красавец-дефендер. Он какое-то время, пока ставили палатку, бросал круг на снежный покров — освещал пространство, и от этого, как обмолвился Миндель, убежало электричество — сел аккумулятор. Посоветовавшись, ребята решили подогнать LAND ROVER-90,

Фото Владимира Павелко (Москва)

перекинули провод для подзарядки, и только через полчаса двигатель завелся. Но опять же перестала работать отопительная система салона в джипере. А внутренняя печка необходимого тепла не давала.

Ямбург. И первые тяжелые впечатления: дома на сваях, тусклый свет фонарей, пронзительный ветер. И какое-то заведение общепита с традиционным для этих мест названием — «Заполярье».

Ямбург — город закрытый. Оазис посреди голой тундры, про который говорят, что он создан руками человека. С первого взгляда трудно понять, что это место — не для жизни. Никто здесь и не живет. Все вахтуют. В то же время существуют определенные временные ограничения на пребывание на земле, которую сами ненцы называют мертвой.

Но далеко не сразу путешественникам открылись тайны Крайнего Севера. Школа началась... от печки, которая устанавливается в палатке. Она топится дровами. А где их взять в голой тундре, где нет ни одного деревца? Ребята потом делились своими впечатлениями. На обжитой части Севера часто встречаются какие-то разрушенные дома, заборы, строительный мусор, а на территории Газпрома, за Ямбургом, все, наоборот, безжизненно и стерильно. Здесь только тундра и снежный покров высотой в полтора метра. Все в офисах Газпрома красиво, все завезено людьми с Большой земли.

И очень здорово, что ребята предусмотрительно напилели дров в Новом Уренгое, упаковали их в мешки из-под сахара, погрузили на крышу одной из машин и привезли с собой. Этого запаса хватило на долго — на четыре ночевки.

Покорение зимника

Впереди уже снова лежала бесприютная пустыня Ямала. Обская губа с торосами — беспорядочными вздыбленными кусками льда. Тундра, по которой нельзя ни пройти, ни проехать, потому что зимник закрыт на новогодние «каникулы». И собачий холод.

А в Надыме — кактусы в обычной оранжерее. И еще пустил корни «Кедр». Так называется клуб, вокруг которого объединились люди, любители внедорожных приключений. Кажется немного удивительным, что и здесь, на Севере, активно развивается экстремальный спорт. При поддержке администраций округа и города проводятся любительские авторалли. При этом самый популярный вид транспорта среди автолюбителей — обычный уазик.

Лидер местного клуба помог ребятам сориентироваться. Подробно пояснил, в каком состоянии находится салехардский зимник: он растянулся от Надыма до Салехарда на 303 километра. Как выяснилось, обычно «Кировцы» чистят его с помощью волокуш. А сейчас там одно — снег да снег.

Вряд ли ребята понимали, насколько рискованно дальнейшее путешествие. На первом же повороте

один из джипов унесло в сугроб... Сказались самонадеянность и неопытность.

Характерный для этих мест пейзаж: снег, ночь — и кладбище утонувших в сугробах автомобилей. Так выглядит кривая и очень опасная колея в краю, где нет зимы солнца.

Неожиданно показалась парочка диких оленят. Они даже вызвались «показать» путникам накатанную дорогу. Долгое время бежали впереди джипа-вожака и оглядывались. Выглядело это со стороны несколько забавно. И только через какое-то время водитель осознал, что бедные олени сплунут в пучке света. Днем колея теряла очертания и становилась невидимой, поэтому пробивались по целине с включенными фарами.

Салехард — единственный город в мире, который стоит на Полярном круге. В столице Ямала ребята приняли решение — возвращаться. Связались с МЧС. Узнали, что из Новосибирска идет еще одна группа сумасшедших — таких же любителей острых ощущений. Решили все-таки их дождаться и разбили в тундре базовый лагерь. Благо, перед этим запаслись продуктами на местном рынке, который, как и все вокруг, носит нарядное северное название — «Дары Ямала». Пыжьян, муксун, оленина (170 рублей «за лопатку») — ассортимент салехардского прилавка.

Фото Владимира Павелко (Москва)

*Это она — та самая «Сталинка»,
авантюра прошлого века!*

Ребята потом рассказывали, как некий предприимчивый рыбак «приценивался» к необычным покупателям: «Если с Москвы приехал, то, значит, ты богат».

Неподалеку от лагеря стоял еще один лагерь. Узнав об этом, наши земляки — екатеринбуржцы, люди любознательные, выкроили время и отправились на прогулку по окрестностям. И обнаружили останки печально знаменитой 501-й стройки. Это она — та самая «Сталинка», авантюра прошлого века! Мало что от нее осталось — все растащили на сувениры. Лишь клеймо на рельсе, вросшем в мерзлоту, напоминает тем, кому не сидится дома, о трагических страницах жизни нашего народа...

Драйв, экстрим, трофи, рейд — эти слова пришли ко мне из какой-то параллельной жизни. Читала северный дневник и думала: «Зачем нужны эти марш-броски?» Оказалось, нужны. Люди стремятся проверить себя на прочность. Так было и так будет. В благоустроенной квартире адреналина не пребывает.

...От Салехарда маршрут семерых протянулся на юг — в сторону Ивделя. Правда, до него надо было преодолеть еще полторы тысячи километров. Но ехали увереннее, потому что это все-таки была дорога домой.

Валерий ШУМКОВ,
фото автора

Страна пещер

Увельская подземка

Одна из уникальнейших карстовых территорий Урала — Увельский карстовый район. Во-первых, потому, что это природное образование находится в лесостепной зоне, на равнине; и на его территории (в районе пос. Красногорского) нами зафиксировано более 60 пещер, десятки карстовых сухих логов, в том числе ряд из них — «слепые»; более сотни карстовых воронок, ну и несколько карстовых полей. Причем некоторые пещеры являются четырехъярусными. Я даже предполагаю, что некоторые объекты будут 5-этажными. И это все в местности, где нет ни гор, ни скал, а лишь равнина. Ряд пещер имеют глубину около 27 метров. Самая крупная известна с XVIII века. Это пещера Казачий стан, она же Пугачевская, она же Лисья. Ее длина более 200 метров.

Другая уникальность в том, что в ряде пещер до сих пор проходят карстовые процессы. Через некоторые из них каждую весну после таяния снега и в сильные ливни летом текут ручьи и речушки. То есть процесс движения воды и образования пещеры продолжается по сей день. Судя по нашему обследованию, эти пещеры появились не десятки тысяч, а миллионы лет назад.

В четырех пещерах обнаружены археологические материалы всех исторических эпох, какие только есть на Урале. В двух нам попались следы древних погребений. Они относятся, видимо, к раннему железному веку и

Вход в пещеру Казачий стан. Май 2003 г.

средневековью (погребения до сих пор не вскрыты).

Мы обнаружили некоторые предметы на поверхности, при вскрытии, у входа в погребенную часть пещер. В одной из них мы уже ведем раскопки. Нами обнаружены около 30 бусин, половина из них — стеклянные, с внутренней позолотой, а половина — каменные, из гагата.

В ходе раскопок и вскрытия погребенных частей собраны кости различных животных, а в одной из пещер — кости бизона и шерстистого носорога, то есть представителей плейстоценовой фауны.

В этом районе нам встретился участок долины одной реки, который я назвал «долина сквозных пещер». Здесь, на левом берегу

реки, находятся 3 сквозных пещеры. Одна из них была известна раньше, две обнаружили мы. Очень интересные будут объекты.

В долине той же речки, буквально рядом с этими сквозными пещерами, мне кажется, впервые на Урале, найдена подводная пещера. Надо опуститься на дно реки, и там в воде начинается ход.

Судя по историческим источникам, архивным материалам XVIII, XIX вв. и в ходе исследования объектов, оказывается, что в 4 пещерах жили люди. Вплоть до 30-х годов XX века жили старообрядцы, раскольники. В двух пещерах сохранились даже остатки строительных конструкций — бревна с квадратными от-

(Окончание. Начало в № 3, 4, 11 2005).

Увельский район. Экспедиция в пещеру Сухарышская-Сквозная-2. Май 2003 г.

верстиями... А в пещере Большой Жемеряк сохранился помост для перехода через яму внутри пещеры. Он был сколочен гвоздями квадратного сечения.

В пещере Малый Жемеряк обнаружены 18 фрагментов керамики, составившие один сосуд, и древний топор. И топор и горшок можно отнести к концу XVIII-го — началу XIX века. Интересно, что все эти пещеры, в которых жили старообрядцы, весной заполняются водой и с начала апреля их эксплуатировать для жилья нельзя.

На территории этого района предполагаются три крупные подземные системы. Одна на-

чинается с маленькой пещерки в огромной карстовой воронке диаметром примерно 80 и глубиной 15 метров.

Вторая — в одном из сухих карстовых логов. В нем уже зафиксировано более 50 карстовых воронок (в некоторых из них имеются проходимые поноры) и 4 или 5 пещер. Именно в этом логоу теоретически предполагается подземная система протяженностью более трех километров.

В 2002 году нам удалось открыть там пещеру около 40 метров. Мы назвали ее Копейская, так как работали здесь школьники из города Копейска. Три непроходимых входа мы со-

единили в одну пещеру. В 2003 году вскрыли четвертый вход, вертикальный. И так нам повезло, что буквально через 1,5 часа открылась довольно значительная пещера длиной более 70 метров. Это был сентябрь, а 7 ноября того же года нам удалось соединить эти две пещеры. Одна из них Копейская, а вторую мы назвали Зауральская, так как работали дети из профтехучилища поселка Зауральский. Пещера стала 136-метровой. Копейско-Зауральской. На сегодняшний день она имеет 15 ходов-продолжений, закрытых грунтом.

Верхний, почти метровый слой грунта — рыхлый. Его можно лопатой складывать и выносить. Это суспесь, земля, снесенная с полей. Своды в пещере строго арочные, безопасные, и поэтому можно работать, привлекая даже школьников, студентов. И ежегодно, до бесконечности, удлинять, как в сказке. Считаю, что наша экспедиция первой на Урале стала этим заниматься. Именно вскрытием погребенных объектов, частей пещер.

Сразу при разборке ходов нам попали и кости человека (значит, будет погребение), и предметы раннего железного века (пряжка). Ну, и конечно, кости разных млекопитающих, в том числе попали кости от 4 бурых медведей, особей, погибших во время зимней спячки. Это говорит о том, что, по всей видимости, в ближайшие к нам тысячи лет (до 5 тыс. лет назад) бурых медведей водилось в лесостепной зоне очень много. Значит, район был насыщен дичью, животным миром.

В третьей точке я рассчитал теоретически, что сквозная пещера будет иметь вход и выход в карстовых воронках и расстояние между ними будет метров 500—600. Начал вскрытие в одной из воронок. И нам повезло: мы обнаружили фрагменты древней орнаментированной керамики, относящейся к меднокаменному веку и к неолиту, к новому каменному веку. То есть этой керамике от 5 до 7 тысяч лет. Воронка находится на плато, на расстоянии

Вход в пещеру Копейско-Зауральская. Справа В.И. Юрин

от реки Увельки более 2 километров. В таких местах археологи могли бы только искать курганы. Ни один археолог никогда не стал бы копать какую-то древнюю закрытую воронку в виде блюдечка.

Стараясь доказать, что мое чтение подземных систем плодотворно, я начал вскрытие, невзирая на трудности, тем более, что экспедиция не финансируемая; помогают мне только энтузиасты.

И вот, как говорится, кто работает, к тому и удача идет: попалась керамика, каменные предметы и кости; таких никто не находил в карстовой воронке, далеко от реки, на плато. Аналогов нет.

Я понял, что древние люди видели падение воды, исчезновение ее в черной дыре. Видели, но объяснить не могли, как это — вода исчезает, не добежав до реки или озера... А там, где древнему человеку было непонятно, — всегда возникал культ, какой-то обряд, поклонение и так далее. В данном случае, я считаю, тут был обряд поклонения подземному богу, люди молились и просили его, чтобы он не забирал воду у живого мира, так как район и так карстовый, сухой.

Мы будем продолжать работы, чтобы выйти на вертикальный колодец и не только открыть большую подземную систему (возможно, она также будет забыта, как и Копейско-Зауральская пещера), но и постараться начать раскопки на глубине пещеры, внизу, под колодцем.

Реконструкция физического облика южноуральца неолитического периода, выполненная по его черепу советским палеоантропологом проф. М. М. Герасимовым. Из погребения на территории поселения бронзового века Давлеканово (Башкортостан).

БАКУНИНА Екатерина Михайловна (1812 — 1894), авт. воспоминаний.

Сестра милосердия, затем сестра-настоятельница Крестовоздвиженской общины в СПб. (1885). Дочь спб. губернатора, позже - сенатора. Ее мать - племянница Кутузова-Смоленского. Будучи 65 лет от роду, руководила отрядами Красного Креста на Кавказе. Была сестрой милосердия и в русско-турецкую войну 1877-78 гг. В «Сборнике военных рассказов, составленных офицерами - участниками войны 1877-78» Т. 2. СПб., 1879 напеч. ее «Год на Кавказе при военно-временных госпиталях: Отрывки из писем старшей сестры милосердия Красного Креста». Перед смертью работала в сельской больнице, ею же и организованной. Авт. «Воспоминаний сестры милосердия» (1854-1860) — «Вестн. Европы», 1898. № 3-6; «Кони-Айланд». — «Рус. бог-во» 1912. № 1.

ИДРДВ. Т. 2. Ч. 1. № 1792; Венгеров, Слов.; Масанов; Языков. 14; Смирнов-Сокольский.

БАКУНИНА Елизавета Александровна, автор воспоминаний.

Жена земского деят. А.А.Бакунина. «Эпизод из жизни Л.Н.Толстого». — «Гол. мин.», 1916. № 11. С.201-203.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 352.

БАКУНИНА Парв. Ивановна

Авт. ст. «Двадцатый год в записках П.П.Бакунина». — «Рус. Стар.» 1885. № 1.

Венгеров. Сп.

БАКУНИНА Прасковья Михайловна (1810 — 1880 ?), поэтесса, прозаик.

Дочь мемуаристки В.И.Бакуниной (см), двоюрод. сестра рев., философа и публ. М.А.Бакунина, сестра Е.М.Бакуниной (см), сестры милосердия. Сотр. в «Москвитянин», «Маяке», «Рауте», «Домашней беседе», «Семейных вечерах», «Литературном вечере», «Сборнике в пользу бедных семейств басманного отделения на 1849 год». Поэзия Б. проникнута религ. чувством и не выходит из круга устоявшихся образов и средств. Мало того, Б. отказывает «женской» поэзии в праве на самостоятельность. Любопытны ее поэтич. обработки ранне-христианских легенд («Иулиания Никомедийская»). Б. написано либретто оперы А.Н.Серова «Майская ночь» (по пов. Н.В.Гоголя). Ею написаны «Воспоминания о священно-архимандрите Макарии, основателе Алтайской миссии». Из прозы опубли. эпизод из незавер. ром. «Одна из женщин XIX века» и «Село Турбай» — романтиз. версия малороссийского предания. Б. завещал свои труды и лит. архив писателю и театру. деятель А.А.Шаховской.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Смирнов-Сокольский.

БАК-ШИПОВНИКОВА

Издана сб. стихотв. (СПб., 1904).

Венгеров.

БАКШЕЕВА Анна Васильевна, авт. воспоминаний.

Дочь живописца В.Н.Бакшеева. «Художник и человек: (Воспоминания об отце)». — «Художник», 1968. № 6. С. 18-20, 56, ил.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6648.

БАЛАБАН Нина

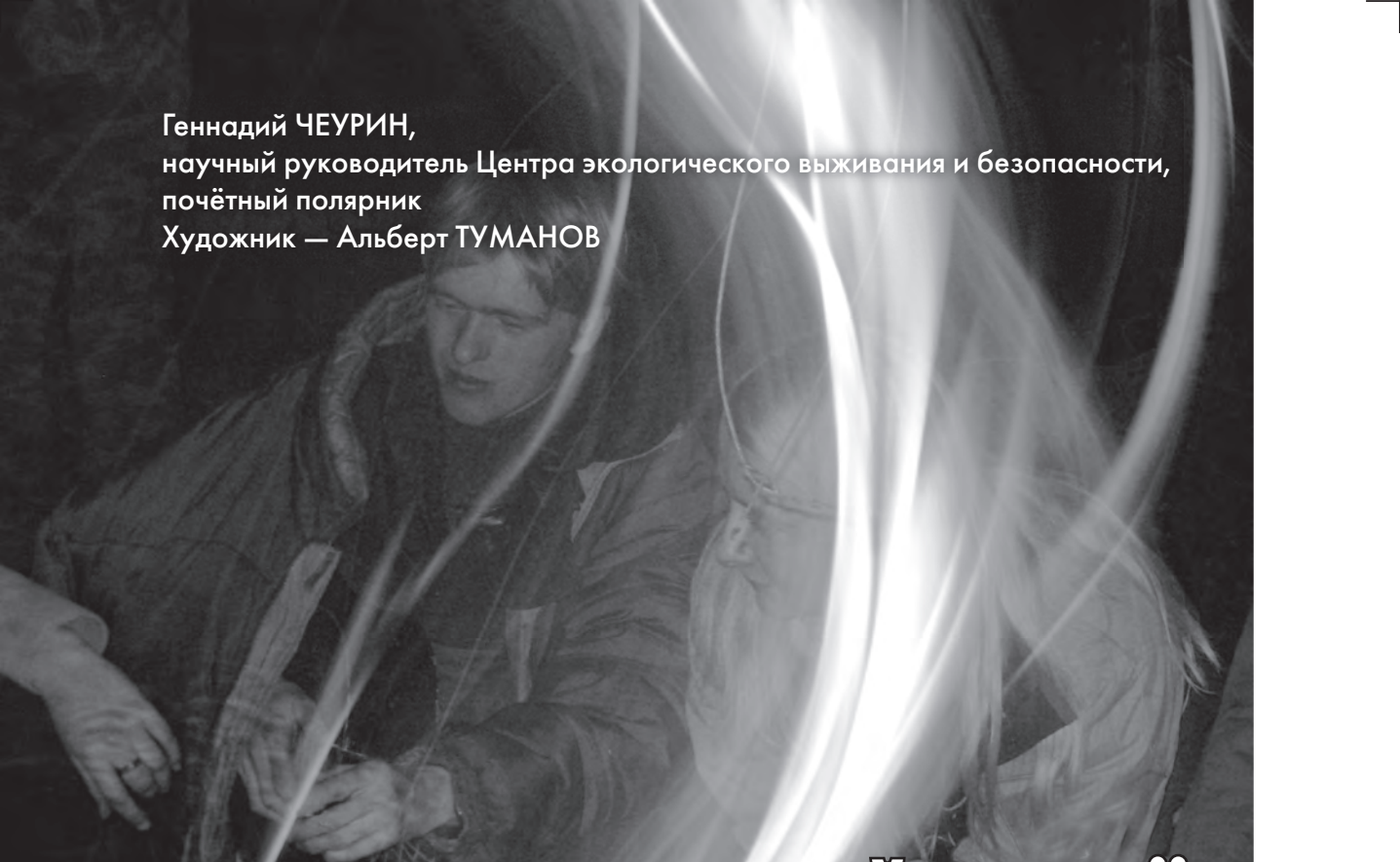
Авт. кн. «Плен земли». Нью-Йорк, 1936.

Алексеев А.Д.

БАЛАВИНСКАЯ А.

(См. Альбова, А.)

(Продолжение на стр. 75)

Геннадий ЧЕУРИН,
научный руководитель Центра экологического выживания и безопасности,
почётный полярник
Художник — Альберт ТУМАНОВ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ КОСТЁР В УСЛОВИЯХ ЗИМНЕГО ЛЕСА

Советы специалиста

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

После обустройства укрытия с малым костром¹ следует устраиваться на ночь. Да и днём не мешает обсушиться. В общем, нужен костёр, «работающий» несколько часов почти без присмотра. «Кормить» костёр хворостом всю ночь весьма утомительно. Вдобавок заготовка достаточного количества топлива на всю длинную зимнюю ночь, — проблема непрерывной работы. Когда же отдыхать?

В северных культурах знаменита финская нодья во всех своих модификациях. В литературе она описана достаточно подробно: из двух-трёх бревен (иногда и из большего количества) сооружается пирамидка, которая при правильном исполнении горит как минимум три-четыре часа практически без присмотра. Возле такого костра можно спокойно выспаться.

Главная проблема — требуются несколько брёвен толщиной не менее 20–30 см. При наличии топора вы всеильны! Но в экстремальной ситуации он отсутствует по определению. Более того, для неподготовленного городского жителя, не владеющего в совершенстве топором, последний представляет самостоятельную опасность. Особенно для детей.

Итак, топор «в отпуске»! Что же делать?

В многочисленных пособиях приводится целый

набор способов для подобных ситуаций. Но для длительных костров типа «нодья» большинство из них сводится к рекомендациям использовать толстые сухие бревна. Сразу напомним: пролежавшее на земле хотя бы 10–20 дней дерево (валежник) — уже безнадежно сырое, его можно применять только как вспомогательный материал. Исключением может служить костер типа «шалаш», в котором при хорошем пламени горит даже гнилая замёрзшая берёза. Однако при отсутствии топора и пилы валежник остаётся единственным вариантом. Разумеется, абсурдно сидеть в тайге под толстым сухим деревом и довольствоваться всю ночь сырым и мерзлым валежником. Поваленное же сухое дерево решает практически все вопросы. Но как его повалить?

Способов масса, но большинство из них требуют значительных усилий, а некоторые настолько опасны при выполнении, что мы бы не рекомендовали их рассматривать вообще.

Самый простой приём: навалиться телом. Сила силу ломит! Но это годится для дерева толщиной не более 5–10 см, как мы уже делали при устройстве укрытия.

Можно сухое дерево раскатать, и рано или поздно оно упадет. Но раньше может отвалиться вершина, и... успеете ли вы отскочить? Тем более в

¹ «У.С.» № 7, 12. 2005 г.

глубоком снегу? В одной из книг указано, что можно залезть на дерево, движениями собственного тела раскачать его и повалить. Но... тот, кто видел хотя бы один раз короткие сучья-«кинжалы» на стволе, здраво усомнится в таком способе.

Пережигание ствола стоящего дерева — практически не реально. Низ ствола слишком сырой. В материалах С.А. Семеновской и Г.Ф. Коробковой указывается, что это можно сделать исключительно на высоте не менее метра. Только вообразите костер такой конструкции!

Скалолазы и альпинисты не будут задумываться ни минуты. Основная веревка, заброшенная на вершину, хороший рывок, — и дерево у ваших ног!

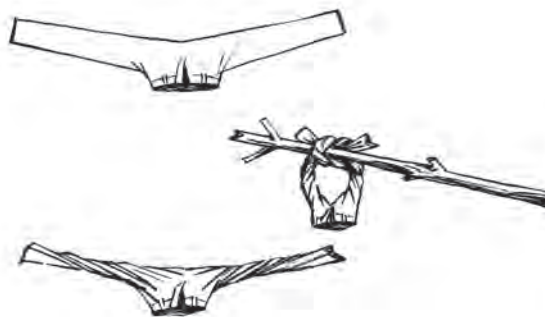
Для прошедших подготовку в восточных монастырях наши советы, возможно, вовсе ни к чему. Некоторые из них могут согревать себя и без костра. Владеющий приемами каратэ наверняка посчитает, что для подобной работы топор ему вообще без надобности.

А вот обычному человеку можем посоветовать следующее. Наипростейший способ — эквивалент альпинистского способа: жердь-«удочка», изготовленная из длинного тонкого шеста, на конец которого привязана петля из подручного материала. Зацепив «удочку» за сучок, можно небольшими покачиваниями ввести сухое дерево в резонанс и... оно ваше! Однако не забудьте: хрупкий сучок может обломиться. Чтобы этого избежать, вспомните, как действуют моряки при швартовке морского судна: канат просто загибается вокруг причальной тумбы (кнехта). И причальный матрос одной рукой его удерживает. Поэтому и вы зацепляйте свою «удочку» с охватом ствола, — надёжность исполнения приёма увеличивается многократно.

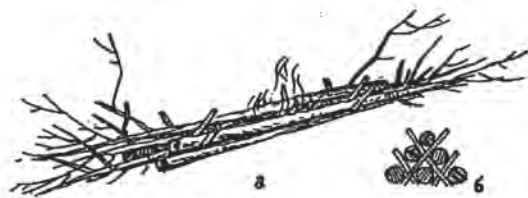

Из личного опыта: если нет даже куска веревки, поясные ремни и шарфы не применяйте. Не хватает прочности. Лучший вариант — снятые брюки!

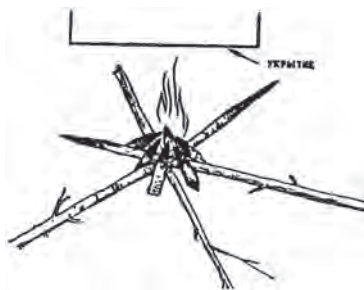
Конечно, далеко не каждое дерево можно так повалить. Критерий выбора, — постарайтесь облюбованную «сухару» слегка покачать руками. Если есть раскачивание — валить можно. Дерево пригодно специально для вас! Если нет, спокойно идите дальше. Таким образом, можно найти сухое дерево даже в кромешной темноте. Живое дерево никогда не раскачивается.

Предлагаем еще один вариант костра «нодья» из шести бревен. После разжигания малого костра и получения горячих углей брёвна укладываются вершинами «вразбежку» (рис. а), чтобы огонь не распространялся на всю длину бревен сразу. Костер типа «нодья» из промерзших бревен горит лучше при наличии вначале небольших (0,5–1 см) зазоров между ними, что достигается с помощью палочек-прокладок (рис. б). Если из шести брёвен есть хотя бы одно-два сравнительно сухих, это уже гарантирует успех.

Неплохой результат даёт своеобразный гибрид костров типа «звезда» и «шалаш», называемый также «ленивым», так как можно обойтись без рубки дров. Длинные валежины — слепы — укладываются крест-накрест в количестве 3–8 штук веером перед укрытием. Концы длиной 0,6–1,0 м выставляют по другую сторону костра. По мере сгорания нижние валежины укладывают сверху по тому же принципу. Отвалившиеся концы используют для «шалаша», обеспечивающего ровный, устойчивый жар в точке пересечения валежин. Устойчивость горения повышается, если валежины одинаковой толщины укладывать парами рядом друг с другом с небольшими зазорами. Такой костер можно развести и устойчиво поддерживать даже из исключительно одних сырых валежин.

Также много проблем возникает при попытках просто переломить сравнительно толстую сухую палку. Для женских рук, к примеру, уже 3-4 сантиметровые толщины — это испытание. Но это обычным способом, «через колено», или ударом ноги. М.А. Головачев напоминает об известном способе заклинивания сухого ствола между деревьями и силового воздействия на «дальний» конец. Однако этот способ — для достаточно длинных жердей. Короткую же, толстую палку можно переломить, ударив ею о дерево либо уронив бревно на камень, как это советуется А.А. Ильичев.

Но обычно это редко приводит к успеху. Более того, если сушину вы держите в руках, можно ощутить резкую, саднящую, долго не проходящую боль.

Выход прост: прежде чем наносить удар, необходимо найти у сухого полена центр тяжести. И именно этим местом нанести удар. Сушина в этом случае сама себя ломает.

На практике даже двенадцатилетние девочки таким образом без топора и пилы обеспечивают костёр дровами.

Сколько бы советов мы вам ни предложили, опытный «хожалый» человек всегда усмехнется: всего не предусмотреть. И ваша личная экстремальная ситуация будет тоже уникальна. Выручит вас в первую очередь не заранее подготовленное снаряжение (как это принято на Западе), не знание (восточный принцип), а личная смекалка! Сработает она или нет, в этом тоже есть закономерность. Наш многолетний опыт позволяет сделать следующий вывод: лучше всего способность придумывать новое проявляется у людей добрых, замечающих красоту окружающего мира и способных эту красоту приумножить. Или как минимум — не допускать разрушения.

Запомните: спасающий товарища будет спасен и сам! Думающий о согревании друга — никогда не замерзнет! Отдавший всего себя страдающему товарищу — будет иметь всё.

Удачи вам этой зимой! Любите лес, и он вас не оставит! А мы всегда готовы прийти вам на помощь!

И желаем, чтобы наши советы вам вообще не понадобились!

Параллель

Нина

Нина, счастливая, закрыла входную дверь. Ей казалось, что она попала в сказку про Золушку. Она, бедная деревенская девушка, встретила настоящего принца. Осторожно сняв «супермодные» сапожки китайского производства, она на цыпочках подошла к вешалке. Повесила куртку, также купленную в китайских рядах, она подмигнула себе в зеркало и уже собралась прошмыгнуть на кухню, как её остановил сонный старческий голос:

— Ты откуда так поздно? Поди, уже полночь?... Ах ты ж, батюшки, третий час ночи... — Из комнаты в фланелевой ночной сорочке и в белых вязаных шерстяных носках вышла старая женщина. На вид ей было не больше 60, но на самом деле недавно она отметила 75-летний юбилей. Всячески, как могла, она скрывала и свой возраст, и увеличивающееся день ото дня недомогание. Серые волосы выкрашены в пепельный цвет. В руках женщины был стакан с прозрачной жидкостью и темный бутылек с валерьянкой. — Ты же смотри, Нина, не ходи по ночам, опасно это. Вот на днях соседка сказала, что слышала в очереди, что маньяк появился в соседнем доме.

— Тетя Паша, ну не надо про маньяков. — Нина подошла к тётё Паше, обняла её за шею и поцеловала в старую, морщинистую щеку. — Я такая счастливая!!! Я хочу спать. — Нина в очередной раз чмокнула тётю в щеку и пошла спать...

6 утра. Весна. За окном на яркосинем горизонте светит золотистое солнце. Репетирует свои песни птичий хор. Воздух легкой прохладой вместе с ветерком вливает в комнату. Нина тихо-тихо, чтобы не разбудить старушку, на цыпочках идет на кухню. Поставив на плиту ковш с термобигудями, она с ногами забирается на стул, закрывает глаза. У неё есть пять минут, чтобы вспомнить вчерашний вечер. Всего пять минут... Вода заливает газ...

На Нину из зеркала смотрит юное, конопатое, милое личико: большие зеленые глаза в тумане черных от туши ресниц, алые губы растянулись в улыбке. Нина расчесала блестящие золотисто-русые кудри. Она провела рукой по строгому пиджаку, мягко облегающему её стройную фигуру.

— Хороша, хороша... — вздохнула тётя Паша, закрывая за Ниной дверь.

Нина — внучатая племянница тётё Паши. Её жизнь не сложилась. Раннее замужество так и не принесло домашнего семейного счастья. Муж был геологом, весёлым балагуром. Но однажды он пришел домой. Сказал: «Прости», взял вещи и ушёл из дома, ничего не объяснив. Павлина, так тогда звали тётю Пашу, решила, что он ушел к любовнице. Но спустя много лет от случайных знакомых она узнала, что он ушел, чтобы Павлина могла создать нормальную семью, он был безнадежно бездетным. Не знал он тогда, что был единственной её любовью. Как ни пыталась, она так и не смогла его забыть. Незаметно подкралась старость.

Её родная сестра Муза была весёлой и беспечной. Вроде в их семье она была избранницей богов, и красивая, и удачливая. Их мать, Мария Ивановна, мечтая о счастье для своих дочерей, думала, что красивые и звучные имена будут прямой дорогой к нему. Павлина выросла гордой и надменной, как птица, в честь которой была названа. Муза же, наоборот, была мягкой и податливой. Она и детей своих воспитывала не строго, баловала и любила. Жизнь Музы была счастливой. Но вот несколько лет назад она умерла. Старший сын Музы Ярослав работал программистом по контракту в Германии. Дочь Жанна вышла замуж, но неудачно. Муж Жанны, некогда красивый солдат, после демобилизации увез Жанну к себе в село. Там у них родилось четверо детей. Нина была старшая. Жили не богато, но и не бедствовали. Нагрянули «веселые времена», колхоз обнищал, а вместе с ним и колхозники. Кто-то в город подался, а те, кто остались, стали спиваться. Вот и муж Жанны всё чаще и чаще стал прикладываться к «бутылочке». Он и раньше был непрочь выпить, а тут и совсем. Жанна, как могла, крутилась, но тяжелая сельская жизнь сделала из хрупкой и красивой девушки сгорбленную старушку. Не желая Нине такой судьбы, мать отправила её в город к тётке.

Тётя Паша вроде поначалу и рада была племяннице, а потом стала уставать просто от присутствия девушки. Жить вдвоём в служебной квартире площадью 18 квадратов, если ты всю жизнь прожил один, тяжело. А тут ещё недуги стали о себе давать знать. Не любила Тётя Паша показывать, что ей тяжело. Но девать Нину было некуда, где Ярослав, не знала ни тётя Паша, ни Жанна. После скоротечного замужества Жанны Ярослав приезжал несколько раз к ней в деревню, уговаривал уехать с дочкой в город от мужа, говоря: «Ну, зачем тебе пьяница и дебошир». Но Жанна, накладывая примочки на синяки после очередного пьяного дебоша мужа, отказывалась, жалела его. Когда же Жанна родила вторую девочку, Ярослав возмущался: «И так жить не на что, всё пропивает, а ты ещё рожашь...» Жанна говорила, что муж обещал бросить пить, когда она родит ему сына. Сын родился четвёртым. Муж две недели не пил, а потом пустился во все тяжкие. Но этого Ярослав уже не знал. После рождения третьей девочки он порвал всякие отношения с сестрой, правда, предлагая взять на воспитание Нину: «Ну не по силам вам столько детей тянуть. Она ровесница моей Ксюхе, вот и пусть растут вместе». Но Жанна не отдала дочь, первую помощницу по дому, а потом горько пожалела, да было поздно.

Когда мать умерла, Ярослав приехал проститься, собрал все свои письма и уехал обратно, не оставив адреса. Жанна же на похороны приехать не смогла, не было денег на автобус. Ярослав этого не знал и очень обиделся на сестру, решив, что та спилась вместе со своим мужем. Оставив тёте Паше кое-какие сбережения, он уехал. Тётя Паша выглядела очень хорошо и в помощи не нуждалась. Про Нину тогда никто не вспомнил. Нина оформляться стала очень рано, и в этом хрупком создании чувствовалась бу-

дущая грациозная женщина. Это тётя Паша поняла сразу, как только увидела племянницу на пороге своей квартиры. После окончания 9 классов Нина приехала поступать в медицинское училище. Общежития училище не предоставляло, вот и пришлось ей жить у тёти Паши. Тёте Паше Нина нравилась, тихая и скромная, не то что современные «размалеванные» девицы, прошедшие к 13 годам и Крым и Рим». Нина была очень стеснительной и молчаливой. Но вот, что она будет красива и очень, тётя Паша разглядывала. Сама же Нина ещё этого не видела.

Когда Нина впервые встретилась со своей группой, она очень волновалась. Но, как оказалось, зря. С девочками она сошлась очень быстро, легкая в общении, она старалась никого не обидеть, но и себя в обиду не давала. Преподаватели её тоже полюбили, усердная, старательная девочка училась с увлечением, схватывала всё на лету.

На дискотеки и вечера Нина не ходила. Она стеснялась своей бедности. Нина была очень неуверенная в себе. Но в тот вечер подружкам удалось вывести Нину «в люди». Да и тётя Паша им в этом помогла. Она, прожив свою жизнь в одиночестве, прекрасно понимала, что этой девочке надо найти надёжную вторую половину. «Вот умру,— думала тётя Паша,— что станет с ней, где жить будет? На что жить будет?»

Итак, тот самый день наступил...

Игорь

Нина вышла из подъезда. Вернее, вылетела. Её душа пела, на сердце было светло и радостно. Вдруг Нина услышала знакомую мелодию «калинки-малинки». Вчера весь вечер Игорь её развлекал музыкальным клаксоном. Нина обернулась. На автостоянке стоял тёмно-синий «Опель». Нина остановилась. Машина бесшумно подъехала. Игорь распахнул дверцу. Нина улыбнулась и села в машину.

— На занятия?— спросил Игорь.

Наташа и Светла остановились, ожидая, когда Нина подойдет к ним. В большой перерыв они пошли в столовую.

— Нина, ты с ним поосторожней. Он из богатой избалованной семьи,— предостерегла Наташа.

— Ну и что, я же не влюбилась,— солгала сама себе Нина.

Она влюбилась, впервые в жизни влюбилась. Она бросилась в свои чувства, как в омут головой. Ей не верилось, что она встретила своё счастье, свою любовь. Но это была именно любовь. Она шла и декламировала сама себе Рюмина:

Так никто не любил!

*Раз лишь в тысячу лет мир такая любовь посещает.
И тогда на земле зажигается свет,
тот, что людям весну обещает!!!*

Снова и снова она вспоминала их первую встречу.

Итак, тот самый день. Она так не хотела идти на дискотеку, поэтому очень долго на неё собиралась,

тщательно подбирая гардероб, накладывая косметику и убирая волосы. Наконец, удовлетворившись своим внешним видом, была готова. Был бал, посвященный приходу весны. Нина с подружками зашли в зал именно в тот момент, когда был объявлен медленный танец. Таинственный полумрак окутывал пары. Нина робко встала около двери, когда увидела приближающуюся фигуру юноши. Он был хорош: спортивного телосложения, одет со вкусом. Неожиданно для Нины юноша пригласил её на танец. Она густо покраснела и согласилась. Во время танца Нина тайком разглядывала своего партнёра. Светлые волнистые волосы уложены в модную причёску. Голубые глаза спрятаны за дымкой длинных, как у девочки, ресниц. От него исходил пьянящий запах какого-то одеколона. Весь вечер юноша танцевал с Ниной. Он ни о чём не спрашивал, ничего не говорил. Лишь перед окончанием вечера он сказал, что проводит её. Но Нина незаметно выскользнула из зала и убежала домой одна. Ей стало страшно. Чего она испугалась, Нина не знала. Может, инстинкт самосохранения заговорил в тот момент, а может, ангел-хранитель утащил её за руку.

Через несколько дней, когда Нина выходила из училища, к ней неожиданно подошёл этот юноша.

— Ну что, Золушка, я с трудом тебя нашёл. Даже туфельки не оставила. Так нечестно. — Юноша протянул Нине алую розу. — Поедем, покатаемся. Я на машине, — юноша показал на знакомый уже нам «Опель».

Нина смущённо опустила голову и густо покраснела. Все эти дни она думала об этом юноше и мечтала, что он её найдёт. «И всё-таки мечты сбываются!!!» — счастливо подумала Нина, и дальше она уже смело стала мечтать о будущем.

Игорю, так звали этого юношу, нравилась эта скромная девушка. Она так была не похожа на его знакомых подруг. Но у него не было никаких планов на будущее. Выросший в богатой обстановке, он был баловнем. Женский пол был его слабостью. Нина для него была как НЛО. Встречаясь с ней, он встречался ещё с дюжиной девушек. Но с ними, подружив, разбежался через несколько недель. Нина же оставалась.

Месяц безоблачного счастья. Игорь дарил цветы, водил в небольшие кафе, катал на машине. Нина, начитавшись романов, ждала естественного продолжения, когда он ей сделает предложение. Но в его голове даже мысли такой не было. Дни шли за днями, а Нина так и оставалась недоступной. Постепенно Игорь стал переходить в наступление:

— Золушка, я тебя люблю. Тебе хорошо со мной?

— О чём ты, мой принц? Ты моё счастье.

— Золушка, я несчастен. — Они сидели в чужой квартире. Игорь взял ключи от квартиры у знакомых уже давно. Он иногда привозил сюда Нину, открывал бутылку вина, включал нежную музыку, но... Нина принимала знаки внимания, не давая ему то, что он так долго ждал.

— Почему? — Нина склонилась над Игорем. Она тонкими пальчиками перебирала волны чуба.

— Ты не любишь меня. — Игорь решил играть ва-банк. Он собиралась имитировать разрыв, чтобы добиться своего.

— Я люблю тебя.

— Я хочу тебя, — Игорь стал её целовать, увлекая девушку за собой на диван.

— Нет, Игорь, прости, нет. Не положено, — Нина обняла Игоря за шею. — Я люблю тебя, но до... до свадьбы нельзя.

— Тебе нужен штамп в паспорте? — Игорь сел, отвел от

себя руки Нины. — Неужели любовь — это злополучный штамп? Хорошо, если ты хочешь, я могу его поставить, но перестану тебя любить. Штамп — это пережитки...

В этот вечер Нина впервые почувствовала горечь разлуки. Игорь, как истинный джентльмен, довёз Нину до подъезда, но не вышел из машины, не поцеловал на прощание, а просто сказал:

— Прости, как-нибудь навещу. — И уехал.

Нина долго смотрела вслед удаляющейся машине. Она не замечала холодного дождя, который смешивался со слезами. Домой идти не хотелось, но больше было некуда идти. Нина села на лестницу: «Надо взять себя в руки. Это первая любовь. Я потом буду вспоминать и смеяться, потом, а сейчас...» Слезы катились и катились. Горе казалось безграничным. Она не услышала, как открылась дверь. Она очнулась лишь тогда, когда теплая шаль опустилась на плечи.

— Пойдём, а то простынешь. Потом расскажешь, что случилось, — тётя Паша приобняла племянницу. Она понимала, что в этом возрасте любое неприятное событие воспринимается как горе.

День шёл за днём. Нине казалось, что

прошла вечность, хотя прошло всего 5 дней, когда однажды она увидела Игоря. Она остановилась посреди дороги, не видя, что на неё несётся машина. Визг тормозов...

— С ума сошла...— водитель машины успел затормозить. Эта короткая фраза сопровождалась длинной тирадой «народного» языка.

Игорь посадил Нину к себе в машину. Она, казалось, была как робот. Весь день он её провозил с собой. Лишь вечером он вместе с ней приехал на смотровую площадку.

— Игорь, я не...— Нина расплакалась.

Игорь поцеловал Нину. Он понял, что Нина скоро станет «его».

Первая радость

Лето уносило Нину в безумстве любви и переполнявшего счастья. Девушке казалось, что рядом с ней живут только счастливые люди. Говорят, что счастливые люди становятся эгоистами.

— Я пошла, — Нина попыталась открыть дверь машины.

— Иди, — Игорь взял её за руку. — Иди, никто тебя не держит.

— Ой, смотри, к кому-то «Скорая» приехала, — показала Нина на подъехавшую машину «Скорой помощи», и потёрлась щекой о руку Игоря. — Мне пора, Игорь.

— Иди, иди, а я здесь один буду сидеть и есть шоколадку, — Игорь из бардачка достал шоколад.

Игорь и Нина не спеша смаковали сладкие квадратики. В это время люди в голубых халатах кого-то выносили на носилках из подъезда. Нина вдруг замерла:

— Это же... — Нина выскочила из машины: — Тётя Паша, тётя Паша.

— Девушка, вы кто? — врач «Скорой помощи» остановил Нину.

— Это моя внучка...— ослабевшим голосом проговорила тётя Паша.— Ниночка... еда... в... холодильник... Цветы... поливай... Не скучай... я... скоро... выпишу... вот... только... передохну...

— Что же вы, внучка, за бабушкой-то не смотрите. Уже неделю как её надо было в больницу отправить. Дотянули. Навестить придёте вот в эту больницу.— Врач дал Нине какую-то бумажку. — Нужны будут эти лекарства и шприцы. Завтра принесёте.

Нина и Игорь зашли в квартиру. Впервые Нина пригласила своего возлюбленного. В квартире было чисто и аккуратно, только в воздухе стоял запах лекарств.

— Ну, всё, я пошёл. — Игорь поцеловал Нину в щёку.

— Не уходи, пожалуйста, мне страшно. Я никогда не была одна. — Нина по-детски прижалась к Игорю.

Нина проснулась на руке Игоря. Он уже не спал. Своего он добился. У него на душе была пустота. Ему казалось, что быть первым — это необыкновенное

чувство. Но оказалось, что необыкновенное — это когда у тебя всё впервые. Нина робко взглянула на Игоря:

— Что-то случилось?— спросила она, глядя на его задумчивое лицо.

— Нет, всё нормально. Ты меня проводишь? — он улыбнулся и поцеловал её в висок.

— Ты уходишь? Уже? — Нина думала, что они проведут этот день вдвоём, ведь для неё начиналась новая, по-настоящему взрослая жизнь.

— Да, меня дома потеряют. Я заеду сегодня, — сказал Игорь, одеваясь.

— Ты не свозишь меня в больницу к тёте Паше? — спросила Нина, вылезая из-под одеяла.

Игорь взглянул на свою подругу. «А она действительно очень даже ничего. Учить её многому придётся, зато я здесь главный, да и не заразишься ничем. Нет, всё-таки хорошо, что ты первый», — он улыбнулся и подошёл к Нине:

— Тебе хорошо было?

— Очень, только немножечко больно.— Нина крепко-крепко обняла Игоря. Ей не хотелось его отпускать, но она через «не хочу» заставила себя это сделать.

— Я подъеду часа в 4, и мы поедem в больницу. Хорошо? — Игорь ещё раз поцеловал Нину и вышел за дверь.

Нина подошла к зеркалу. Её так и распирало от счастья. Она, как маленькая, стала строить себе рожицы.

Время летело незаметно. Нина была счастлива с Игорем, только она не могла понять, почему до сих пор он не сделал ей предложения и не познакомил с родными. Для неё это казалось так естественно.

— Нина, я уезжаю сегодня, — Игорь почти каждую ночь ночевал у Нины. Тётя Паша всё ещё лежала в больнице. У неё был инсульт. Врачи уже не опасались за её жизнь, но её могло парализовать.

— Как? — два изумруда наполнились слезами. — Куда?

— Ну вот, ещё истерики не хватает, — Игорь сел на край кровати, закурил. «Мне ещё сцен прощания не хватает...» — подумал он про себя.

— Нет, истерики не будет. Просто это так неожиданно. Как же я одна буду? — Две слезинки побежали по щекам.

— Всего на пару месяцев, на практику. Я вернусь, и мы снова будем вместе. Я с собой твою фотографию беру, — Игорь старался говорить как можно убедительнее.

— Вместе навсегда? — Нина положила голову на плечо Игорю.

— Нина, как можно говорить, навсегда или нет. А если я завтра умру?

— Нет, Игорь, не говори так, тогда я тоже умру, — Нина тяжело вздохнула.

«Совсем ещё ребёнок», — улыбнулся Игорь. Только в обществе с Ниной он ощущал себя значимым. Несмотря на свои 20 лет, он был опекаем своими родителями. Его устроили в институт, сде-

лали отсрочку от армии. Дома с него сдували пылинки. Когда Игорь перестал дома ночевать, мама его забеспокоилась: «Ты смотри, не женись пока. Нагуляйся. Рано тебе ещё семью заводить», — закудахтала она. «Ну что ты, мама, я и не собираюсь», — пообещал он. «А кто твоя девушка, из какой семьи?» — продолжала мама лезть в личную жизнь сына. «Она, по-моему, сирота. Живёт с тётёй. Учится в медучилище...» — «В медучилище? Они там все гулящие. Вот таких. как ты, лопухов ищут, окрутят да и женят. Не пара она тебе, не для этого мы тебя вырастили». Так и рос Игорь с мыслью, что кто-то его действительно хочет окрутить.

— О чём ты опять задумался? Я могу тебя проводить? Ты на поезде поедешь или на самолёте полетишь? — Нина стояла перед зеркалом. Солнечный свет каким-то неземным ореолом окружал девушку.

— Не надо. Ты будешь плакать, я тоже, — Игорь подошёл к Нине сзади, обнял и втянул в себя запах её волос. Ему не хотелось, чтобы мама и Нина встречались. Они бы друг друга не поняли. — Я буду по тебе скучать. Верь мне. — В этот момент Игорь сам искренне верил в то, что говорил...

Нина, нарядная, стояла на торжественной линейке в училище. Она с любопытством рассматривала стоящих напротив первокурсников. «Вот и мы когда-то были такими же юными и смешными», — подумала она. Солнце палило по-летнему. Нина не заметила, как темнота стала обступать её...

— Ну и как ты? — услышала она голос медсестры Валечки.

— Уже хорошо. — Нина улыбнулась и села на кушетку. Во рту было сухо. Из зеркала на противоположной стене на неё смотрело какое-то зеленоватое-белое лицо. Постепенно румянец стал приливать к щекам. — Я никогда не теряла сознание.

— Вот тебе направление. Сходишь в поликлинику. Иди прямо сейчас. Я позвонила, там тебя уже ждут. Если будет народ, скажешь, что по записи.

— Спасибо. Валечка, а ты думаешь, что это серьезно? Я думаю, что просто голову напекло.

Участковый терапевт, осмотрев Нину, направил её по врачам на обследование. Вскоре обморок объяснился очень просто.

— Ну-с, милочка, у вас 5 недель... — Врач-гинеколог сквозь очки посмотрела на побледневшую Нину.

— Этого не может быть, — прошептала Нина.

— С мужчиной живешь?

— Сейчас нет.

— Ну, прям святая Мария какая-то. Жила? — врач была цинична, как все гинекологи.

— Жила.

— Замужем?

— Нет пока.

Врач задавала ещё какие-то вопросы, Нина чисто механически отвечала на них. Она не знала, плакать ей или радоваться.

— Что делать-то? — Нина беспомощно посмотрела на врача.

Врач, предчувствуя, что сейчас девушка может потерять сознание, взяла стакан с водой, накапала туда какой-то

жидкости и подала Нине. Подождав, пока Нина выпьет, спокойно ответила:

— Если нужно дитя, значит, рожать, если не нужно — значит, аборт делать. Но первый аборт не советую. А вообще, предохраняться надо. Вас в школе этому учили?

— Я не школьница, я в училище учусь. — Нина покраснела. Она ведь действительно ни разу не вспомнила, что надо предохраняться.

— В каком?

— В медицинском.

— Ну, тогда вы там сами все умные. Только очень прошу, девочка моя, — врач сменила ироничный тон, видя, что перед ней сидит совсем ещё наивный ребёнок, — без самодеятельности. А вообще, у тебя всё хорошо. И ребёночку там хорошо, и с тобой всё в порядке.

— Ребёночку? — Нина удивлённо посмотрела на врача. Для неё ребёнок — это маленькое живое существо, но никак не эмбрион, которого она даже пока не ощущала.

— А ты думала, кого? Не обезьянку же ты носишь в животе?

— Обезьянку... — Вдруг Нина засмеялась чистым добрым смехом. — Спасибо. До свидания. Значит, у меня будет малыш. Это же здорово!!!

Нина не шла, а летела. «Вот если бы Игорь был здесь, — она улыбалась, мечтая

про себя, — он приедет. А я ему скажу: «Кажется, ты скоро станешь папой». А он мне сначала не поверит. А потом скажет: «Дорогая, это большее, что ты для меня можешь сделать». А потом мы будем жить счастливо, у нас будет много детей. Скорей бы он приехал... Пока никому не скажу. Пусть он первый узнает. А потом мы подойдём к тётё Паше и скажем: «Благослови нас и нашего будущего малыша». Тётя Паша заплачет от радости...»

Ты кто?

Он пытался себя ощутить, насколько ему это было возможно. Его тело покоилось в какой-то жидкости. Он попытался пошевелить своими пальчиками. Но они ещё не шевелились. Ему это не понравилось, и он расстроился. Но его печаль скоро прошла, когда своими недоразвитыми ушками услышал счастливый голос. В последнее время он часто слышал, как этот голос что-то напевал. Его маленькая душа стала петь. Кто он и откуда, он не знал. Он даже не помнит, как стал себя ощущать, если это можно так назвать. Вдруг ему стало жарко. Он стал возмущаться, но жар увеличивался. Его тело протестовало, как могло. Потом он ощутил какой-то полёт, и всё замерло. Ему впервые стало страшно, его может не быть. Он вцепился своими неразвитыми ручками во что-то скользкое. И в этот миг снова услышал знакомый голос. Ему стало снова хорошо и спокойно, и он уснул. Просыпаясь, он с удивлением видел, что он меняется. Менялся он быстро. Был хвостик, потом хвостик стал исчезать, а вместо этого хвостика стало расти два больших хвостика. Шли дни за днями. Но после полёта кто-то пытался проникнуть к нему. Он напрягся своим маленьким тельцем и пытался отвести своими ручками опасность. Это была первая в его жизни опасность. Как это он понял, он не знал. Его недоразвитый мозг ещё не мог объяснить. Но его маленькая, вернее, большая душа, заключённая в маленькое тело, забила тревогу. Но вот снова стало всё хорошо. Знакомый голос засмеялся. Он тоже засмеялся. Теперь ему хотелось петь, и он запел, запел, раздувая неразвитые легкие. Как жаль, что эту песню он слышал один. Это была прекрасная песня зарождающейся жизни...

Кажется, ты скоро станешь папой

«Игорь? — Нина удивлённо посмотрела на машину, которая только что скрылась за поворотом. — Наверно, он сегодня приехал и хочет сделать мне сюрприз». Обрадованная этой мыслью, Нина побежала домой. По дороге она заскочила в магазин, купила небольшой тортик на полученную более чем скромную стипендию.

— Ты чего сегодня такая весёлая? — тётя Паша почти не выходила из дома. Одна рука была парализована, ноги слушались плохо, и ей стало трудно спускаться с четвёртого этажа. Во время болезни тётя Паша молила бога только об одном — не умереть. Она понимала, что после её смерти Нине будет

некуда податься. Из служебной квартиры девушку выставят без разговоров. Ехать в деревню, ставить на себе крест. Тётя Паша втайне надеялась, что появится Ярослав. Деньги, оставленные Ярославом, частично съела инфляция, остальные с бешеной скоростью уходили на лекарства.

— Так, ничего. Я тортик купила, — Нина разогрела суп, налила себе и тётё Паше.

— Ниночка, не трать деньги на ерунду. Понимаю, хочется, но нет возможностей. Закончишь, начнёшь работать, будешь баловать себя. Может, и Ярослав появится...

— Тётя Паша, скоро мы будем жить хорошо-хорошо, — Нина прижалась щекой к щеке тётё Паши.

— Наследство, что ли, получишь? А может, ты замуж за нового русского собралась?

— Может, и собралась, — Нина загадочно улыбнулась. Но ничего больше не сказала, а тётя Паша спрашивать не стала.

Игорь не приехал ни в этот день, ни на следующий. Он появился, как всегда, неожиданно, через неделю, подкатив на новой машине к училищу. Нина как-то степенно подошла к машине.

— Привет, — Игорь протянул ей белоснежную лилию. — Ты не рада?

— Почему ты не приезжал? — голос Нины предательски задрожал. Она представляла, что, гордо вскинув голову, пройдёт мимо, слегка кивнув головой.

— Я был занят. Садись, — Игорь широким жестом указал на сиденье.

Нина села. Она очень волновалась, как школьница на экзамене, не зная, с чего начать. В мыслях было так просто: «Милый, ты скоро станешь папой...» А в жизни...

— Как твои дела? Как здоровье тётё Паши? — Игорь по дороге задавал вопрос за вопросом.

Игорь по-хозяйски открыл дверь знакомой Нине квартиры.

— А чья это помада? — Нина подошла к зеркалу.

— Наверно, хозяйская, — Игорь подошел к Нине и обнял её, втягивая в себя запах её волос. — Как мне не хватало тебя...

Нине казалось, что Игорь самый чуткий, самый нежный мужчина.

— Милый, врач сказал, что нужно осторожно... — Нина загадочно улыбнулась.

— Какой врач? — Игорь насторожился.

— Милый... ну догадайся сам, — Нина прищурилась.

— Не хочешь ли ты сказать... что... Нет, это невозможно. Нина, не томи.

— Ты скоро станешь папой...

— Это невозможно... Прости, это так неожиданно... — Игорь увидел, что Нина начала плакать. Подождав, пока девушка успокоится, Игорь попытался спокойно поговорить с Ниной. Дело было даже не в том, что ему не нужен был ребёнок, и не в его новом увлечении. Всё дело было в том, что могли начаться проблемы дома с родителями, а этого он не хотел.

Он не хотел ни за кого нести ответственности. — Нина, ты ещё учишься, я тоже. Ребёнок будет помехой. Давай попозже. Ну, на что мы его будем содержать... Нина, ну не молчи...

— Врач сказал, что сейчас всё хорошо, что малыш хорошо развивается. Игорь, это же твой ребёнок, — Нина всхлипывала.

— Мой? А откуда я знаю, может, ты без меня...

— Я? Врач тебе срок может сказать... Игорь, как ты мог подумать? — Нина в ужасе посмотрела на своего возлюбленного. Лицо Игоря утратило свою привлекательность. Его глаза бегали, как у затравленного зверя. — Игорь, я думала... — Нина сквозь слёзы проговорила. — Я думала, ты обрадуешься и мы поженимся. Ты же обещал...

— Что, что я обещал? Жениться? — Игорь встал. Он натянул на себя рубашку.

— Нет, ты обещал, что мы будем вместе, — Нина с надеждой взглянула в глаза Игоря.

— А разве это одно и то же? Ниночка, давай подумаем, как быть. Хорошо? Одевайся, девочка моя, поехали...

Всю обратную дорогу они молчали. Лишь около подъезда Игорь поцеловал её в щёку:

— Я завтра за тобой заеду в училище. Я что-нибудь придумаю.

Всю ночь Нина спала плохо. Она ворочалась с боку на бок.

— Ты куда? — тётя Паша услышала, как Нина встала с постели.

— Воды попить. Вам принести? — Нина вышла на кухню. Она открыла холодильник, чтобы достать бутылку с минеральной водой. Но её взгляд упал на размораживающийся фарш. Нина вдруг ощутила приступ тошноты.

Утром она встала бледная. Где-то в глубине души она надеялась, что Игорь приедет и скажет: «Прости меня за вчерашнее. Это было так неожиданно. Я рад, что я стану папой...» Она с трудом дождалась окончания занятий. Когда вышла из училища, то увидела, что Игорь уже ждёт её.

— Как дела? — Игорь старался казаться как можно беспечнее. — Поехали, нас уже ждут.

— Кто? — Нина улыбнулась. Она не решалась спросить, что он решил, но ей показалось, что всё будет хорошо. За окном моросил дождь. Прохожие прятались под разноцветные зонты. Золотая листва, кружась, опускалась на лужи. Игорь остановил машину около какого-то шикарного здания.

— Это что? — Нина удивилась.

— Это Центр материнства и детства. Моя мать посоветовала обратиться сюда. Здесь хорошие специалисты. Тебя сейчас посмотрят.

«Нет, он точно решил стать папой. А не извиняется, потому что стесняется». Нина несмело зашла вслед за Игорем. Игорь подошел к регистратору:

— Костина была записана на 15, — сказал Игорь.

— Да, пожалуйста, подождите здесь, — девушка-регистратор указала на стоящий рядом кожаный диван.

Когда Нина села рядом с Игорем, она прошептала: «Я же не Костина». — «Прости, но я не знаю твоей фамилии. Вот и записал под своей. Ты против?» — Игорь улыбнулся. «Это хороший знак», — подумала про себя Нина и смело пошла за девушкой, которая пригласила её в кабинет врача.

— У вас действительно всё хорошо. Это ваш муж вас записывал? — Врач посмотрела на Нину.

Нина замаялась, а потом ответила что-то неопределённое. Врач продолжала:

— Он сказал, что вы бы хотели сделать аборт. Я, конечно бы, не советовала делать первый аборт, но коли вы решили...

Нина побледнела. Ей хотелось закричать, что она против, но что-то её удерживало.

— Девушка, что с вами? — Врача обеспокоил цвет лица Нины.

— Нет, ничего, просто душно... Что вы сказали? — Нина пыталась сосредоточиться.

— Завтра вас устроит?

— А сколько это будет стоить? — до Нины постепенно стал доходить смысл сказанного. С одной стороны, она ненавидела Игоря, а с другой... Она понимала, что без Игоря ребёнка ей не поднять.

— Уже оплачено, так что вы не беспокойтесь. После операции вы должны будете первое время у нас понаблюдаться. Это необходимо, чтобы не было осложнений. В следующий раз желательно планировать. До свидания...

Нина вышла в холл. Игоря нигде не было. Нина сквозь стекло холла увидела, что Игорь ждёт её в машине. Она, как робот, дошла до машины.

— Ну что тебе сказали? — Игорь обеспокоено посмотрел на Нину.

— Сказали... сказали, что у меня хороший ребёнок...

Игорь довёз Нину до подъезда. По дороге он накупил фруктов и шоколада. Сейчас он боялся истерик, но Нина вела себя очень спокойно. Казалось, что она восприняла это как должное.

— Когда? — спросил он около подъезда.

— Завтра.

— Я тебя отвезу...

— Не надо. Я сама... А вообще, больше ничего не надо. Спасибо, что оплатил, у меня не было бы на это денег... — Нина казалась какой-то отрешённой.

— Нина, ты пойми... — Игорь хотел снова оправдаться, но Нина его перебила. — Не надо, Игорь, я всё понимаю сама... Прощай. Не приезжай больше.

Нина вздохнула, забрала купленные Игорем продукты и медленно побрела к подъезду: «Одно дело сделано, расстались. Теперь от ребёнка осталось избавиться, и будет всё нормально. Хорошо, что никто об этом не знал. Сотни женщин это делают, ну а я чем хуже?»

Опасность

Ему было хорошо. С каждым днём он увеличивался. Он смотрел своими незрячими глазами и видел это мир. Он ощущал его неразвитой кожей. Ему было тепло и уютно в постоянной жидкости. Он был счастлив. Он чувствовал всеми фибрами своей души, что его любят. Ему нравилось быть любимым. Успокоенный и сытый, он спал. Вдруг его стало трясти. «Что это?» — подумал его мозг. Он своими ушками стал вслушиваться. Знакомый голос спорил с каким-то грубым, неприятным голосом. Его любимый голос плакал. «Не плачь», — сказал он, но его никто не услышал. Ему стало тревожно. «Ребёнок будет помехой...» Откуда-то он вдруг понял, что это о нём. С тех пор он перестал спать. Он стал бояться, что его может не стать. Он не знал еще, что такое смерть, но он уже знал, что его может не быть. События развивались всё тревожнее. Его любимый голос пошёл пить. «Но я не хочу пить», — протестовал он. Вдруг перед его ещё слепым взором предстала какая-то бесформенная красная масса. Она ему не понравилась, и он потребовал убрать её. Его снова стало трясти, рядом что-то пришло в движение. «Эй, что вы делаете, мне же неприятно...» — он снова завозмущался. Теперь он понимал, что в этом мире не всё нравится. Он не спал почти сутки. Ему было тревожно. Вдруг снова кто-то попытался до него дотронуться. «Да вы надоели», — закричала его немая душа, и он напрягся со всей мочи, чтобы отодвинуть от себя чью-то руку. «Завтра...» «Что завтра?» — подумал он. Он знал её мысли. Он был её частью. «Избавиться... Как это избавиться?» Эта мысль мучила его всю дорогу. Ему не нравился запах бензина, и он говорил об этом, но его никто не слушал.

Голос из ниоткуда

Нина шла по лесу. Вокруг летали бабочки. Рядом с ней шли какие-то дети, бежали собаки. Им было весело. Они собирали грибы, ягоды. Вдруг всё куда-то исчезло. Чёрная туча заслонила солнце. Ветер... Сильный ветер, он рушит деревья. Нина бежит домой, падает. Ей страшно. Она почти добегает до старенького покосившегося дома своей мамы. Она видит на крыльце мать, сгорбленную, почерневшую. Мать её не видит. Она хочет подбежать, но ей что-то мешает. И вдруг Нина слышит детский голос: «Мама, не убивай меня...» Нина мечется, она ищет, кто зовет, и вдруг она понимает, что это к ней обращается неизвестно откуда голос ребёнка: «Мама, спаси меня...» «Я иду к тебе, я спасу тебя...» — хочет крикнуть Нина, но губы не разжимаются, ноги не двигаются...

— Нина, Нина, что с тобой? — Нина открыла глаза. Рядом стояла тётя Паша. Она трясла Нину. — Нина, ты всю кровать сбила... Что тебе приснилось?

— Да так, мама снилась, ураган... — Нина села на кровати.

Немного посидев, она пошла на кухню. Там, сев на стул, она обхватила руками голову, зажимая уши. Ей казалось, что у неё до сих пор в ушах стоял крик: «Мама, не убивай меня... Мама, спаси меня...» «Нет, нет, нет... — шептала Нина. — Что делать?» Нина не могла найти ответ. Она понимала, что ей не поднимать ребёнка. Кроме стипендии, у неё нет средств к существованию. У неё нет жилья. Надеяться на мать она не могла, у той самой на руках ещё трое детей. Жизнь, казалось, закончилось. Самый простой выход — свести с жизнью счёты. «А как же я?» — спрашивал её чей-то голос. И вдруг в этот миг Нина поняла, что она несёт огромную ответственность за судьбу того, кто поселился в ней. Перед ней сейчас стоял вопрос выбора. Она должна была решить судьбу двух людей: свою — непутёвую, и его — не родившегося... Как только закрывала глаза, тот же сон стоял перед ней. И она понимала, что это не просто эмбрион, что это уже ЧЕЛОВЕК, пусть не родившийся, но уже существующий.

Тётя Паша вошла на кухню:

— Что случилось? — Она достала из холодильника бутылек с валерианой, накапала несколько капель и дала Нине. — Выпей, легче будет... Утро вечера мудренее. Иди спать.

Нина молча выпила валериану и пошла спать. Как ни странно, уснула она спокойно, в сон будто провалилась.

Нину разбудило яркое солнце. «Проспала!!!» Нина вскочила как ошпаренная. Она быстро привела себя в порядок. Открыла сумочку, и тут её взгляд упал на направление. По дороге в училище Нине думать некогда было. До назначенного времени у неё было ещё два часа. Нина зашла в кафе, взяла порцию пельменей. Сейчас она могла спокойно всё обдумать. Сейчас в ней разговаривали две Нины: первая — сама реальность, вторая — подсознание. Первая сетовала, что ей самой не на что жить. Вторая Нина убеждала, что она окончит курсы массажистов

и будет хорошо зарабатывать. «Но, — возражала первая Нина, — для начала надо училище закончить». «Так всего полтора года», — парировала вторая. «Но ты ведь не слониха. Он-то родится раньше, чем пройдут эти полтора года...» «Но он живой...» — вторая Нина имела один веский аргумент. В конце концов, вторая Нина оказалась сильнее. Реальность и подсознание договорились, и Нина, обретя спокойствие, как это бывает после продолжительных баталий, пошла домой. Она ни на что не надеялась, кроме как на русское «авось». Но она ощущала ЛЮБОВЬ к этому существу. Любовь была такой огромной, что она не могла позволить себе его убить. Что будет потом и как она будет жить, она не знала. На душе у неё было спокойно и легко.

Мама, спаси меня!!!

Наконец все затихло. Теперь ему ничего не мешало думать. «Избавиться... Это значит, меня не будет... Я умру...» Впервые он узнал, что есть смерть. Наверно, эти знания передаются из поколения в поколение... «Я не хочу... Я ещё не видел тебя, голос...» — плакал он без слёз. И вдруг он собрал свои силёнки и закричал во всю мочь: «Мама, не убивай меня... Мама, спаси меня...» Он не знал ещё, что такое «мама», но он откуда-то знал, что она и только она будет его защищать, что он нужен ей и только ей... Его маленькое тельце сотрясали рыдания, немые бесслёзные рыдания. Это было первое настоящее горе, горе этой не родившейся жизни. Но она не чувствовала, что ОН плачет, она сама сейчас рыдала, ибо не могла решить, что ей делать... Он почувствовал какой-то горький, но удивительный вкус. Ему захотелось спать. Он погрузился в сон. Что ему снилось? Что ему могло сниться? Он не знал, но спал он спокойно. Утром он проснулся с непонятной тревогой. Но он уже не кричал, он подчинялся воле голоса. «Я не хочу умирать... Я хочу увидеть тебя, голос... Мне страшно...» — он думал, думал. Так мог думать только он. Он не знал иного мира, кроме этого замкнутого пространства. Его маленькое сердечко билось, как птица в клетке. «Жизнь... Жизнь... Жить...» — нет, он не думал, он понимал, что значит «жить». Он жил, он пока ещё жил. Его жизнь была на исходе. Последние часы, а потом... Потом ничего не будет... Он понимал это, он шевелил губами, не разжимая их, он глотал слёзы, не роняя их.

Месяцы

А время летело стремительно. У Нины стал округляться живот. Она могла часами лежать на кровати, гладить по животу и разговаривать с ним:

— Малыш, ты у меня самый красивый. Ты хочешь кушать? Пойдём, покушаем, мы должны быть сильными, нам многое предстоит вынести. — Нина заставила себя встать с кровати и пойти на кухню. У неё не было ни настроения, ни аппетита. За окнами бушевала метель. Начались каникулы. Тётя Паша опять слегла в больницу. За тётей Пашей требовался теперь повышенный уход. У неё была парализована одна рука. А сейчас стали откazyвать ноги. Нина вспомнила, как боялась открыться тёте Паше.

В тот вечер ей было плохо. Болела голова. Тошнило.

— Ты чего такая бледная? — тётя Паша погладила Нину по голове. Неожиданно для себя Нина заплакала. — Не надо плакать. Ему в этой жизни столько придётся плакать, что сейчас не надо его печалить... — Нина удивлённо под-

няла голову. — А ты думаешь, я слепая. Ребёнок... Как женщина женщину, я тебя понимаю. Дети нужны, но, как полубольной человек, я не одобряю. Рано, ой как рано. Надо бы было профессию получить, хоть чуть-чуть на ноги встать. Как его поднимать думаешь? — Нина пожала плечами. — Думать надо было, думать, — Тётя Паша тяжело вздохнула. Она сама столько лет мечтала о ребёнке, но судьба была к ней жестока. — Да что сейчас говорить. Уже поздно. Послушай меня, Ниночка, не обижайся. Если бог даст и со мной будет всё нормально, поднимем малыша. Но если будет ухудшение, откажись, отдай в дом ребёнка...

— Нет... — прошептала Нина, широко раскрыв глаза. — Как это? Он мой.

— Он твой, — по морщинистой щеке тёти Паши катилась слеза. — Он твой. Но иногда во благо надо сделать себе больно. Сама знаешь, если я умру, квартиру заберут, училище надо закончить. Не будет ему лучше, если ты будешь голодать. Эта жизнь не таких ломала. Потом забереешь, когда на ноги встанешь. Но не будем о плохом, будем надеяться на удачу. Пойдём.

С того дня тётя Паша стала покупать Нине фрукты, соки. Лишь случайно Нина узнала, что тётя Паша сэкономила деньги

на лекарствах. Думала, что выстоит, а нет, судьбу не обманешь.

Нина закуталась в шаль. Ей было одиноко. Она хотела пойти в больницу к тете Паше, но почувствовала себя неважно и решила не ходить. На кухне Нина включила радио, подогрела чай. Кухня наполнилась летом: детский хор пел старинную весёлую песенку «О лете», чай вкусно пах мятой и смородиной. Нина поджала под себя ноги и с удовольствием зажмурилась. Последний поход в консультацию был очень успешным.

— Много нервничаете, дорогая, очень много, — сказала врач, осмотрев Нину. — Ребёночек нервничает. Это может плохо сказаться на здоровье его. Вот вам таблетки. Сейчас не о себе надо думать, а о нём.

Время шло. Нина досрочно сдала сессию. Преподаватели сочувствовали Нине, но в основном осуждали. Оставалась какая-то неделя до рождения малышка. Нину вызвали к заведующей училища.

— Ну и что будем делать? — заведующая, старая одинокая женщина, воспитанная в пуританских традициях, хотела казаться лучше, но получалось как всегда.

— Как что? — Нина не знала, о чем её спрашивают. Этот курс она уже закончила, и теперь до осени можно было гулять целых полгода.

— Что будешь делать с ребёнком? Я узнала в горно, жильё они не обещают. Органы опеки предложили после рождения оформить ребенка в дом малютки.

— Что ж, они очень добры... — усмехнулась Нина, а сама представила, как обсуждали её на заседании: «Эта молодёжь такая легкомысленная. Детей заводить научилась, а вот думать — нет...»

Мама, мне хорошо

Он сладко потянулся, не разгибая ног и рук. Ему было светло в этом вечном мраке. Он заснул сладко-сладко, ещё больше свернувшись комочком, спрятав свои маленькие ладошки под голову. Он был уже похож на человечка, только очень-очень маленького. Ему нравилась спокойная музыка. Он вообще очень любил покой. Теперь он не боялся, когда кто-то пытался прикоснуться к нему рукой. Он любил, когда тёплая Её рука гладила его. Ничего, что она гладила его «дом», но он ощущал тепло и нежность руки. Он вслушивался, когда с ним разговаривали. Он рассматривал себя и удивлялся. Но иногда ему становилось страшно, и ему снился тот страшный сон, когда его могло не быть. Тогда он начинал плакать. Он нервничал. Тогда его поили какой-то жидкостью.

А недавно он смог двигать ногами. Ему это так понравилось, а еще он научился вертеться. А получилось это так внезапно. Он вдруг услышал весёлую музыку, и ноги сами пошли в пляс. Но тёплая рука попросила потише. Теперь он знал, что если ему что-то не нравится, он может дать знать не только мыслями.

Теперь, когда ему было весело, он мог смеяться своим беззвучным смехом. Он с удивлением рассматривал себя невидящими глазами и удивлялся, что он стал таким большим и у него уже появилось то, чего не было раньше, какой-то странный хвостик между ног. Ему стало так весело, что он расхохотался во всё горло, и ему казалось, что с ним смеётся весь мир. Он знал, что он футболист. Что такое футболист, ему было неизвестно, но он своим маленьким мозгом понимал, что это что-то очень хорошее. Голос оттуда часто гладил его и говорил: «Ну, футболист, опять голы забиваешь...» Голос был ласковый-ласковый.

Роды

А время всё быстрее и быстрее приближалось к самому главному моменту в ИХ жизни. Нина проснулась от каких-то толчков... «Неужели началось?..»

Врачи показались Нине какими-то злыми. Но ей некогда было об этом думать. Боль разрывала тело на две части. Она не слышала, что ей говорили. Лишь какой-то древний инстинкт заставлял её волю подчиняться чужому желанию. Ещё, ещё... Вдруг она услышала сквозь боль и собственные крики:

— Тужься, кому говорят, или решила не рожать? Так он тебя не спросит..

Не было сил. «Господи, помоги, да когда же это кончится?» — простонала Нина и вдруг...

Она услышала голос, ранее незнакомый, но такой родной. Он требовал, он... плакал. Это был его голос...

И вдруг та «злая врачиха» подошла к Нине и как-то добро, по-матерински сказала: «Ну, смотри на своего богатыря! Какой мужчина родился, девки увиваться будут... А ты молодчина, дочка, молодчина...»

— Ой, какой... маленький, — и Нина заплакала. Она не знала, почему плачет.

— Это он-то маленький? 4 кило. Это тебе, девочка, кормить его надо было меньше, чтобы рожать легче.

Нину положили в палату, где кроме неё были ещё две роженицы, у которых были дочери. Одна женщина была в годах, это была третья девочка в их семье. Вторая, молоденькая девчушка, не на много старше Нины. Их девочки были уже большие, им было два дня. Роженицы представляли, как их встретят мужа с цветами на машинах... Нина отвернулась. Кто встретит её? Кому она нужна? Кому нужен её Серёжка. Она знала, что его будут звать Серёжка. «А если тётя Паша не выживет? Как мы будем жить? Права тётя Паша, надо Серёжку в дом малютки отдать. Встану на ноги, заберу. А сейчас... Что дам я ему? Впроголодь держать?» По щеке Нины катилась слеза. Она уговаривала себя сделать этот страшный шаг. Она винила себя, что пошла по стопам матери, которую когда-то осуждала...

— Дочка, кормить пора, — старая медсестра баба Тая подошла к Нине с Серёжкой, которого уже вымыли и завернули в казённое бельё.

— Я не буду его кормить, — проговорила Нина

тихо-тихо. Ей казалось, что она преступница и сейчас не сёт раскаяние.

— Девка, ты чего удумала-то? А кто ж его кормить будет? Сама рожала, сама и корми, — Серёжка, как будто поняв, что речь шла о нём, вдруг заплакал, требуя положенную порцию молока.

— Я отказываюсь от него.

— Ты покорми сперва, дождись завтра, придёт заведующая, напишешь заявление. А сегодня не с голоду же ему помирать. Эх, девка, девка, чего удумала-то...

Роженицы осуждающе посмотрели на Нину. Нина взяла Серёжку на руки и приложила к груди... По всему телу пробежала незнакомая доселе нежность. Она с умилением смотрела на маленькие глазки, крохотный носик, аккуратный чмокающий ротик, который стал чмокать всё тише и тише и наконец совсем перестал.

— Ой, что это с ним? — испугалась Нина. Она вдруг поняла, что она не переживёт, если с ним что-то случится.

— Чего переполошилась, дочка? — по-стариковски спросила баба Тая. — Уснул твой герой. Думаешь, тебе одной трудно было. Ему, может, в десять раз и трудней, и страшней.

Нина закрыла глаза. Ей хотелось выть, выть по-бабьи, но она не имела права. Отвернувшись лицом к стене, она тихо-тихо плакала, прощаясь с малышом.

Мне, может, в десять раз страшнее...

Он не понял, что произошло. Ещё вчера было уютно и сыро, а сегодня вода куда-то ушла. Ему стало сухо. «Мне это не нравится», — возмутился его разум. «Тебе пора», — сказала Время. Он не знал, что такое время, но оно постоянно ему указывало. «Ну, нет, никуда я отсюда не пойду», — он напрягся. Но какие-то неведомые силы сдавили его со всех сторон и стали куда-то толкать. «Мне больно, что вы делаете?» — возмутился он и снова напрягся, сопротивляясь Времени. «Давай, не бойся...» — и его снова куда-то кто-то толкнул. Ему казалось, что он борется уже очень давно. Ему хотелось схватиться за этот шнурок, который соединял его с голосом. Но голос сам что-то кричал. Он слышал, как появились ещё какие-то голоса. Они что-то говорили. «Они что, не видят, что меня кто-то выгоняет на улицу?..» Он не знал, что такое улица, но знал, что выгоняют именно туда. И вот какая-то неведомая сила толкала его вперёд. И вдруг... Он ощутил полёт, у него захватило дух, ему стало на секунду страшно, и он закричал, сначала от страха. Но через секунду он понял, что он попал в большой мир, где живёт голос, и он закричал: «Ура!!!» И вдруг услышал: «Почему он плачет?» Это спросил голос. «Я не плачу, я кричу «Ура!!!» — ответил он, но его никто не понял.

Кто-то нежными мягкими руками его обтирал, во что-то заворачивал. Оказалось, что это так же приятно, как когда он был в жидкости. Ему вдруг захотелось кушать. Но почему-то еда не поступала. Не было того шнурка, который соединял его с голосом. «Я же говорил вам, что не надо его было обрезать...» — и он заплакал. И вдруг в его маленький ротик положили какую-то красную штуку, из которой пошла необычайно вкусная жидкость. И он своими маленькими глазками увидел лицо и понял, что это лицо голоса. Ему

стало спокойно и уютно, голос его не бросил. Теперь он знал, как пахнет голос — это был удивительный запах. Он знал, как выглядит голос — это был самый красивый голос. Он заснул...

Решение

Нина несмело зашла в кабинет заведующей. Заведующая, грузная женщина в годах, проработавшая больше 30 лет в этом роддоме. Она начинала с акушерки, потом училась в институте, а потом снова вернулась в этот роддом. С бабой Таем она начинала работать. Эти две подруги были неплохими психологами. От бабы Таи она знала, что одна из рожениц собирается отказаться от ребёнка и что для этой роженицы это не простое решение.

— Я хочу отказаться от ребёнка... — тихо пробормотала Нина, опустив низко голову. И тут же добавила, обратившись к выходящей из кабинета заведующей бабе Таем: — Вы гляньте, пожалуйста, на Серёжу, чтобы он не плакал, хорошо?

— Да ты садись. Чаю будешь? Тебе надо много пить чаю с молоком, чтобы молоко было, — заведующая подала Нине большой бокал, на котором была нарисована аппе-

титная клубника. — Ну, теперь рассказывай, если ребёнок не нужен был, чего рожала?

— А как же, не смогла я его убить... — Нина заплакала.

— Э, девочка, слезами горю не поможешь. Есть такие, что родят и бросят, как перчатку, не сожалея. А для тебя, вижу я, непростое решение. Рассказывай, что толкает тебя на такой шаг...

Нина сделала глоток чая и медленно рассказала, ничего не утаивая: как из деревни приехала, как влюбилась, как рассталась с любимым...

— Я не знаю, как буду жить с малышом. Мне тётя Паша посоветовала, отдать малыша в дом малютки, а потом забрать. Я закончу училище, начну работать и заберу Серёжу...

— Если ты откажешься от Серёжи, то его могут усыновить. А его наверняка усыновят, малыш у тебя здоровый, рождён от здоровой женщины...

— Я не отдам... — Нина по-детски всхлипнула.

— Не отдам... Ты не ребёнок, а он не игрушка — отдам, не отдам... — Заведующая помолчала, а потом вдруг добавила: — Вот что, Нина, я тебя в больнице немного подержу, напишу, что анализы плохие, а сама пока что-нибудь придумаю. Отказаться всегда успеешь. И не плачь, молоко горьким будет. Тебя бы таким покормить. А сейчас ступай к своему богатырю...

Нине казалось, что она вылетела на крыльях. Она вновь поверила в свою счастливую звезду.

— Валентина Петровна, добрый день, — заведующая говорила в телефонную трубку. — Как у тебя с санитарками?.. Да девочка у меня тут, учится в медучилище... Серьёзная девочка. Матерью стала... Да, без мужа... А я тебе говорю, что серьёзная... Ты же знаешь, я этих рожениц столько перевидала... Да дурочка деревенская, книжек начиталась, влюбилась. Ей с ребёнком идти некуда, да и жить не на что... Возьми её ночной санитаркой, и малыш при ней будет, а то сейчас откажется, а потом себя всю жизнь корить будет... Ну, делали добро, ну наказывала жизнь за это... Ну и помрём такими наивными... Спасибо тебе...

А вот и мы

И всё-таки Нина верила в свою счастливую звезду. У неё нашлась работа в детском отделении городской больницы. Ну и что, что работать по ночам придётся, зато Серёжа будет при ней. Тётя Паша из больницы выписалась, сказала, что приедет за Ниной на машине. Откуда тётя Паша только номер телефона узнала. Серёжа, как сказали врачи, на удивление здоровый. Говорят, что сейчас таких здоровых детей и не бывает, что сказало то, что Нина выросла в деревне. Нина себя чувствовала превосходно.

Настал день выписки. Нина, счастливая, поглядывала в окно. Вдруг она увидела, как под окнами остановился новенький «Опель». «Игорь... не может быть...» — Нина с замиранием сердца ждала, кто же выйдет из машины. Казалось, что время застыло. Но тут заплакал Серёжа... «Маленький... — Нина прижала Серёжку к своему бешено колотящемуся сердцу. — Маленький, кажется, твой папа приехал... Малыш, не плачь, ты же у меня мужчина...» — уговаривала Нина малыша, а сама плакала. Она все эти месяцы даже не вспоминала об Игоре. Ей казалось, что такое предательство нельзя простить: предать ещё неродившегося ребёнка.

«Мама, а что такое мужчина? — мысленно спросил Серёжа. — Хорошо, раз я мужчина, я не буду плакать, я буду спать. Наверно, все мужчины спят...» — продолжал он размышлять, но сон не шёл, какое-то сладостное предчувствие наполняло его. Наверно, ему передавалось материнское волнение.

— Нина, тебя ждут... — баба Тая, улыбаясь, ковыляла перед Ниной, «перекатываясь» со стороны в сторону.

— Кто? Я так волнуюсь.

— Какая-то старая женщина, не очень старая женщина и мужчина...

— Молодой? — спросила Нина с замиранием сердца...

— Не очень. Ну, пойдём, пойдём...

Нина вышла в холл роддома, прижимая к груди самый дорогой груз. Её встречала тётя Паша, мама и незнакомый Нине мужчина, но удивительно похожий на маму.

— Ну, племянница, показывай нам своего героя...

— Дядя Ярослав... — радостно улыбнулась Нина и подала ему Серёжу. — А вот и мы...

«А вот и мы, а кто вы? Я вас не знаю, но вы мне нравитесь», — мысленно сказал Серёжа и улыбнулся.

— Смотрите, он улыбается... — дядя Ярослав прижал к себе этот удивительный свёрток.

И вдруг Нина увидела видеокамеру и до боли знакомое милое лицо Маши Шукшиной.

— Ой, что это? — Нина смутилась.

— Добрый день... — Маша Шукшина, такая недостижимая, как все кинозвёзды, вдруг оказалась такой близкой, стояла перед ней и что-то говорила. Нина смущённо улыбалась. Она ничего не понимала...

Эпилог

«Добрый день, сегодня мы хотим рассказать вам одну историю...», — раздалось с экрана телевизора. Нина смотрела на себя, и ей не верилось, что она, Нина, на минуту стала «звездой» экрана.

— Тётя Паша, ну как вы додумались до этого? — спросила Нина в который раз, обернувшись на тётю Пашу.

— Как, как. Каждый раз, когда смотрела эту передачу, думала: «Какое хорошее дело они делают — помогают найти друг друга. А когда ты забеременела, решила написать, найти Ярослава. Он любил тебя маленькую. Ни на что особенно и не надеялась. И вот, когда ты лежала в роддоме, вдруг позвонили, пригласили на передачу. Я сказала, что не могу прийти, парализована, да и Москва далеко. Тогда трубку взял Ярослав, как только узнал, что ты в роддоме, обрадовался. И на следующий день на самолёте прилетел.

— Вот девчонки в училище ни за что не поверят, — засмеялась Нина, которая точно знала, что через год обязательно вернётся в свою группу, закончит училище, а потом если Бог даст, то и в мединститут поступит. А пока...

Они сидели на веранде большого дома, в котором жил дядя Ярослав. В этом маленьком немецком городке, где много русских, по телевизору показывали два русских канала. Пили чай из русского самовара и смотрели на спящего Серёжу, который ещё сам не знал, что родился под счастливой звездой.

БАЛАГИНА Мария Ивановна (псевд. Гринева, Мария; Гринева, М.И.; Кузнецова; 1895 —), писательница.

Авт. кн.: «Гринька и Гранька» (Повесть). М.-Л., 1927; «Девкин грех». Рассказ. (1929); «Ум хорошо, а два лучше», Ком. М., 1928; «Переполюх», Ком. М., 1929; «К новым берегам» Пьеса. М., 1930; «Город, слушай!». Пьеса в 9 эпиз. М., 1931; «Перегородка», пьеса. М.-Л., 1931. Масанов; РНБ.

БАЛАКШИНА Ольга Николаевна, авт. воспоминаний.

Дочь управляющего питейными сборами в г. Ялуторовске Н.Я. Балакшина, воспитанница школы И.Д. Якушкина. «Воспоминания о декабристах в Сибири, записанные со слов их ученицы О.Н. Балакшиной». Записал Б.С. Балакшин. — «Сиб. О». 1924. № 3, с. 178-181.

ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 1129.

БАЛАХОВСКАЯ П.М.

Авт. брош. «На кооперативной детской площадке: (Записки фребелички)». Пг., 1919. РНБ.

БАЛАХОВСКАЯ-ПЕТИ Софья Григорьевна (псевд. Дальний, Сергей; 1870 —), драматург.

Д-р прав Парижского унив.; первая женщина-адвокат во Франции; дочь киевского сахарозаводчика.

Масанов; Венгеров. Источ.

БАЛАШЕВА Мария Дмитриевна (урожд. Четверикова; 1853 — 1901), зоолог.

Член зоологич. отд. Имп. Об-ва любителей естествознания. Авт. научн. работ: «О влиянии внешней среды и преимущественно объема водного бассейна на некоторых из слизняков» Одесса, 1887; «О влиянии внешней среды и преимущественно температуры воды и воздуха на Planorbis vertia. [Одесса]. [1888]. Авт. «Обзора литературы по естественной истории за 1895 г.» (сост). М., 1898.

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАЛАШОВА Александра Михайловна (1887 — 1979), авт. воспоминаний.

Артистка балета, педагог. Ост. воспом. «Большой души человек». — В кн.: Василий Дмитриевич Тихомиров. М., 1971. С. 236-237 (1900-е - 1910-е гг. Совместные выступления с В.Д. Тихомировым на сцене Большого театра. Тихомиров как педагог и человек). Оставила также воспоминания о начале своего творческого пути: Как мы начинали? Анкета «Зари»: Воспоминания. \ \ Заря. 1914. № 7.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7702; Т.5. Ч.2. № 2394.

БАЛАШОВА Ольга Николаевна, переводчица.

Пер. с нем. «Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века» (новые показания о Шварце и Новикове) \ \ Русский архив. 1874. Т.4. Стлб. 1031-1042.

Слов. рус. писательниц.

БАЛАБАШЕВСКАЯ Варвара Григорьевна (псевд. Ана-тольский, В.), автор пьес.

В соавт. с Квази: «Мамзель Сан-Жен». Оперетта в 1 д. Пг., 1916; «Уличный Ромео». Опер. в 1 д.; в соавт. с М.Д. Лукашевич (см) - «Арсен Лупан: (Два вора)» Опер. в 1 д. Пг., 1916 - Анатольский В.

Масанов; РНБ.

БАЛИОЗ

(См. Наблюцкая М.Н.)

(Продолжение на стр. 79)

Две версии о талисманах

Сердоликовый перстень Воронцовой

Общеизвестно, что у Александра Сергеевича Пушкина был золотой перстень с сердоликом — подарок Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой. Она подарила этот перстень Пушкину в Одессе, на даче Рено, в конце июля (примерно с 24 по 30 число) 1824 года. На этой даче проходили у них последние любовные свидания перед отъездом Пушкина в Михайловское. В это время муж Воронцовой, наместник всего этого края, отсутствовал по служебной необходимости. Вместе с перстнем был подарен и золотой медальон с портретом-миниатюрой самой Воронцовой.

Пушкин сразу стал считать этот перстень своим талисманом. На эту тему им написано несколько стихотворений, в том числе знаменитое «...Храни меня, мой талисман...». Пушкин с этим перстнем не расставался и запечатывал им письма (на сургуче). На сердолике была гравировка на древнееврейском языке, и, как много позже выяснилось, перевод означал: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа старика, да будет его память благословенна». Перевод был сделан московским старшим раввином З. Минором в 1880 году к Московской Пушкинской выставке. Гравировка сделана зеркально, т. е. правильно читалось только на оттиске этого перстня (на письмах, на сургучной печати).

Неизвестно, был ли этот перстень на пальце Пушкина во время дуэли или не был. Известно, что В.А. Жуковский с разрешения вдовы Пушкина снял этот перстень с пальца поэта после его смерти, на смертном одре. И оставил себе на память. От Василия Андреевича Жуковского перстень перешел к его сыну Павлу Васильевичу, который передал его Ивану Тургеневу. После смерти Тургенева он перешел (по завещанию) к Полине Виардо, известной певице. П. Виардо в 1887 году, понимая ценность реликвии, передала ее через присяжного поверенного В.Н. Герарда в Пушкинский музей Александровского лицея (так назывался в то время Царскосельский лицей, который закончил Пушкин). В годы революции перстень был украден из музея. По поводу этой кражи газета «Русское слово» от 23 марта 1917 года писала: «Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещающегося в здании

Александровского музея, обнаружена кража ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находился золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древнееврейском языке».

До настоящего времени перстень не найден и, скорее всего, утерян навсегда. Считается, что внешний вид перстня в полном объеме неизвестен. Зато известны два наиболее полных письменных документа с его описанием. Вот описание, сделанное одним из посетителей юбилейной пушкинской выставки в Академии наук в Петербурге, состоявшейся в 1899 г., и напечатанное в «Лодзинском листке»: «Этот перстень — крупное золотое кольцо витой формы с большим камнем красноватого цвета и вырезанной на нем восточной надписью. Такие камни со стихом Корана или мусульманской молитвы и теперь часто встречаются на востоке». Другое описание дал известный пушкинист Н.О. Лернер: «Это старинный золотой перстень, в который вделан восьмиугольный сердолик с резной еврейской надписью...» («Журнал журналов» за 1916 г. № 18).

Пушкин искренне верил в магические свойства талисмана. Панически боялся потерять его и носил на большом или указательном пальце правой руки. С двумя перстнями на правой руке поэт изображен на известном прижизненном портрете работы В.А. Тропинина. Официально считается, что на большом пальце — перстень с изумрудом, а на указательном — наш перстень с сердоликом, но камнем вовнутрь.

На мой взгляд, это ошибка. Думаю, что на большом пальце Пушкина на портрете работы Тропинина однозначно изображен перстень с сердоликом. Хочу напомнить, что минерал сердолик — это разновидность халцедона и агата. Камень окрашен в красные, темно-красные цвета. Лучшим считается сердолик насыщенного цвета воды, в которой мыли мясо, т.е. цвета темной крови. Говорят, что сердолик лечит нарывы, раны, что он — сильный любовный талисман. По-русски сердолик — сердце ликующий, так как лечит сердце.

Вот мои доказательства, что это именно перстень с сердоликом:

1. Камень прорисован темным цветом, т.е. близок к цвету сердолика: темно-красно-красному. Это в любом случае не зеленый цвет изумруда. Тем

Рис. 1

более, что на портрете есть зеленые цвета — цвет воротника халата. Если бы это был изумруд, то он бы был прорисован зеленым цветом, сравнимым с тем зеленым, что есть на портрете.

2. При достаточном увеличении фрагмента портрета (рис. 1) — руки с кольцами — хорошо видно, что форма каста у перстня (каст — это оправа самого камня) восьмиугольная — как и описывали очевидцы. То, что каст именно такой формы, хорошо видно и на сохранившемся

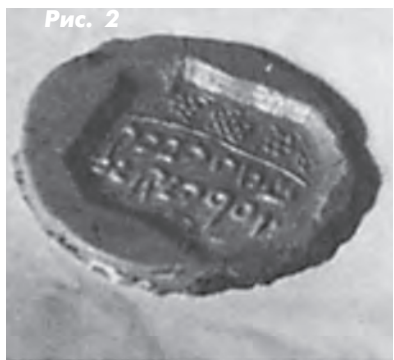

Рис. 2

в музее отпечатку этого перстня на сургуче (рис. 2). У перстня с изумрудом очень четко видно, что каст четырехугольный с закругленными углами, т.е. никак не похож на отпечаток сердолика.

3. Шинка (шинка — это само кольцо вокруг пальца) перстня на данном изображении широкая. Эта шинка явно шире, чем у перстня с изумрудом. Кстати, перстень с изумрудом сохранился до наших дней и находится в музее. На рис. 3 представлен перстень с изумрудом. На самоличном рисунке Пушкина

В.А. Тропинин. Портрет А.С. Пушкина

на обороте черновика стихотворения «О бедность! Затвердил я наконец...» изображен указательный палец Пушкина, на котором находится перстень с сердоликом. (О том, что именно этот перстень, многократно доказано, и нет необходимости повторяться.) Из этого рисунка (рис. 4) четко видно, что шинка перстня широкая — это видно на углублениях на пальце, где шинка облегает палец. Ширина шинки перстня на тропининском портрете Пушкина идентична ширине шинки перстня на авторском рисунке Пушкина своего указательного пальца.

Рис. 3

Рис. 4

4. При внимательном рассмотрении шинки перстня на большом пальце на портрете Тропинина можно предположить, что на шинке нанесен растительный орнамент — какие-то переплетающиеся, скорее всего виноградные, лозы. Эта гравировка на шинке сходна с растительным орнаментом на самом сердолике. Правда, это трудно утверждать, так как на копии плохо видно, и это могут оказаться какие-то дефекты самого холста. Но если мои предположения верны, то вот и объяснение описания этого перстня «...кольцо витой формы...». Орнамент и придает кольцу эту «виту» форму. Ведь именно только на этом факте базируется сегодняшнее утверждение, что перстень с сердоликом находится на указательном пальце, хоть и нет никаких других признаков, что это сердоликовый перстень. Но даже и без этой «витой» формы доказательств более чем достаточно.

Перстень с изумрудом

У Пушкина также был и золотой перстень с изумрудом, который он тоже называл своим талисманом. У этого перстня своя история. Как предполагают некоторые исследователи, перстень с изумрудом был подарен Пушкину 6 мая 1820 года не установленным лицом в день отъезда в южную ссылку. Перстень представляет собой золотое кольцо с гладкой поверхностью. Сам драгоценный камень квадратный, со слегка

Перстень с изумрудом,
кольцо с сердоликом

закругленными углами и несколько выпуклой гладкой лицевой поверхностью. Такая полусферическая форма обработки камня называется кабошоном.

После гибели Пушкина этот перстень достался на память Владимиру Ивановичу Далу. Перстень экспонировался и стал широко известен на Московской выставке 6 июня 1880 года. Экспонировался как собственность уже дочери В.И. Даля — О.В. Демидовой. После выставки он находился у президента императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича и был им завещан академии. В 1915 году перстень поступил в Пушкинский дом и сохранился до наших дней. Сейчас пребывает в фондах всероссийского музея А.С. Пушкина в С.-Петербурге (рис. 3). Размеры перстня известны: внутренний диаметр 21 мм, внешний диаметр 24 мм. Это современнный 21 размер. Исходя из антропологических данных, Пушкин мог носить этот перстень на большом пальце, на указательном или на среднем; с двух других он соскальзывал бы.

На сегодня считается, что Пушкин изображен с этими перстнями на полотнах художников Тропинина и Карла Мазера. Про перстень на тропининском портрете уже сказано, теперь немного о работе К. Мазера. Портрет написан после смерти Пушкина, в 1839 году. Он интересен документальностью аксессуаров. Небольшая картина была выполнена по заказу и при активном содействии близкого друга поэта П.В. Нащокина. На левой руке на большом пальце нарисован перстень, камень прорисован желто-красным. На этом основании (цвет камня) достаточно твердо предполагается, что изображен воронцовский сердоликовый перстень. Если же рассмотреть увеличенный фрагмент картины, то становится ясно, что этот перстень явно не сердоликовый, по следующим моментам:

1. Шинка узкая;
2. Размер и форма камня не соответствуют воронцовскому (сравнить с оттиском, рис. 2).

Этот перстень больше всего похож на перстень с амурами (рис. 8). Перстень с амурами был положен Пушкиным в дружескую лотерею в Крыму, и его выиграла М. Раевская, будущая жена декабриста Волконского. В общем-то достоверно известно, что этот перстень с амурами и с конца 1826 г. находился у Раевской-Волконской в Сибири, куда она выехала следом за мужем

Кольцо с сердриком

на каторгу. Поэтому перстень не мог быть изображен на этой картине.

Нарисованный перстень по форме также похож на перстень с изумрудом (рис. 3). Скорее всего это и есть перстень с изумрудом. Поэтому, учитывая, что портрет писался по памяти, можно достаточно уверенно предположить, что на пальце изображен перстень с изумрудом, а прорисовка камня желтым цветом ошибочна.

Нужно сказать, что при описании предметов с камнем, принадлежащих Пушкину, вначале было много ошибок, например: аметистовый набалдашник у трости в описании называли сердоликовым, путали в браслете яшму с бирюзой и еще несколько похожих ошибок. Длительное время смешивали историю перстня с изумрудом с историей перстня с сердоликом от Воронцовой. Даже известный знаток Пыляев дал путанное объяснение о камнях в перстнях Пушкина. Поэтому и на портрете К.Мазера вполне возможна путаница.

PS 1. Об этих перстнях можно добавить следующее. Достаточно твердо (на архивных материалах-воспоминаниях) можно утверждать, что оба этих перстня были с Пушкиным, когда он находился в Оренбургском крае, изучая историю Пугачева.

2. Менее вероятно, можно говорить о том, что оба эти кольца, но уже с разными владельцами опять побывали на Урале, в том числе в г. Челябинск в 1837 году. Будущий император Александр II со свитой путешествовал по своей империи и 7 июня проезжал Челябинск, о чем имеется запись в дневниках В.А. Жуковского. Жуковский был учителем Александра II и сопровождал его в этой поездке. В поездке по Оренбургскому краю — куда входил в то время и Челябинск — сопровождал Александра II и чиновник по особым поручениям В.И. Даль. Оба новых владельца Пушкинских перстней, как они пишут в своих воспоминаниях, также не расставались с перстнями. Поэтому можно предположить, что изумрудный перстень с В.И. Далем, а сердоликовый с В.А. Жуковским проезжали через Челябинск 7 июня 1837 года.

БАЛИЦКАЯ Анна Соломоновна (– 1910), публицистка.

Писала по вопросам благотворительности; авт. кн. «Отцы и дети». СПб., 1885; «По поводу сельскохозяйств. образования женщин». СПб., 1893; «Одна из причин нищеты». СПб., 1886; «Наша жизнь». [СПб.] 1889. Собр. в журн. «Воспитание и обучение» (1880-е гг.).

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАЛЛИНА Елена Степановна, издательница и переводчица.

Содержала книжный магазин в Харькове (1862-66), затем преобразованный в музыкальный. Издала научно-популярные книги, в т.ч. Дж. Тиндаля, М.Фарадея.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БАЛОБАНОВА (Балабанова) Екатерина Вячеславовна (1847 — 1927), историк литературы, прозаик, дет. писательница, переводчица, ме-муаристка.

Племянница поэта М.А.Демидова; библиотекарь Бестужевских женских курсов. Из рода потомственных дворян Демидовых Нижегородской губ. Владеа десятью языками и питая интерес к народному творчеству, Б. изучала рукописи в зарубежных архивах; путешествуя по Германии, Шотландии, Испании, записывала легенды и предания. На этом материале основаны ее исследования кельтской литературы, фольклорные труды и беллетризованная запись легенд. Занимательны и поэтичны ее произведения для детей. Б. выпустила также мемуарную книгу «Пятьдесят лет назад. Воспоминания институтки» (СПб., 1913). Написала также воспоминания «Мое первое знакомство с А.Н.Альмедингенем» \ \ Родник. 1909. № 3. С.435-437. Она — авт. работы «Библиотечное дело». Рец. на ее книги: «Рус. мысль», 1898. № 4. С. 140; Там же, 1902. № 2. С. 61; «Ист. вестн.», - 1914. № 3. С. 1111.

Русские писатели (портр.); Венгеров. Сл.; ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 1469; Голубева.

БАЛТАЛОН Вера

Авт. ст. «Литературные чтения детям» - «Рус. школа». 1904. № 7-8 (реферат, читанный в заседании отд. по начальным училищам Педагогич. об-ва в Москве).

БАЛТИНА А.А.

Авт. «Краткого очерка пчеловодства в Сергачском уезде» \ \ Нижегородский сборник. 1877. Т. 6.

Слов. рус. писательниц.

БАЛХИНА Ольга

(См. Толстая-Сухотина.Т.Л.)

БАЛЬМОНТ Екатерина Алексеевна

(См. Андреева-Бальмонт Е.А.)

БАЛЬТЮС Софья Антоновна (1811 —), литератор.

Дочь учителя франц. языка при Москов. унив. пенсионер. Авт. «Учебника франц. языка» (1850); кн. «Беседы молодых девиц». М., 1845.

Словарь рус. писательниц; Венгеров. Сл.; РНБ.

(Продолжение на стр. 87)

Владимир ЧЕРНОВ

Небо клиньями расклинено
Журавлиными.
Облаков косые линии –
Стрелы длинные.
Мне бы тоже вольной жизнью жить
И уметь летать,
Чтобы с ними над землей парить,
Плакать и кричать.

Прошлым веком изувеченный
Клен весенним днем
Вдруг зазеленел, излеченный
Молодым дождем.
Ветер листья перелистывал,
Заблудившись в нем.
Забавлялся и насвистывал
Что-то о своем.

Вскинув руки обрученные –
Сердце пополам.
Молодые нареченные
Покидают храм.
Им гвоздями пригвожденный бог
Молча вслед глядит.
И молитвы утонченный слог
Душу бередит.

Нам невинного вина букет
Согревает кровь.
Так один подвыпивший поэт
Выдумал любовь.
Уверял, но, неуверенный,
Путался в словах.
То стихи читал потерянно,
То кричал в сердцах.

Без тебя

Я с дороги собьюсь, я сопьюсь
Без тебя.
Заплутаю в ночи, хоть кричи
Без тебя.
Но молчит мне в ответ белый свет
Без тебя.
Да и света-то белого нет
Без тебя.

Я полжизни делю во хмелю
Без тебя.
Вот и лето пришло и ушло
Без тебя.
Только дождь все идет и идет
Без тебя.
И бледнеет от вод небосвод
Без тебя.

Горький вкус у вина – пью до дна
Без тебя.

И в пучину, в волну, в глубину
Без тебя.
Я туда не хочу, но лечу
Без тебя.
Своему палачу заплачу
Без тебя.

Поднимусь, побреду, как в бреду,
Без тебя.
Каждый месяц в году проведу
Без тебя.
Я руками беду разведу
Без тебя.
Я все двери запру и умру
Без тебя.

Опять ушла

Зов земли неистребим, и я
Босиком иду гулять.
От меня ушла любимая,
Где теперь ее искать?

Выйду в поле за околицу
По траве, по тишине.
А трава-зараза колетса,
Заплетает ноги мне.

Бьет в груди тяжелым молотом,
Стая мыслей скалит пасть,
Ведь любовь – она не золото,
Кто же мог ее украсть?

Плачут ивы, ждут прощенья,
Наклонившись у реки,
Создавая ощущение
Вслед протянутой руки.

Небо мучая зарницами,
Надвигается гроза.
Тучи пасмурными лицами
Затекают мне в глаза.

Вычисляю до бесчувствия
От утра до темноты
Степень твоего отсутствия
По объему пустоты.

Скачут формулы надменные,
Повторяя сердца ритм,
Подставляю переменные
В неизвестный алгоритм.

Оглушенный громоуханием
Под дождем стою. А ты
За пределами сознания
У созвездия Мечты.

В конкурсе, объявленном в № 10*2005 журнала среди подписчиков на первое полугодие 2006 года на УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, участвовали наши читатели: Володько Д. Г. (г. Москва), Черепанова Н.Н. (Башкирия Зилаирский р-н с. Зилаир), Ганина Т. Ф. (Пермская область пос. Полазна), Ануфриева С. А. (пос. Серафимовский, РБ), Василенко Григорий (Челябинская обл. с. Агаповка), Четчикова Г. В. (Волгоградская обл. г. Камышин), МУ «Централизованная библиотечная система» (Пермский край, г. Горнозаводск), Лившиц Р. С. (С.-Петербург), Центральная городская библиотека (Челябинская обл. г. Еманжелинск), Поротников М.И. (Хабаровск), Пикалова О.В. (Первоуральск Свердловской обл), Малиновский В. (Оренбург), Пчелкина А.П. (г.Витебск Беларусь), Шабанов М.В. (СПб - Пушкин).

В результате розыгрыша, проведенного 1 февраля, обладателем книжной серии «Урал. История в ликах городов», стал Малиновский В. (Оренбург), фотоальбома Евгения Савенко «По Чусовой» -Пикалова О.В. (Первоуральск Свердловской обл).

Подписка на 2 полугодие 2006 года журнала оформлена на Первоуральский детский дом.

Суперприз! Приглашение на участие в экспедиции по Приполярному Уралу на внедорожниках получил Вязовцев Михаил, г. Озерск Челябинской области. Поздравляем!!!

Владимир ЧЕРНОВ

Небо клиньями расклинено
 Журавлиными.
 Облаков косые линии –
 Стрелы длинные.
 Мне бы тоже вольной жизнью жить
 И уметь летать,
 Чтобы с ними над землей парить,
 Плакать и кричать.

Прошлым веком изувеченный
 Клен весенним днем
 Вдруг зазеленел, излеченный
 Молодым дождем.
 Ветер листья перелистывал,
 Заблудившись в нем.
 Забавлялся и насвистывал
 Что-то о своем.

Вскинув руки обрученные –
 Сердце пополам.
 Молодые нареченные
 Покидают храм.
 Им гвоздями пригвожденный бог
 Молча вслед глядит.
 И молитвы утонченный слог
 Душу бережит.

Нам невинного вина букет
 Согревает кровь.
 Так один подвыпивший поэт
 Выдумал любовь.
 Уверял, но, неуверенный,
 Путался в словах.
 То стихи читал потерянно,
 То кричал в сердцах.

Без тебя

Я с дороги собоюсь, я собоюсь
 Без тебя.
 Заплутаю в ночи, хоть кричи
 Без тебя.
 Но молчит мне в ответ белый свет
 Без тебя.
 Да и света -то белого нет
 Без тебя.

Я полжизни делю во хмелю
 Без тебя.
 Вот и лето пришло и ушло
 Без тебя.
 Только дождь все идет и идет
 Без тебя.
 И бледнеет от вод небосвод
 Без тебя.

Горький вкус у вина – пью до дна
 Без тебя.

И в пучину, в волну, в глубину
 Без тебя.
 Я туда не хочу, но лечу
 Без тебя.
 Своему палачу заплачу
 Без тебя.

Поднимусь, побреду, как в бреду,
 Без тебя.
 Каждый месяц в году проведу
 Без тебя.
 Я руками беду разведу
 Без тебя.
 Я все двери запру и умру
 Без тебя.

Опять ушла

Зов земли неистребим, и я
 Босиком иду гулять.
 От меня ушла любимая,
 Где теперь ее искать?

Выйду в поле за околицу
 По траве, по тишине.
 А трава-зараза колетса,
 Заплетает ноги мне.

Бьет в груди тяжелым молотом,
 Стая мыслей скалит пасть,
 Ведь любовь – она не золото,
 Кто же мог ее украсть?

Плачут ивы, ждут прощенья,
 Наклонившись у реки,
 Создавая ощущение
 Вслед протянутой руки.

Небо мучая зарницами,
 Надвигается гроза.
 Тучи пасмурными лицами
 Затекают мне в глаза.

Вычисляю до бесчувствия
 От утра до темноты
 Степень твоего отсутствия
 По объему пустоты.

Скачут формулы надменные,
 Повторяя сердца ритм,
 Подставляю переменные
 В неизвестный алгоритм.

Оглушенный громоуханием
 Под дождем стою. А ты
 За пределами сознания
 У созвездия Мечты.

СОФЬА ПЯТВОРОГ

(Документально-литературная версия)

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ПОДБОРЬА

днако поначалу у нее шли одни девки.

В апреле 1474-го родилась первая дочь Елена, совсем недолго глядевшая на свет Божий. Через год в мае появилась вторая — Феодосия. А в следующем мае, едва похоронив Елену-первую, Софья опросталась третьей дочерью, которую тоже нарекли Еленой.

(Эта пожила, что называется, за двоих. В свои девятнадцать стала она женой великого князя литовского Александра, крепко держалась в Литве за веру православную и была в этой неуступчивой стране едва ли не резидентом своего отца-самодержца.)

Надо ли говорить, как тяжело переживала Софья Божью немилость. Как нетерпеливо ждала она сына. Впрочем, сильного материнского инстинкта мы в ней, увы, не наблюдаем, хотя и выносила она под сердцем десятерых. Но надо и то сказать, что двум сильным инстинктам бывает трудно ужиться в одной женщине. Они тогда соперничают, и один непременно должен уступить позицию.

Софья не была матерью. Софья была ЖЕНОЙ.

Но чтобы утвердиться и чувствовать себя хозяйкой в этой роли, ей нужен был сын — наследник как византийской, так и российской самодержавной короны. Какие только снадобья не перебрала, доверяясь бабьему знахарству. Сколько раз навещала обитель Троицкую, вымаливая у св. Сергия милость мужеского зачатия. А все не в коня корм. И надо думать, что до 1479 года ипостась жены давалась ей с трудом.

С тем большим рвением обратилась она к давно назревавшему новому конфликту с Ордой. Жена и политик в женщине — это одного поля ягоды.

В дела ордынские Софья мешалась смелее, чем во внутреннюю новгородскую свару, куда ей, «римлянке», открытая дорога заказана была. Смутно помнилось, как первыми встречали ее хлебом-солью еще только слегка напуганные Москвой псковичи и новгородцы и как через толмача обещала она им опас от великого князя. Конечно, обещания и умильные впечатления от встречи выветрились давно, затмились полной уверенностью, что Новгород со Псковом, как и ее несчастная Морея, не могут быть перстом, указующим длани. А длань — это новая, взамен Византийской, ее, Софына, империя. Она ее мнит и видит внутренними очами. А лепить будет твердо и жестко руками государя. Чем жесточе, тем неповаднее для бояр и посадки. Но не дай Бог, если Иоанн либо москвяляне ее, «римлянки», волю здесь почуют-углядят. Не да-ай!

Орда — совсем иное дело. Орду боится и ненавидит вся Русь православная. Терпит, льстит, платит за морским и закаменским серебром, задабривает дарами, приносит жертвы на алтарь поганым вплоть до

(Окончание. Начало в № 1, 2006)

человеческих, кривясь и морщась, пьет ее кумыс, целует захватанную ханскую басму, отдается по-бабьи силе татарской, а при случае жестоко мстит, как при Донском, и — ненавидит, ненавидит, ненавидит.

Так, оказавшись в крепких и грубых руках умыкателя, бессильно и иступленно колотит жертва кулачками по потной и нечувствительной спине...

В неприязни к Орде можно было быть открытой, не боясь, что кто-то тебя осудит или уличит в неискренности. А поводов для изумления и протеста ромейской принцессы было больше, чем достаточно.

Что, например, являла собой в дософьино время процедура приема ордынских послов на Москве? Послов — не хана! Великий князь пешком выходил им навстречу, низко кланялся ханской басме, подавал первому из послов сосуд с кобыльим молоком, а капли его, падающие на гриву коня, самолично слизывал губами. Татарину, читающему ханское письмо, он подстилал под ноги шубу, подбитую соболями, а сам с младшими князьями и боярами на коленях слушал чтение. Эти детали узнаем мы не из летописных наметков, а из уст современника Иоанна III — польского дипломата и каноника Яна Длугоша. Летописцу непозволительно было такое фиксировать.

И то сказать, ни для кого не секрет, что в своем унижении, как и в мести, Русь доводит себя до края.

По преданию, на той площади, где князья великие встречали ханскую басму — образ, болван, деревянную дощечку с изображением хана* — был выстроен храм, получивший в народе название Спаса Преображения на Болвановке. С таким названием и поныне существует церковь во 2-м Новокузнецком переулке Москвы.

И Софья подавала голос, где могла, не сдерживаясь и ничем не рискуя.

То и дело брюхатая, она до той поры редко и неохотно появлялась на людях, чувствуя их неприязнь к «римлянке». Да и в Москве деревянной, игрушечной никак обвыкнуться не могла. А как начали накаляться отношения с Ордой, повозку с Софьей, а то и саму ее то и дело стали встречать на московских улицах.

На территории тогдашнего Кремля было татарское подворье — вместительный дом, где жили ханские послы, чиновники и купцы. Своего рода ханская резиденция. Его-то и избрала Софья объектом своего прилюдного протеста. А действовать решила через жену хана заволжской Орды — Ахмата. Собрала толпу лукавых даров и снарядила к ханше посла с письмом. Мол, на том кремлевском месте, где подворье ордынское, было ей видение храма, и не изволят ли великая то место отдать под новый храм, а дом перенести на другое.

Царица Софьиного лукавства не углядела и согласилась. Подворье живо раскатали, заложив на его месте церковь — Николы Гостунского. А предоставлять новое никто и не помыслил. Похоже, что послов и уланов ордынских с той поры уже в Кремль не впускали.

А однажды весной, незаметно перетекающей в лето, и впрямь случилось с Софьей чудо. Неумно потянуло ее опять в Лавру, в распаханную, взявшуюся зеленью ее округу, дышащую черноземной плотью.

Собиралась нетерпеливо, взяв только ближайшую к себе боярыню Плещееву. Каретой домчались до конца посада и отпустили. Дальше путь лежал пеший, подсохшими нахоженными тропами богомольцев. Эти общие тропы, скромное одеяние, Софья знала, не выделяли ее теперь из прочих паломниц. Случайные попутчики почти не поднимали глаз, ибо помыслами были уже далеко от Москвы и ее великой княгини.

Наконец очередное посещение Сергиевой обители явило Софье чудо. В пустынном месте за монастырским селом Клементьевым, где Софья ненароком оказалась одна, в туманце предвечернем, от пашни исходящем, увиделся ей сначала лик, а потом и сам святой Сергей в светлом, как бы даже мирском облачении. Вот ближе он и ближе. Парит и стелется распаханная земля под его ногами. Боясь потерять видение, Софья закрыла глаза и вдруг узрела на руках у Сергия младенца мужеска пола...

Силы, а похоже, что и сознание, на мгновение оставили ее. А когда добрела до храма, до усыпальницы святого, то упала перед ней на колени и в иступлении принялась лобызать нетленные мощи.

— И ныне молимся Тебе, Боже наш, услыши ны молящиеся Тебе, и отверзи нам сокровище Твое великое и благое и небесное, и излей благословение Твое... и отжени от нас вся снедающая плод наш земный...

Утром карета мчала ее с Плещеихой в Москву. Вспугнутые богомольцы крестились и шарахались прочь. Софья готова была сама воссесть на облучок, взять в руки хлыст и погонять, погонять...

Запахавшаяся, распаханная, ни дать, ни взять — океанида, влетела она в чертоги своего царя. Темный сбившийся плат богомолицы оттенял гневные и счастливые ее глаза. Впервые не смущаясь присутствием бояр и тотчас уловив, о чем у них разговор, Софья сказала твердо и всеуслышно, что ехать в Сарай великому князю уже не след и посылать туда кого бы то ни было — тоже. И что отныне дорога в Орду одному только мечу не заказана.

Иоанн вспыхнул невольной улыбкой, глянув на жену, а бояре потупились.

Наш государственный В.Н.Татищев в своей «Истории Российской» доносит до нас такие вот прилюдные

* Историк Дмитрий Иловайский, ссылаясь на своего литовского коллегу Теодора Нарбута, считает, что басмой называли изображение не лика ханского, а отпечаток его ступни, и не на дереве, а на воске. И если, предполагает Иловайский, от того же слова произошел «башмак», то версия вполне приемлема.

слова Софьи: «Отец мой и я захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать; я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям, для веры вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками; разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за честь свою и за веру святую?» (Рабами Софья именует тех из ближних к царю бояр, что советовали ему не спешить жечь мосты и не сердить хана Большой Орды, коему ныне пофартило в Крыму и ничего не мешает теперь двинуть своих уланов и на Русь.)

Лихое наступило время на Москве.

Год 1479-й начался очередным пожаром. Уже на девятый день сентября полыхнуло и занялось, правда, не вблизи Кремля. Но Софью в этот раз и пожару было не взять. Она нашла свою стезю и поверила явленному чуду.

Летописи сообщают нам, что в Орду Иоанн и впрямь не поехал и не отпустил никого. А когда рассерженный Ахмат через послов потребовал полного выхода (дани), случилось и вообще непредставимое: Иоанн изломал посланную ему ханскую басму, бросил оземь, топтал ногами, а послов велел поубивать — всех кроме одного. «Ступай, — сказал будто бы оставленному в живых, — объяви хану: что стало с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое».

С.М.Соловьев не доверяет источнику — «Сказанию о царстве Казанском», — поведавшему нам о сем происшествии, считает, что это уж слишком для осторожного и хитромудрого Иоанна. И мы не будем ни настаивать, ни опровергать сие известие, а продадим, за что купили. Скажем только, что мартом того же 1479 года Софья разрешилась от бремени мальчиком, которого нарекли Василием. Придет его время, и станет он царем вся Руси, а более того — станет отцом другого ее царя — Иоанна Грозного.

Да, веселое наступило время для Москвы. Пришла пора поквитаться с татарами-язычниками за двухвековые унижения. И фартило Иоанну, а Ахмату хронически не везло. Тринадцатое число — оно такое: кому, говорят, война, а кому — мать родна.

Вспомним хитроумный и жестокий поход Иоанна на Новгород Великий, уже поставленный им на колени. Хитрая, вдохновенная воля правила государем, когда появился он пред воротами града с малой тысячей войска — словно бы и вовсе с миром шел. А следом в дне ходьбы катилась несметная рать, собранная якобы для брани с немцами. Заставы, с умыслом расставленные на дорогах, отлавливали всех, кто мог принести Новгороду весть об очередной напасти. Во всем чуялась лукавая рука ликеевской океаниды. Проникнув хитростью в город, Иоанн и там ведет себя двуликим Янусом: народу на площадях говорит о мире всем невинным, а на деле правит суд как самодержец, сотнями отправляя жителей вечернего города на пытки, а потом на плаху. Именно тогда, как красиво выразился Карамзин, и «умолкает особенная история Новагорода».

За таким-то делом государевым и застает Иоанна весть, что разгневанный хан Большой Орды двинул свои несметные полки на Москву.

Иоанн мигом оказался в столице, вблизи Софьиной опочивальни. И ни тени страха в нем, ни капли сомнения. Он тотчас беспрекословно мирится с братьями, с коими ничем не хотел делиться по наследственным правам. Наобещав им щедрот, посылает одного из них — Андрея Меньшого — в Тарусу. Своего сына от первой жены — Марьи тверской — Иоанна Молодого, уже вставшего на крыло и готового сыграть в истории свою трагическую роль, тоже ставит во главе войска и посылает в Серпухов. Сам отправляется в Коломну. Берега Оки, защищающей Москву, были заняты Иоанном.

Воеводы начеку. Москва насторожилась. Русь собрана в кулак.

Ахмат, видя, что все удобные перевозы и броды пестрят знаменами великого князя, избирает обходной путь — через Мценск, Одоев и Любутск — и встает станом на реке Угре, даже не рискуя войти в ее воды. Потому что и на Угре Иоанновы знамена опять оказываются первыми. Ахмат ждет помощи Казимира, которая всегда обещана, но никогда не приходит. И этот вынужденный обходной маневр, и Казимирова непредсказуемость уже играют на руку Москве. Конечно же — пока судьба, то бишь ликеевская нимфа-океанида, в руках царя, в его домашнем обиходе.

Но вот летописец сурово вешает нам, потомкам, что жену свою «римлянку» с казной Иоанн предусмотрительно отправил на Белоозеро, дав ей наказ уходить и еще дальше на север, если Ахмат возьмет Москву. «Бе бо она тогда была на Белоозере, егда царь (Ахмат. — Авт.) на Угре стоял», — говорит, например, летопись Симеоновская. «А свою великую княгиню Римлянку и казну с нею послал на Белоозеро», — вторит Львовская летопись.

Зато вот мать великого князя — инокиня Марфа — так та не захотела уходить, осталась с защитниками столицы.

Этот факт летописец ставит в укор и Иоанну, и Софье. «Княгиню великую с казной отправил подальше», — ворчливо повторяют вслед за летописцем и историки.

А почему бы нам не вспомнить, что не с казной только она поехала в Дмитров, а потом на судах и на Белоозеро (казну было кому охранять), а отправилась с двумя малолетними дочерьми, с полугодовалым наследником Иоанна — Василием и с четырехмесячным Юрием, родившимся (в таких случаях говорят: удача пошла!) ровно через год после наследника. Можно ли за такой «побег» хоть бы словом одним укорить

«римлянку» ли или простую русскую бабу?

Белоозеро, кстати сказать, наверно, не Иоанн выбрал для Софьиной отлучки, а она сама. Летописцы — народец себе на уме. Белоозеро — это, мол, и так у черта на куличках, а если что, так и еще дальше великий князь велел — «к Окиян морю» (Львовская летопись).

Вот какой «римлянке» с казною опас от князя! И ни слова здесь о том, что отправилась-то Софья не к кому-нибудь, а к племяннице своей — супруге молодого удельного князя Дмитрия Вереяского, в княжество, которое одним из немногих еще оставалось не в границах Москвы, а обреталось удельным. Словом, самое житейское дело — к родственникам поехала Софья, обремененная детьми.

Но вот ведь какая история: стоило Софье оказаться вне досягаемости мужа, как воля и уверенность тотчас покинули его. Отправив сына и брата с войсками на Угру, сам Иоанн подхватился... в столицу, наказав по первому его из Москвы зову и воеводе Холмскому, и сыну ехать туда же. Зачем поехал Иоанн в Москву? Для совета с матерью, митрополитом и боярами. Можно оправдывать и объяснять поведение великого князя тем, что он «имел славолюбие не воина, но Государя» (Карамзин). Можно ссылаться на подстрекательства «рабов», «шептавших» государю, что ему лучше искать мира, а не битвы на Угре. Но ничего ведь не изменилось в ситуации — только Софьи рядом не стало. А у Иоанна уже все пошло наперекосяк.

Московляне, конечно, бросились в панику — великий князь бежит от хана и выдает их татарам! 22-летний Иоанн Молодой наотрез отказался покинуть войско и ехать в Москву. Митрополит и все духовные возвысили голос протеста. Можно сказать, Москва не впустила великого князя, не открыла ему ворот Кремля, и он расположился в Красном Селе.

Москву спасла тогда от татар только неуверенность Ахмата и его боязнь подвоха. Он никак не ожидал, что опустевшая опочивальня приведет царя в такой конфуз — а ну как что-то замыслили русичи... Как заметил историк Костомаров, на Угре сошлись две трусости — Иоанна и Ахмата. Повезло трусости Иоанновой — Ахмат увел свои войска.

Но так или иначе, власть Орды над Русью кончилась.

ВТОРАЯ ОТЛУЧКА СОФЬИ

а пороге зимы 1498 года Софья вернулась из Рязани в Москву.

Историков сия фраза удивит и озадачит: где, в каком таком источнике обнаружил автор сведения о пребывании Софьи Палеолог в Рязани? А нигде не обнаружил. Придумал — и все тут. Вольно же было летописцу вымысливать, скажем, что у великого

князя киевского Владимира Красное Солнышко в его дохристианскую пору обреталось, помимо жены, шестьсот наложниц — двести в Киеве, а четыреста в округе? Или вот про Шелонь летописная байка, о коей уже говорилось. Да мало ли в русских летописях сказок и небылиц, коих можно было без труда избежать, пребывая в исторической близи событий.

А что делать нам, не могущим заглянуть за горизонт, но чувствующим, что элементарная логика ну никак не может допустить присутствие Софьи в Москве, когда там совершились любому прилежному школьнику известные события.

В Рязань на свадьбу мужниной племянницы уезжала Софья богоравной монархиней, а вернувшись, не узнала московлян: бояре, завидя ее, сухмылкой опускали очи долу, а иные так и перстом на нее пляли. Хоть ты и великая, мол, но опальная, царю-супругу не угодившая княгиня. И поделом тебе, римлянке спесивой.

Восстановим стремительный ход событий, что случились после отъезда из Москвы государевой сестры Анны, великой княгини Рязанского, пока еще удельного, формально Москве неподвластного, княжества.

Она приезжала к брату погостить, была обласкана без меры — жена и сноха великого князя словно бы соревновались в угоде князевой сестре, демонстрируя семейный лад. А от самого державного брата получила она настоятельный совет обвенчать свою дочь с князем Федором Ивановичем Бельским * и отбыла в Рязань с почестями. Почему бы и великой княгине не погостить в Рязани и не погулять на свадьбе племянницы Иоанновой? Туч над головой она, похоже что, не замечала.

Впрочем, в данном случае не будем сильно настаивать на Рязани — не суть важно, где была Софья, важно, что в Москве ее в это время, на наш взгляд, быть не могло.

А что же произошло в Москве в краткое время отсутствия Софьи?

Мы с вами знаем уже, что Софья Фоминична была второй женой Иоанна. В первый раз его 12-летний мальчиком женили на тверской княжне Марии, и у них через шесть лет появился младенец, коего тоже нарекли Иваном.

Он подрастал, имел уже виды на великокняжеское наследство, отец приблизил сына к делам государевым, и подписи их на важных документах уже стояли рядом, а чтобы различать двух великих князей московских, сына стали именовать Иваном Молодым. Царила еще на Руси удельная самость. И вечевому Новгороду еще ничто не угрожало. И в случае какой военной оказии собирал великий князь московский дружины удельных князей под их собственными стягами.

Конец удельной идиллии положила неожиданная смерть великой княгини Марьи и последовавшая за сим женитьба Иоанна на ромейской принцессе. Российская история круто взяла руль на единодержавие. Круто — конечно, по понятиям историческим. Лицом к лицу с переменами они не так бросались в глаза. Иван Молодой по-прежнему ходил в престолонаследниках. Москва не могла на него наглядеться — статный, весь в отца, но подтверже разумом — мы помним, например, как он, вопреки абсурдному приказу великого князя, отказался покинуть позиции на Угре.

Пришло время, и Ивана Молодого женили на дочери молдавского господаря Стефана — Елене, получившей от москвлян теплое прозвище Волошанка, и она счастливо разрешилась от бремени мальчиком. Но ход истории, идущей теперь по державному сценарию Софьи, уже нельзя было никак остановить. И юному Димитрию была уготована судьбой ужасная участь. Но опять-таки не вдруг.

Занедужил ломотой в ногах Иван Молодой. И подвернулся под руку лекарь, некий Леон — тоже заморская штучка, — прибывший на Русь по следам принцессы Софьи. Он клятвенно заверил Иоанна, что поставит на ноги его сына, и поручился за то своей головой. А Молодому все хуже и хуже, и очень скоро, опечалив боярскую Москву, он скончался на руках жены и сына от некоего камчюга. Несчастный лекарь лишился, конечно, головы. Обиженная Москва кивала на Софью — ее, мол, проделки. Но государыню, как мы знаем, сам преподобный Сергей Радонежский благословил наконец сыном. Тимофеем — по святцам, и Василием — по крещению. Русь Московская в Софью колею вошла.

И вдруг буквально в одночасье, проводив сестру и супругу в Рязань, Иоанн отвернулся от должного сына и поставил рядом с собой на государево место внука — Димитрия. Открылся вдруг некий заговор. Якобы малолетний Василий, то бишь его подручные из детей боярских, восхотели казну захватить, а с Димитрием расправиться. И что весь этот заговор от Софьи идет, что ходят к ней в опочивальню какие-то старухи-приворотницы и на черное дело подбивают... Последовали жестокие казни, обагрившие кровью лед и воды Москвы-реки. По степени вины кому-то рубят только головы, а кому-то сначала руки. Старух-приворотниц топят, как котят. В числе казненных — дьяк Василий Гусев, который — года не прошло — составил по цареву приказу новый свод законов — второй после «Русской правды» Мономаха. Следует пышное, шумное, по всем летописям прошедшее первое на Руси венчание на великокняжеское наследство — внука Димитрия. С участием в фарсе всех Иоанновых сыновей, кроме Василия. И, добавим, кроме Софьи, ибо о ней в эту пору на Москве — ни звука.

Словом, Елена-Волошанка и ее сын Димитрий под ликование бояр-бородачей без всяких види-

* Об этом князе, правнучке легендарного литвина Ольгерда, польский историк Кромер рассказывает такой анекдот. Якобы три северских князя (северская округа принадлежала тогда Литве), недовольные Казимиром, приехали в Вильну, чтобы выяснить с королем свои отношения, но королевский цербер не позволил им даже войти во дворец, и, сильно хлопнув дверью, зашиб одному из них ногу, за что якобы и поплатился потом жизнью. Но этим Казимир князей не умилоствовал, и они, кровно обидевшись, ушли от литовского короля в Московию. Бельский, так тот, бестия, даже оставил в Литве свою юную супругу на другой день после свадьбы. Иоанн между тем милостиво его принял и дал в отчину городок Демон. А вскоре и новую супругу ему нашел в лице своей рязанской племянницы. Было, значит, время позаигрывать с Литвой в родство, а было — и пальцем погрозить.

Скажем кстати, что род князей Бельских в России через два века иссяк и пресекался. А для уральцев он памятен одним из потомков Федора Ивановича: Бельский Федор Самойлович в XVII веке служил воеводой в Перми и составил переписные книги Перми Великой Чердыни.

мых усилий повернули колесо истории вспять. И нас хотят уверить, что Софья все это время сидела в своем тереме и взирала на происходящее, сложа руки?

Это маловероятно. Скорее всего, Иоанн, снова, как и в пору нашествия Ахмата, оказавшись без руля и ветрил (с ним рядом даже мудрой матери уже не было), в очередной раз наломал дров. А многочисленные Софьины ненавистники ему в том охотно потворствовали.

Разве может этот исторический эпизод краткого, импульсивного возвышения внука подтвердить или упрочить сложившееся мнение о мудрости Иоанна, его неспешности в решении дел государевых?

Дотошный историк скажет мне, что этот семейный раздор был не единственным на Иоанновом веку, и напомнит историю с драгоценным узорочьем.

А дело было так. Умиленный рождением внука, Иоанн решил одарить сноху Елену-Волошанку поясом, оставшимся ему от первой его жены Марии. Но тут оказалось, что поясом тем уже самовольно распорядилась Софья, подарив его своей верейской племяннице, тоже Марии. Ох и разгневался Иоанн, узнав о том! Но на кого тогда пал гнев его? На Софью? Ничуть не бывало. На ее племянницу? Ни-ни. А пал он на безвинную голову Верейского князя Василия, Марьиного мужа. Потому что Иоанн искал тогда любого повода, чтобы одно из последних удельных княжеств присоединить наконец к Москве. Он мог и про пояс знать, да лукаво сделать вид, что не ведает. Подобного лукавства Иоанну Васильевичу было не занимать-стать. Ту роль он играл как раз по Софьиному сценарию.

Но это — к слову.

Итак, по приезду Софьи Иоанн долго не показывался ей на глаза — государевы, мол, надобности. А Софья и не напрашивалась, держалась так, как будто ничего не произошло. Но встречи и разговора было все равно не избежать. И Софья, как могла, постаралась облегчить Иоанну тяжесть первого свидания. Встретились будто бы на бегу, будто бы походя между делами и заботами. Мир не перевернулся, Москва-река вспять не потекла.

Иоанн приобнял Софью, не глядя ей в глаза, а она улыбнулась, как ни в чем не бывало, и тут же с ужасом обнаружила на государе... запыленные сапоги! И словно забыв про Иоанна, стала звать и искать виновных в нарушении этикета, дворец на ноги подняла. Ведь вот и на время отлучиться нельзя. Это великому князю, негодовала Софья, собрав вокруг себя высокопоставленную челядь, еще пристало показываться на людях в пыльных сапогах, но не государю Руси Московской!

Иоанн вовсе не таких упреков ждал. Все эти дни после крови и казней он места себе не находил. Кровавый пир быстро сменился похмельем. Он не мог найти и соединить концы своих поступков, они не давались, ускользали от него. Ждал Софью и боялся ее возвращения. Ждал гнева ее, искал слова протеста: разве не вправе он решать судьбу престола? И тут же с ужасом понимал, что это не он, не он решил! Он, как и на Угре, праздновал труса!

И вдруг этот очистительный переполох из-за пыльных сапог... Неслышные слезы благодарности к Софье сразу закипели в нем. И никаких больше слов, никаких сомнений. Хотелось обнять ее седую голову и целовать, целовать... А Софьи уже нет рядом, уже голос ее слышен в гостевых палатах, и челядь стоит на ухах, и ближние бояре знают, что попасть теперь Софье на глаза, значит, самим подписать себе смертный приговор...

А вечером Иоанн вошел в Софью опочивальню и, встав перед ней, развел руки в стороны. Вот так, мол, сама видишь. Что есть, то есть.

Софья в рубашке сидела на краю постели и расчесывала волосы.

— Ну что же, — почти неслышно сказала она, словно продолжая давно начатый разговор. — Ты сделал так, как хотели твои послы. И это твой, государев, выбор. Ты волен в нем.

— Послы? — настороженно спросил Иоанн.

— Разве тебе не докладывали? Или запамятовал в заботах?

— О чем?!

— Как Ряполовские твои поклоны великому князю литовскому правили, когда сватали Елену: сначала от внука Димитрия, а потом уже от сыновей твоих... Выходит, еще во-он когда знали-ведали.

Более жестокого удара Иоанн ожидать не мог. Да, в нем то и дело вспыхивала досада, что выбор сделан был не им. Но то была тайная боль, казалось, его только мучившая. Но чтобы убедиться в этом столь явно!?. Чтобы его, государевы, слуги предвосхищали царевы действия и, довольные, потирали руки за его спиной?!

Теперь для него сразу все стало на свои места.

— Кто дьяком с Ряполовскими ходил? — спросил Иоанн, наливаясь державным гневом.

— Не помню, — устало ответила Софья. И добавила, как вторую пощечину: — Да ведь тогда все твои бояре о том шептались. Тебе про свадьбу-то в Рязани поведать ли?

Иоанн выбежал из опочивальни, уже не слыша ее.

Тут надо еще раз пояснить читателю, что институт послов при Иоанне только-только зарождался на Руси, как и самая московская державность. Затевались они в атмосфере глухого противостояния

боярской старины и болезненной Иоанновой подозрительности и самомнения. Назвать его только великим князем, не добавив титла «государя», переставить слова в царевом наказе — было проявлением самоуправства и смуты. Мы не знаем, как обстояло в Вильне, когда послы Ряполовские передавали Александру государевы поклоны, но знаем, как должны были передать: от всех сыновей Иоанна, а потом уже от внука Димитрия. То есть в 1494-м у Иоанна и мысли не было возвышать внука. Знаем мы и то, с каким неостывшим гневом напутствовал царь послов к польскому королю сразу после опалы Димитрия, требуя, чтобы они «во всем себя берегли, а не так бы делали, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Васильем». Именно «высокоумничество» и стоило первому из князей головы, а второму — монастырского заточения. А высокоумничать Ряполовские могли, поменяв в угоду боярам государев «ранжир» и поставив поклоны от Димитрия впереди сыновей Иоанна.

Так или иначе, но Иоанн Васильевич тотчас переменял кнут на пряник. И сколь сладок был пряник, столь горек явился кнут. Симеону Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке. Кого-то в монастырь отправили, кого-то под стражу. «А внука своего посадил в камень, и железа на него возложил», — сообщает нам Архангельская летопись.

Все вернулось на круги своя. Сыну Василию оставил государь свой трон. И отнюдь не последней была в том заслуга Софьи Фоминичны. То, что любознательный пришелец Герберштейн, а за ним и наш Карамзин называют «тонкой греческой хитростью», было именно проявлением в ней женской природы, той самой опосредованной невзначайности и непричемности, которых мы не умеем или не хотим замечать в исторических деяниях. Забываем, что все они (деяния) в плане психологическом — творения двух слагаемых начал. И, рассматривая любую ситуацию, надобно следовать французской мудрости: «Cherchez la femme!» — «Ищите женщину!».

После той трагической Софьиной «отлучки» ей оставалось жить не долго — чуть больше трех лет. Почти на столько же — в болезни и немощи — пережил ее и великий князь.

«Летописцы ничего не говорят о скорби и слезах народа», — комментирует эту смерть Н.М. Карамзин.

БАЛЬЦ Вера Александровна (1866 – 1943), авт. популярных книжек.

Преп. Стебут. выс. жен. курсов сел. хоз. Авт. кн.: «Что дает наука сельскому хозяйству?» Попул. очерк. Л., 1925; «Биология в отрывках из произведений известных натуралистов» (колл. сост. в т.ч. Б.). Л., 1926.

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАЛЯСНИКОВА Е.

Публиковала стихи в газ. «Правый путь» (Оренбург, 1907). Голдин.

БАРАКСАН Нина

Печаталась в «Сибирском листке» (1917).

Голдин.

БАРАНОВА В.

Авт. ст. «Дети — блюстители порядка» — «Пед. листок», 1914. Кн. 1; «Нововведение в американских школах» — Там же. Кн. 7; «Школьное следствие в Нью-Йорке». — Там же. Кн. 5.

БАРАНОВА О.

Сотр. «Нового слова» (1896).

Венгеров, Источ.

БАРАНОВА-ШЕСТОВА Наталья Львовна

Авт. кн. «Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников». Париж, 1983. Вып. 1 и 2.

Кн. рус. зарубежья.

БАРАНОВСКАЯ А.

Народный учитель. Сост. «Легкую азбуку. Первую книжку для детей» (СПб., 1898), а также «Друг детей в школе и дома. Первая книжка после азбуки». Одесса, 1901.

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАРАНОВСКАЯ Антонина Дмитриевна, редактор-издатель.

Издавала кн. «Пряник осиротевшим детям: Сб. в пользу убежища о-ва Детская помощь. Собран усердием В.Н.Гордина». Пг., 1916.

РНБ.

БАРАНОВСКАЯ Кирилла Романовна (псевд. Фальк, Кирилла), переводчица.

Масанов.

БАРАНОВСКАЯ Мария Л., писательница.

Авт. кн. «Зигзаги любви: (Преступный гипноз)». Рига, 1936; ром. «О счастливой любви четырех мужчин». Рига, «Мир», 19? Алексеев А.Д.

БАРАНОВСКАЯ Стефания Болеславовна, драм. писательница.

Венгеров. Источ.

БАРАНОВСКАЯ Таисия Петровна 1831 — 1903), дет. писательница.

За несколько дней до смерти она послала Венгерову свою автобиографию-воспоминание. В ней фигурируют отец, мать, пансион, отец композитора Серова, чтение Жорж Санд, Гоголя; первые новеллы в журн. «Шахерезада» Полевого; статья в «Сыне Отеч.» А.В.Старчевского. Б. называет (что могла припомнить) свои произведения. В их числе «Сельский учитель», «В семье не без урода», «Темные уголки», «Искушение», «Записки врача», «Из воспоминаний сироты» и др. — в «Сыне Отеч.» Сотр. в «Илл. газете», «Модном магазине» Софьи Мей, «Колосьях» Трозинера. Авт. восп. «Из военного времени. Подвиги сестер милосердия» во «Всемир. Илл.» Написала повести «Корнелия Ивановна» и «Нелида». Авт. кн. «Сказка о подвигах дуракопляса». СПб., 1870.

Венгеров. Сл.; РНБ.

(Продолжение в следующем номере.)

Страна озер и тишины

Недалеко от Челябинска, в самом сердце Южного Урала, расположился край озер, тишины и покоя. Шум и суета большого города остались там, далеко за лесом. А здесь прозрачный, напоенный хвойным ароматом воздух заставляет дышать полной грудью, мягкий ветерок успокаивает нервы, а водная гладь ласкает взгляд.

Еще 100 лет назад озеро Подборное в Челябинской области славилось своими целебными свойствами. Жители окрестных деревень Троицка, Пласта, Южноуральска, Увелки и Хомутинино пешком отправлялись за волшебной водой, исцеляющей душу и укрепляющей тело. В теплое время на берегу озера вырастали палаточные городки. Среди местных жителей ходило поверье, что озерная вода, грязь и рапа лечат все недуги.

В пятидесятые годы прошлого века изыскательские работы природных источников Хомутининской местности полностью это подтвердили, и 15 лет назад на берегу озера Подборное уютно устроился санаторий «Урал».

На сегодняшний день российская здравница стала лидером курортной отрасли в регионе. Минеральная вода пяти озер по своим свойствам признана одной из лучших. Уникальным действием на организм обладают и лечебные грязи, и рапа озера Подборного. В санатории «Урал» лечат заболевания желудочно-кишечного тракта, нервной системы, опорно-двигательного аппарата, кожи, эндокринной системы и нарушения обмена веществ. И это еще не все. Проктологические и урологические заболевания тоже не проблема для местных врачей. В здравнице успешно справляются с гинекологическими заболеваниями, в том числе бесплодием.

Гордость «Урала» — единственное в России иммуно-реабилитационное отделение со специальными комфортабельными безаллергенными палатами.

Кроме традиционных видов лечения в «Урале» к услугам отдыхающих центр красоты и здоровья, открывшийся в феврале. Лучшие пластические хирурги помогут вам стать красивее, стройнее и увереннее в себе. Кстати, в стоимость путевки входят консультации врачей узких специальностей и лечение в стоматологическом кабинете. А

чтобы на красивом лице сияла белозубая улыбка – к вашим услугам протезисты.

Нужно добавить, что в санатории «Урал» можно не только подлечиться, но и развлечься, заняться спортом. Здесь есть сауна с бассейном, тренажерный и спортивный залы, библиотека, видеосалон, бар, прекрасный зимний сад с каминным залом.

Если у вас нет времени надолго задержаться в этом райском уголке, можно приехать на два или пять дней – действуют краткосрочные путевки. На праздники 23 февраля и 8 Марта сотрудники санатория приглашают к себе в гости всех, кто желает отдохнуть весело, а главное, с пользой для здоровья. Даже день-два, проведенные среди заботливого ухода, правильного лечения и питания, чистого воздуха, способны вызвать необыкновенный прилив жизненных сил. С семьей или одному – выбор тоже за вами. Каждый отдыхающий здесь единственный, неповторимый и всегда прав. Не верите? Убедитесь в этом сами! В «Урал» легко приехать любым видом транспорта: сначала до Челябинска, а затем 90 км на юг электричкой, автобусом, такси и своим автотранспортом до с. Хомутинино Увельского района.

Путёвку можно приобрести в санатории, предварительно сделав заказ по телефону: (36166) 200 22; 200 23;

2 00 20 - диспетчер – круглосуточно;
(351)278 80 94, 278 80 95. E-mail: kozionova@mail.ru

Также подробная информация размещена на нашем сайте:
WWW.URALSAN.RU

Вид на озеро Подборное

Детская площадка

★★★★★
САНАТОРИЙ
Урал

Александровский сад

Тел: (36166) 200-22; 200-23;
200-20.

диспетчер – круглосуточно;
(351) 278-80-94, 278-80-95.

E-mail: ok@uralsan.ru

Также подробная информация
размещена на нашем сайте:

WWW.URALSAN.RU